

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

ИБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ВЕЛИКИЙ ГЕТСБИ, НОЧЬ НЕЖНА,
ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ
БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Фрэнсис Скотт Кэй Фицджеральд

Избранные сочинения.

Великий Гэтсби. Ночь нежна.

Загадочная история Бенджамина

Баттона. С иллюстрациями

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

1921

Фицджеральд Ф.

Избранные сочинения. Великий Гэтсби. Ночь нежна.
Загадочная история Бенджамина Баттона. С иллюстрациями
/ Ф. Фицджеральд — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», 1921

ISBN 978-0-88-000777-1

Культовые романы американского классика Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» – зеркало американского общества того времени, которое называют «эпохой джаза». Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале этого нового века, – плоть от плоти той легендарной эпохи, он отразил ее ярче, скандальнее и одновременно убедительнее всех. Эрнест Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, и наиболее известный из них (во многом, благодаря экранизации с Бредом Питтом в главной роли) – «Загадочная история Бенджамина Баттона» – представлен в этом сборнике. Великий Гэтсби (Перевод: Дмитрий Кабацкий) Ночь нежна (Перевод: Людмила Галичий) Загадочная история Бенджамина Баттона (Перевод: Светлана Вишневская)

ISBN 978-0-88-000777-1

© Фицджеральд Ф., 1921
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 1921

Содержание

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	59
ГЛАВА 7	68
ГЛАВА 8	86
ГЛАВА 9	96
НОЧЬ НЕЖНА	108
Часть 1	109
Глава 1	109
Глава 2	112
Глава 3	115
Глава 4	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Френсис Скотт Фицджеральд
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Великий Гэтсби
Ночь нежна
Загадочная история Бенджамина Баттона
С иллюстрациями

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

ГЛАВА 1

В мои более молодые и более восприимчивые годы мой отец дал мне один совет, который у меня не выходит из головы с тех пор.

– Как только ты почувствуешь желание осудить кого-либо, – сказал он мне, – просто вспомни, что ни у кого в этом мире не было тех преимуществ, какие были у тебя.

Больше он ничего не сказал, но мы всегда были необычайно красноречивы в нашем немногословии, и я понял, что он имел в виду гораздо больше, чем сказал. Вследствие этого я склонен сдерживать все свои суждения, и эта привычка обрушила на меня откровенность многих странных душ, а также сделала жертвой немалого количества профессиональных зануд. Человек, которому неведомы нормы приличий, быстро распознает и привязывается к этому качеству, когда оно проявляется в нормальном человеке, и поэтому случилось так, что в колледже меня несправедливо обвиняли в интриганстве, потому что я был посвящен в тайные горести каких-то совершенно случайных, незнакомых мне людей. Большинство этих откровений были непрошеными: часто я делал вид, что хочу спать, что занят или изображал отстраненное легкомыслие, когда определял по некоторому безошибочному признаку, что впереди меня ожидало очередное доверительное откровение, так как доверительные откровения молодых людей, или, по крайней мере, те слова и фразы, с помощью которых они открывают свои секреты, как правило, шаблонны и грешат очевидной недосказанностью. Быть сдержанным в суждениях – значит иметь бесконечную надежду. Я до сих пор еще боюсь упустить что-то из доверяемого моим ушам, если забываю, что, как говорил мой отец-сноб, и я, как сноб, повторяю, чувство элементарных приличий выдается каждому при рождении неодинаково.

И вот, похваставшись таким образом своей терпимостью, я прихожу к допущению, что и она имеет свой предел. Поступки человека могут иметь железобетонные основания или тонуть в топких болотах, однако на каком-то этапе мне становится уже неинтересно знать, на чем они основаны. Когда я вернулся с Востока прошлой осенью, я готов был одеть весь мир во что-то типа нравственной униформы и дать ему неотменимую команду «смирно!»; я уже устал от всех этих необузданных экскурсий в человеческое сердце с эксклюзивным правом осмотра достопримечательностей. И только Гэтсби, – человек, именем которого названа эта книга, не вызывал во мне такой реакции; Гэтсби, который был олицетворением всего, к чему я испытывал искреннее презрение. Если личность представляет собой непрерывный ряд рассчитанных на внешний эффект и достигающих своей цели жестов, тогда в нем было что-то незаурядное, какая-то повышенная чувствительность к посулам жизни, будто он имел связь с одним из

тех хитроумных устройств, которые регистрируют землетрясения на расстоянии десяти тысяч миль. Эта восприимчивость не имела ничего общего с той вялой впечатлительностью, которая удостоена названия «творческий темперамент»; это был необыкновенный дар способности к надежде, романтической готовности к успеху, какого я ни разу не встречал ни в одном человеке и, наверно, никогда уже не встречу. Нет, Гэтсби оказался достойным этого дара в конце; просто тот шлейф, который тянулся за Гэтсби, вся та грязная пыль, которую он поднял в воздух, идя за своими мечтами, – все это временно ликвидировало мой интерес к бесплодным скорбям и мимолетным восторгам людей.

Мои близкие – известные состоятельные люди, третье поколение которых уже живет в этом городе на Среднем Западе. Семейство Каррауэй представляет собой нечто наподобие клана со своим преданием, которое гласит, что мы происходим от герцогов Бакклу, однако фактическим основателем моей родословной был брат моего деда, который прибыл сюда в пятьдесят первом, послал на Гражданскую Войну вместо себя заместителя и основал компанию по оптовой торговле скобяными изделиями «J», которую мой отец продолжает возглавлять сегодня.

Я ни разу не видел этого моего двоюродного деда, но я, надо полагать, был похож на него, особенно если посмотреть на портрет того довольно крутого парня, который висит в кабинете моего отца. Я окончил Нью Хэйвен в 1915-м, ровно через четверть века после моего отца, а спустя еще немного времени принял участие в том запоздалом тевтонском переселении, которое известно как Первая мировая война. Мне настолько понравилось ходить в контратаки, что, вернувшись домой, я почувствовал себя не в своей тарелке. Перестав быть уютным центром мира, Средний Запад теперь стал похож на потрепанный край вселенной, поэтому я решил отправиться на Восток, чтобы научиться торговле облигациями. Все, кого я знал, занимались торговлей облигациями, и я подумал, что это занятие вполне могло бы обеспечить еще одного

холостяка. Все мои тети и дяди обсуждали между собой это так подробно, будто подбирали для меня приготовительную школу, и, наконец, дали свое «добро», сказав: «Ну что ж, пусть попробует, если ему хочется» с очень серьезными, полными скепсиса лицами. Отец согласился заплатить за один год моего обучения, и после отсрочек по самым разным поводам я прибыл на Восток, как я думал, на постоянное жительство весной двадцать второго года.

Нужно еще было найти в городе комнаты, чтобы снять, но время года было теплое, и я совсем недавно прибыл из сельской местности с ее широкими газонами и ветвистыми деревьями, так что когда один молодой парень из офиса предложил мне снять дом на двоих в пригороде, эта идея мне показалась великолепной. Он нашел такой дом – потрепанный бунгало из гипсокартона за восемьдесят в месяц, но в последнюю минуту фирма откомандировала его в Вашингтон, и я отправился в пригород один. У меня были: пес – по крайней мере, несколько дней, пока не сбежал, – а также старенький «Додж» и одна финка, которая стирала мне постельное белье и готовила завтраки, а также бурчала себе под нос что-то по-фински, воркуя над электрической плитой.

Мое одиночество длилось примерно с день, может быть, чуть больше, до тех пор, пока однажды утром меня не остановил на дороге один человек, прибывший в эту местность немного позже меня.

– Как добраться до поселка Уэст-Эгг? – беспомощно спросил он.

Я объяснил ему. И с той минуты мой путь перестал быть одиноким. Я был уже проводником, кормчим, местным жителем. Он случайно дал мне ощутить всю удивительную привольность этой местности.

И, таким образом, сияющий солнечный свет и быстро распускающаяся, как в быстрой киноленте, листва на деревьях вернули мне то уже знакомое убеждение, что с наступлением лета жизнь начинается заново.

Первым делом мне нужно было очень много прочитать и очень много здоровья почерпнуть из этого вибрирующего юной жизнью, животворящего воздуха. Я купил с десятков книг по банковскому делу, кредиту и инвестиционным ценным бумагам, и они стояли у меня на полке ровным рядом с красными корешками с позолотой, будто только что отпечатанные новые банкноты, обещая раскрыть передо мной выдающиеся секреты, о которых знали только Мидас, Морган и Меценат. И у меня было твердое намерение прочесть еще много других книг помимо этих. В колледже я считался человеком с довольно незаурядными литературными способностями; однажды я написал серию банальных, отвечавших всем правилам жанра передовиц для «Новостей Йейля», и теперь собирался вернуть в свою жизнь все это и снова стать самым ограниченным из всех специалистов, то есть, «всесторонне образованным человеком». И это не только остроумие: жизнь на самом деле гораздо успешнее поддается описанию, если наблюдать за ней из одного окна.

По чистой случайности я снял дом в одном из самых необычных и странных населенных пунктов в Северной Америке. Он стоял на том узком и богатом растительностью острове, который простирается на восток от Нью-Йорка и который в числе прочих природных достопримечательностей имеет два выступающих участка суши необычной формы. На расстоянии двадцати миль от города пара огромных яйцеобразных кусков суши, одинаковых по форме и отделенных друг от друга всего лишь одной бухтой, которую можно считать условностью, выступает в самую внутреннюю часть океана в Западном полушарии, – в большую морскую помойку, какой является пролив Лонг-Айленд. Это не идеальные овалы, как у яйца в истории с Колумбом, – они оба сплющены со стороны контакта, – однако их физическая схожесть, должно быть, является причиной вечной путаницы для чаек, летающих над ними. Для бескрылых же более привлекательным феноменом является их несхожесть во всем, кроме формы и размеров.

Я жил на Уэст-Эгге – менее фешенебельном из двух этих яйцеобразных выступов, хотя слова «менее фешенебельный» – характеристика, весьма поверхностно передающая неестественный и достаточно зловещий контраст между ними. Мой дом стоял на самой вершине «яйца», всего в пятидесяти ярдах от берега Пролива, будучи зажат между двумя огромными поместьями, которые сдавались в аренду за двенадцать или даже пятнадцать тысяч за сезон. Поместье справа от меня было поистине колоссальным по всем меркам – это была настоящая копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с башней на одной стороне, сияющей новизной отделки из-под редкой свисающей бородки из плюща, и бассейном из мрамора, а также с газонами и садом на более чем сорока акрах земли. Это был особняк Гэтсби или же, поскольку я еще не знал мистера Гэтсби, особняк, в котором жил человек, носивший это имя. Дом, в котором жил я, был уродливым объектом, но это был очень маленький уродец, поэтому его просто не заметили, в результате чего я имел из своих окон вид на воду, частично на газон моего соседа и утешительное соседство с миллионерами, и все это за восемьдесят долларов в месяц.

По другую сторону условной бухты на водной глади вдоль берега блестели ослепительно белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга, и история событий этого лета на самом деле берет начало с того вечера, когда я поехал туда, чтобы пообедать с семейством Тома Бьюкенена. Дэйзи была моей троюродной сестрой, а с Томом мы познакомились в колледже. И сразу после войны я провел с ними два дня в Чикаго.

Среди разнообразных физических достижений ее мужа выделялось одно: он был одним из самых сильных фланговых игроков, когда-либо игравших в футбол в Нью-Хэйвене, – в своем роде национальный герой, один из тех, которые в свои двадцать с небольшим достигают такой высокой вершины успеха, что все последующие достижения отдают горьким привкусом разочарования. Семья его была непомерно богата, так что даже в колледже его часто отчитывали за слишком вольное обращение с деньгами; потом он вдруг взял и переехал из Чикаго на Восток, но если рассказать вам в подробностях, как он переехал, у вас захватит дух; например, он привез с собой из Лейк Фореста всех своих пони для конного поло. Трудно было представить себе, чтобы человек моего возраста мог быть настолько богат!

По какой причине они приехали Восток, я не знаю. Они поехали во Францию без какой-либо особой цели и прожили там год, после чего кочевали с места на место, останавливаясь ненадолго там, где собирались богатые люди и играли в игру для богатых – конное поло. Этот переезд был последним, как сказала мне Дэйзи по телефону, но я ей не поверил; я не мог проникнуть в сердце Дэйзи, но я чувствовал, что Том будет кочевать и дальше с некоторым сожалением и вечным стремлением внести в свою жизнь драматическую напряженность какого-нибудь матча из своего невозвратимого футбольного прошлого.

И вот однажды вечером, в теплую ветреную погоду, я сел в машину и отправился в Ист-Эгг, к двум старым друзьям, которых я почти даже не знал. Они жили в доме, который оказался даже еще более изысканным, чем я ожидал; это был особняк в георгианском колониальном стиле, выдержанный в веселых красно-белых тонах, с видом на бухту. Газон начинался у пляжа и тянулся на четверть мили в сторону передней двери, затем, перепрыгнув через солнечные часы и выложенные кирпичом аллеи, а также пылающие разноцветьем сады и добежав, наконец, до дома, продолжал взбираться вверх по его стене уже в виде красивых виноградных лоз, будто по инерции от своего быстрого бега. Фасад был изрезан расположенными в ряд французскими окнами, пылающими в это время отраженным сиянием золота и открытыми настежь для теплого вечернего ветерка; на переднем крыльце, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в одежде для верховой езды.

Он изменился по сравнению с тем Томом, какого я знал в Нью-Хэйвене. Теперь передо мной стоял плотный мужчина тридцати лет с соломенного цвета волосами, немного выступающим подбородком и надменной манерой держать себя. Пара сверкающих высокомерных

глаз прочно установила свое господство на его лице, придав ему агрессивный вид человека, постоянно наклоненного вперед. Даже женственный стиль его одежд не мог скрыть всей мощи его телосложения: ноги его, обутые в начищенные до блеска ботинки, распирала их так, что натягивались шнурки, и можно было видеть, как под тонким плащом играла огромная масса мышц, когда он двигал плечом. Это было тело, которое могло сдвигать горы; словом, варварски мощное тело.

Голос, каким он говорил – грубый, хриплый тенор, – усиливал впечатление человека раздражительного, которое он создавал своим внешним видом. В нем чувствовалась нотка патерналистского презрения, причем даже к тем, которые ему нравились, и в Нью-Хэйвене были те, которые его на дух не переносили.

«Не думайте, что мое слово всегда последнее, – казалось, говорил он, – только потому, что я сильнее и больше похож на мужчину, чем вы». Мы все были студентами старшего курса, и хотя мы никогда не были с ним близкими друзьями, у меня всегда было ощущение, что он относился ко мне положительно и хотел расположить меня к себе некоторым своим грубым, дерзким сожалением.

Несколько минут мы беседовали, стоя на залитом солнцем крыльце.

– Место у меня здесь замечательное, – сказал он, постоянно водя сверкающими глазами.

Развернув меня одной рукой, он провел широкой плоской ладонью вдоль открывающейся с крыльца великолепной панорамы, включив в нее утопающий в глубине итальянский сад, пол-акра темных колючих роз и моторную лодку с загнутым носом, которую волны били о причал.

– Это все принадлежало Демейну, нефтепромышленнику. – Затем он снова развернул меня, вежливо и резко. – Пошли в дом.

Мы прошли через прихожую с высоким потолком в некое пространство в ярко-розовых тонах, хрупко очерченное с обеих сторон и вписанное в ансамбль дома французскими окнами. Окна эти были приоткрыты и ослепительно белели на фоне ярко-зеленой травы, которая, казалось, пробралась даже немного внутрь дома. Морской ветер врывается в комнату, надувал шторы, будто бледные флаги, внутрь на одной стороне и наружу на другой, подбрасывал концы их к ступенчатому, похожему на свадебный торт матовому потолку и затем пронесся над вишневым ковром, топорща на нем ворс и оставляя темный след, будто над морем.

Единственным совершенно неподвижным предметом в комнате был огромных размеров диван, на котором парили, как на привязанном аэростате, две молодые женщины. Обе они были в белом, и платья их играли мягкими складками и трепетали на них, будто они только что были занесены сюда ветром после короткого полета по дому. Я простоял, должно быть, какое-то совсем малое время, слушая это шуршание и шелканье штор, а также стон ветра за картиной на стене. Затем раздался стук: Том Бьюкенен закрыл окна во двор, и ветер, пойманный в ловушку, замер в комнате, и шторы, ковры и две молодые женщины медленно опустились на пол.

Та из них, которая моложе, была мне незнакома. Она сидела, вытянувшись во весь рост, на своем конце кресла-дивана совершенно неподвижно, подбородок ее был приподнят, будто она удерживала на нем что-то, что постоянно грозило упасть. Если она и увидела меня краем глаза, то не подала ни малейшего намека на это, и я почти растерялся от неожиданности, пробормотав какие-то слова извинения за то, что потревожил ее, войдя в комнату.

Вторая девушка, Дэйзи, сделала попытку встать: она наклонилась немного вперед с сознанием собственного достоинства на лице, затем засмеялась каким-то абсурдным, очаровательным мелким смехом, и я также засмеялся и прошел на середину комнаты.

– Я какая-то п-парализованная от счастья!

Она снова засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное, и задержала на мгновение мою руку в своей, подняв глаза и глядя мне прямо в лицо, чем уверяла, что никого в мире она не хотела так сильно увидеть, как меня. Такова была ее особенная манера. Шепотом она сообщила мне, что фамилия той качающейся девушки – Бейкер. (Я слышал от других, что

шепотом Дэйзи говорит только для того, чтобы заставить слушателя пригнуться к ней, что я считаю несправедливой критикой, которая, однако, не делает ее менее очаровательной).

Во всяком случае, губы мисс Бейкер зашевелились, она кивнула едва заметно в мою сторону и затем быстро запрокинула голову: «предмет», который она, качаясь, удерживала в равновесии, очевидно, покачнулся, вызвав у нее что-то вроде испуга. И снова что-то похожее на извинение слетело с моих губ. Почти всякое проявление полной самодостаточности вызывает у меня ошолобление.

Я оглянулся на свою кузину, которая начала задавать мне вопросы своим низким, вибрирующим голосом. Это был один из тех голосов, к которому ухо приковывается сразу и внимает, не отрываясь, до конца, будто каждая фраза представляет собой уникальное сочетание звуков, воспроизвести которое не удастся больше никогда. Лицо ее было печально и красиво, с яркими украшениями на нем, яркими глазами и яркими, страстными губами, однако в голосе ее было какое-то радостное возбуждение, почти незабываемое для мужчин, которым она нравилась, какая-то поющая убедительность; произносимое шепотом «Слушай!», уверяющее в том, что буквально сразу после уже рассказанного с ней еще происходили веселые и радостные события, и что в ближайший час будет еще рассказ о веселых и радостных событиях.

Я рассказал ей, что по пути на Восток я задержался на день в Чикаго и что с десяток человек передают ей через меня привет.

– Им меня не хватает? – в восторге воскликнула она.

– Пустой весь город. У всех машин левое заднее колесо покрашено в черный цвет в знак траура, а вдоль всей северной набережной постоянно воют сирены.

– Красота! Давай вернемся назад, Том. Завтра же! Потом она неожиданно добавила: – Ты должен увидеть девочку.

– Хотелось бы.

– Она сейчас спит. Ей три годика. – Неужели ты ее никогда не видел?

– Никогда!

– Ну, тогда тебе обязательно нужно ее увидеть. Она такая...

Том Бьюкенен, который все это время кружил по комнате, вдруг остановился и положил мне руку на плечо.

– Чем занимаешься, Ник?

– Продаю облигации.

– Чьи и кому?

Я сказал ему.

– Никогда не слышал о таких, – заметил он резко.

Это меня задело.

– Еще услышишь! – кратко ответил я. – Услышишь, если только останешься на Востоке.

– О, на Востоке я, конечно же, останусь: можешь не беспокоиться, – сказал он, посмотрев на Дэйзи и потом снова на меня, будто его тревожило что-то еще. – Я был бы полным идиотом, если бы выбрал для жизни любое другое место.

В этот момент мисс Бейкер произнесла «Точно!» настолько неожиданно, что я вздрогнул: это было первое слово, которое она произнесла с тех пор, как я вошел в комнату. Очевидно, это удивило ее саму не меньше, чем меня, так как она зевнула и, сделав несколько быстрых, ловких движений, оказалась в вертикальном положении посередине комнаты.

– У меня все уже онемело, – пожаловалась она. – Я пролежала на этом диване целую вечность.

– На меня даже не смотри, – отпарировала Дэйзи. – Я весь вечер пытаюсь вытащить тебя в Нью-Йорк.

– Нет, спасибо! – сказала мисс Бэйкер в сторону четырех коктейлей, только что внесенных в комнату из буфетной. – У меня сейчас сплошные тренировки.

Том посмотрел на нее с недоверием.

– О, да, конечно! Он опрокинул в себя коктейль, будто в стакане его было с каплю. – Как ты вообще добиваешься каких-то успехов с такими «тренировками», для меня загадка.

Я посмотрел на мисс Бейкер, гадая, в чем именно она «добивается успехов». Вид ее мне понравился. Это была стройная девушка с небольшой грудью, прямой осанкой, которую она еще больше подчеркивала, отводя плечи назад, как молодой кадет. Ее серые, прищуренные от солнца глаза тоже смотрели на меня с вежливым взаимным любопытством с бледного, очаровательного, недовольного лица. Мне вдруг пришла в голову мысль, что или ее, или ее фотографию я уже видел где-то раньше.

– Вы ведь живете в Уэст-Эгге, – заметила она презрительно. – Я кое-кого там знаю.

– Я не знаю там ни...

– Но вы не можете не знать Гэтсби.

– Гэтсби? – переспросила Дэйзи. – Какого Гэтсби?

Прежде, чем я успел ответить, что это был мой сосед, объявили обед; властно взяв меня под руку своей мускулистой рукой, Том Бьюкенен повел меня из комнаты, будто передвигал шашку из одной клетки на другую.

Стройной, томной походкой, едва касаясь руками бедер, две молодые женщины вышли, предвзяв нас, на веранду, выдержанную в розовых тонах, из которой открывался вид на закат; там стоял стол, на котором мерцали огоньки четырех свечей на затихающем ветру.

– Зачем *свечи*??? – запротестовала Дэйзи, нахмурившись, и пальцами выдернула их. – Еще две недели, и наступит самый длинный день в году. – сказав это, она обвела нас всех сияющим взглядом. – А вы всегда ожидаете наступления самого длинного дня в году, а потом пропускаете его? Я вот всегда ожидаю самого длинного дня в году, а потом забываю и пропускаю его.

– Нам нужно что-то запланировать на этот день, – зевнув, сказала мисс Бейкер, садясь за стол так, будто ложилась в постель.

– Прекрасно! – сказала Дэйзи. – И что мы запланируем? Она повернулась ко мне беспомощно: – А что обычно планируют люди?

Прежде, чем я смог ответить, она с ужасом в глазах уже рассматривала свой мизинец.

– Смотрите! – жалобно сказала она, – Он до сих пор у меня болит.

Мы все посмотрели на ее палец: его костяшка была иссиние-черная.

– Это все ты, Том, – сказала она осуждающе. – Я знаю, ты не хотел, но ты *сделал* это. Это мне расплата за то, что я вышла замуж за зверя, а не человека, за огромного, здоровенного сундука...

– Я не терплю это слово «сундук», – прервал Том сердито, – даже сказанное в шутку.

– Сундук! – настаивала Дэйзи.

Иногда они с мисс Бейкер говорили одновременно, ненавязчиво, ведя шутивную, легкомысленную беседу, которая никогда не превращалась в пустую болтовню и была такой же холодной, как и их белые платья и отчужденный взгляд, выдававший отсутствие всякого желания говорить. Они присутствовали среди нас и были благосклонны к нам с Томом, лишь из вежливости делая усилие над собой, чтобы казаться веселыми, шутить или реагировать на шутки. Они знали, что скоро этот обед закончится, а немного позже и этот вечер также закончится и будет легко забыт. Совсем не так было на Западе, где вечер убивали торопливо час за часом, пока он не подходил к концу, в постоянном разочаровании от того, что он затягивается, или же в нервном страхе от переживания самого этого момента.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя нецивилизованным, Дэйзи, – признался я после второго бокала отдающего пробкой, но весьма неплохого бордо. – Разве ты не можешь поговорить об урожае, например, или еще о чем-то?

Я не имел в виду ничего особенного под этим замечанием, но оно было воспринято совершенно неожиданным для меня образом.

– Цивилизация сейчас трещит по всем швам, – вдруг воскликнул Том с напором. – Я стал страшным пессимистом относительно того, куда все идет. Ты читал «Подъем «цветных» империй» этого молодца Годдарда?

– Н-нет, – ответил я, весьма удивленный его тоном.

– Прекрасная книга! Ее должен прочитать каждый. Ее главная мысль в том, что если мы не будем бдительными, белая раса будет... будет полностью подчинена. Это все научные выводы; они доказаны.

– Том становится очень заумным, – сказала Дэйзи с выражением недумавшей грусти. – Он читает заумные книги, в которых много длинных слов. Каким было то слово, которое мы...

– Эти книги все научные, – настаивал Том, глядя на нее с нетерпением. – Автор проработал всю эту тему. Мы, относящиеся к доминирующей расе, должны проявлять бдительность, иначе другие расы захватят контроль над всем.

– Мы должны их подавить, – прошептала Дэйзи, свирепо шурясь в сторону жаркого солнца.

– Вы, должно быть, жили в Калифорнии... – начала мисс Бейкер, но Том прервал ее, тяжело отодвинувшись в своем кресле.

– Взять хотя бы эту идею о том, что мы все – представители нордической расы: и я, и ты, и ты, и... – после бесконечно короткого, но показавшегося целой вечностью колебания он включил в это перечисление и Дэйзи легким кивком головы, и она снова подмигнула мне. – И мы же создали все то, без чего цивилизации не бывает: науку, искусство и все такое прочее. Улавливаешь суть?

Какая-то нотка грусти была в этой его серьезности, будто его удовлетворенности собой, еще более остро ощущаемой, чем в давние времена, ему уже было недостаточно. Когда почти сразу после этой его фразы раздался телефонный звонок, и дворецкий вышел из веранды, Дэйзи мгновенно воспользовалась этой краткой паузой и наклонилась ко мне.

– Я расскажу тебе одну семейную тайну, – прошептала она с энтузиазмом. – О носе дворецкого. Ты хочешь услышать тайну о носе дворецкого?

– Именно для этого я и пришел сюда вечером.

– Ну так вот, он не всегда был дворецким; раньше он был чистильщиком серебра у одних людей в Нью-Йорке, у которых был серебряный сервиз на двести персон. Он чистил его с утра до ночи, пока от этого у него не начались проблемы с носом...

– Дела с носом становились все хуже и хуже, – предположила мисс Бейкер.

– Да. Состояние его носа становилось все хуже и хуже, так что в конце концов он вынужден был оставить свою должность.

На какое-то мгновение последние лучи солнца с романтической нежностью озарили ее сияющее лицо; голос ее был таким, что, слушая ее, я поневоле затаил дыхание и нагнулся вперед; затем сияние стало исчезать с ее лица, неохотно и с долгим сожалением покидая его своими лучами, подобно тому, как дети покидают улицу в наступающих сумерках.

Вернулся дворецкий и прошептал что-то Тому на ухо, после чего Том нахмурился, отодвинул кресло и, не говоря ни слова, вошел в дом. В тот же миг Дэйзи пригнулась ко мне снова, будто его отсутствие оживило что-то внутри нее; голос ее звучал радостно и нараспев.

– Я так рада видеть тебя за моим столом, Ник! Ты напоминаешь мне... да, розу, настоящую розу! Разве я не права? – она повернулась к мисс Бейкер за подтверждением. – Разве он не похож на розу?

Это была неправда. Я даже и близко не похож на розу. Это была всего лишь импровизация с ее стороны, но какая-то волнующая теплота исходила от нее, будто сердце ее пыталось

прорваться к вам, спрятавшись в одном из этих волнующих, произносимых с придыханием слов. Затем она вдруг бросила свою салфетку на стол и, извинившись, пошла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись краткими взглядами, сознательно лишенными значения. Я уже открыл рот, чтобы начать говорить, когда она, насторожившись, выпрямилась на стуле и предостерегающе зашипела. Приглушенный страстный шепот доходил к нам из-за двери, и мисс Бейкер, нимало не стесняясь, наклонилась вперед, пытаясь разобрать слова. Шепот этот сначала дрожал на грани еле слышимого, потом затих, потом резко усилился до возбужденного и затем полностью исчез.

– Этот мистер Гэтсби, о котором вы говорили, – мой сосед, – сказал я.

– Давайте помолчим. Я хочу слышать, что там происходит.

– А что, что-то происходит? – спросил я невинно.

– Вы хотите сказать, что вы не в курсе? – сказала мисс Бейкер, искренне удивившись. – Я думала, все уже знают.

– Я – нет.

– Ну как же..., – произнесла она нерешительно. – У Тома есть одна женщина в Нью-Йорке.

– Женщина? – повторил я безучастно.

Мисс Бейкер кивнула.

– Она могла хотя бы из чувства приличия не звонить ему во время обеда. Вы так не считаете?

Прежде, чем до меня дошел смысл ее слов, послышался шелест платья и хруст кожаных ботинок, и Том с Дэйзи уже снова были за столом.

– Было просто невозможно усидеть на месте! – воскликнула Дэйзи с натянутой веселостью.

Она села, посмотрела испытующим взглядом сначала на мисс Бейкер, потом на меня, и продолжила: – Я вышла на воздух на минутку, и там так романтично, на воздухе! На газоне сидит какая-то птичка – я думаю, соловей, добравшийся сюда на пароходе Кьюнарда или «Уайт Стар Лайн». Он так красиво поет... – И далее нараспев: – Это та-а-к романтично, не правда ли, Том?

– Очень романтично, – ответил он ей, и затем скорбным голосом произнес в мою сторону: – Если еще будет светло после обеда, я хочу показать тебе конюшни.

В доме пугающе зазвонил телефон, и по тому, как решительно Дэйзи замахала головой Тому, я понял, что тема конюшен отпала сама собой, как, впрочем, и все остальные темы. Из отдельных фрагментов последних пяти минут, проведенных за столом, я помню только то, что были зачем-то снова зажжены свечи, и то, как я хотел заглянуть прямо в глаза всем и избежать при этом их взглядов. Я не мог сказать, о чем в тот момент думали Том и Дэйзи, но я сомневаюсь, чтобы даже мисс Бейкер, которая, похоже, уже выработала в себе определенный невозмутимый скепсис, смогла полностью стереть впечатление от пронзительного металлического настойчивого звона этого пятого гостя. Возможно, кому-то эта ситуация и показалась бы интригующей; моим же инстинктивным порывом было немедленно позвонить в полицию.

О лошадях, понятно, уже не могло быть и речи. Том и мисс Бейкер, держа в сумерках дистанцию в несколько футов друг от друга, проследовали обратно в библиотеку, будто для дежурства у постели какого-то вполне реального тела, тогда как я, пытаясь выглядеть приятно заинтересованным и немного глуховатым, проследовал за Дэйзи по цепи соединяющих отдельные части дома веранд к переднему крыльцу. В его темном мраке мы сели друг возле друга на плетеном канapé.

Дэйзи обхватила лицо руками с двух сторон, будто ощупывая его красивые очертания, постепенно всматриваясь в густые сумерки. Я видел, что в ней бушевала буря чувств, поэтому я задал ей несколько, как мне казалось, успокоительных вопросов о ее маленькой девочке.

– Мы ведь совершенно не знаем друг друга, Ник, – неожиданно произнесла она, – даже несмотря на то, что мы кузены. Ты не пришел на мою свадьбу.

– Я тогда еще не вернулся с войны.

– Ах, да. – Она замолчала. – Мне сейчас очень тяжело на душе, Ник, и я очень цинично отношусь ко всему.

Очевидно, она имела хорошую причину быть циником. Я молчал, ожидая, что она скажет что-то еще, но, не дождавшись, довольно осторожно вернулся к теме ее дочери.

– Я так думаю, что она уже хорошо говорит, а также ест... ну, и все прочее.

– О, да, конечно. – Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом. – Послушай, Ник; хочешь, я тебе сейчас скажу, какие я произнесла слова, когда она только родилась? Хочешь узнать?

– Очень даже!

– Из этого ты поймешь, каким образом у меня сложилось такое отношение к... вообще ко всему. Это было, когда ей не было еще и часа после родов, а Том был в это время бог знает где. Я пришла в себя после эфира с чувством полной оставленности и сразу же спросила медсестру, мальчик родился или девочка. Она сказала мне, что девочка, и как только я это услышала, я отвернулась к стенке и заплакала. – Что ж, – сказала я, – я рада, что девочка. И я надеюсь, что она будет душой – это лучшее, кем может быть девушка в этом мире: милой маленькой дурочкой.

– Дело в том, что я считаю, что все в этом мире ужасно так или иначе, – продолжала она убежденно. – И так считают все, даже самые передовые люди. А я это *знаю*. Я побывала везде, видела все и прошла через все. Глаза ее вызывающе сверкали во тьме, в точности, как у Тома, и она засмеялась нервным, презрительным смехом. – Это жизненный опыт! Боже, это же настоящий жизненный опыт!

Как только ее голос умолк, перестав приковывать к себе мое внимание, мое доверие, в тот же миг я почувствовал принципиальную неискренность во всем том, что она говорила. Я почувствовал себя неловко, будто весь этот вечер был неким трюком, специально разыгранным для того, чтобы вызвать во мне чувство участия. Я выжидательно молчал, и через мгновение мои догадки получили подтверждение: она уже смотрела на меня с самодовольной улыбкой на своем миловидном лице, будто только что доказала свое право на членство в некоем весьма утонченном тайном обществе, к которому они с Томом принадлежали.

В доме выдержанная в темно-красных тонах комната сияла, залитая светом. Том с мисс Бейкер сидели на разных концах длинного дивана; она читала ему вслух из «Сэтердэй Ивнинг Пост»: слова, произносимые монотонно и без интонации, сливаясь, журчали успокоительным потоком. Свет от лампы, ярко отражаясь от его ботинок и тускло – от ее желтых, как осенние листья, волос, скользил по газете, когда она переворачивала страницу, трепетавшую в ее тонких руках.

Когда мы вошли, она на мгновение подняла руку, дав нам знак помолчать.

– Продолжение читайте, – сказала она, швырнув журнал на стол, – в нашем ближайшем номере.

Ее тело заявило о себе беспокойным движением колена, и она встала.

– Уже десять часов, – заметила она, очевидно, увидев время на потолке. – Пора уже этой замечательной девушке идти спать.

– Джордан завтра играет в турнире, – пояснила Дэйзи, – в Вестчестере.

– О, так вы – Джордан Бейкер!

Теперь я понял, почему мне ее лицо показалось таким знакомым: это миловидное лицо презрительно смотрело на меня со многих ротогравюр спортивной жизни в Эшвилле, Хот

Спрингсе и Палм-Бич. Я также слышал, что о ней рассказывали какую-то историю, что-то такое неодобрительное и неприятное, но что именно, я давно забыл.

– Спокойной ночи! – сказала она тихо. – Разбуди меня в восемь, хорошо?

– Если ты еще встанешь.

– Встану. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Еще увидимся.

– Конечно, увидите, – подтвердила Дэйзи. – Я даже думаю организовать свадьбу. Приходи сюда почаще, Ник, и я буду... создавать вам обстановку: что-то наподобие этого. Ну, там, закрою вас случайно в бельевом шкафу в лодке и вытолкну вдвоем в море, и все такое прочее...

– Спокойной ночи, – крикнула мисс Бейкер с лестницы. – Я не расслышала ни слова.

– Славная девушка, – сказал Том через мгновение. – Им не следовало ее отпускать, чтобы она вот так болталась по стране.

– Кому не следовало? – холодно поинтересовалась Дэйзи.

– Ее близким.

– Ее близкие – это одна тетка, которой уже тыща лет. Кроме того, Ник будет присматривать за ней, не так ли, Ник? Этим летом она здесь очень часто будет на выходных. Думаю, домашняя обстановка окажет на нее самое благоприятное воздействие.

Дэйзи и Том молча переглянулись.

– Она из Нью-Йорка? – спросил я.

– Из Луисвилля. – Наше белоснежное девичество прошло там. Наше прекрасное белокожее...

– Ты что, устроила Нику маленькую задушевную беседу на веранде? – неожиданно спросил Том.

– Разве? – Она посмотрела на меня. – Я сейчас не помню, но, по-моему, мы говорили о нордической расе... Да! Точно: о нордической расе. Она как-то сама заговорила в нас, ну и мы... увлеклись.

– Не верь всему, что слышишь, Ник! – посоветовал он мне.

Я ответил безразлично, что вообще ничего не услышал, и уже через несколько минут встал, чтобы идти домой. Они подошли вместе со мной к двери и стали друг возле друга на ярком пятнышке света. Когда я завел мотор, Дэйзи повелительно окликнула меня:

– Подожди! Я забыла спросить у тебя кое о чем, а это важно. Мы слышали, что ты помолвлен с какой-то девушкой на Западе.

– Вообще да, – подтвердил Том добродушно. – Мы слышали, что ты помолвлен.

– Это клевета! Я для этого слишком беден.

– Но мы об этом слышали! – настаивала Дэйзи, удивив меня тем, что оживилась снова, как внезапно раскрывшийся цветок. – Мы слышали об этом от трех разных людей, так что это должно быть правдой.

Конечно же, я знал, на что они намекают, но это даже близко нельзя было назвать помолвкой. Как раз то, что злые языки разнесли это по всей округе, и было одной из причин, по которым я подался на Восток. Невозможно перестать встречаться с давней подружкой из-за слухов, а с другой стороны, у меня не было никакого намерения пойти на поводу у слухов и жениться.

Их интерес хоть и весьма тронул меня и несколько сократил дистанцию между моим положением и их богатством, тем не менее, я уезжал от них озадаченный и с каким-то неприятным осадком в душе. На мой взгляд, первое, что должна была сделать Дэйзи, – это схватить ребенка и убежать из дома, но, очевидно, таких намерений в голове у нее не было. Что касается Тома, то тот факт, что «у него есть какая-то женщина в Нью-Йорке», на самом деле удивлял меньше, чем тот факт, что какая-то книга вызвала у него упадническое настроение. Что-то заставляло его хвататься за плесневелый сухарь устаревших идей, будто самомнение от своего крепкого физического телосложения перестало питать его высокомерное сердце.

Глубокое лето уже наступило, судя по крышам придорожных гостиниц и площадкам перед придорожными гаражами, на которых стояли новенькие красные бензоколонки в кругах света от фонарей, и, доехав до моего поместья в Уэст Эгге, я загнал машину под навес и присел на минутку на оставленный во дворе каток для газона. Ветер оттрубил свое, оставив после себя наполненную громкими звуками, ясную ночь с хлопанием крыльев в ветвях деревьев и неумолчным органным звуком квакающих лягушек, будто непрерывно выдуваемых землей из своих наполненных мехов. В лунном свете появилась движущаяся тень от бегущей кошки и, повернув голову, чтобы проследить за ней, я увидел, что я не один: в пятидесяти футах от меня из тени особняка моего соседа вынырнула фигура человека, который остановился и, засунув руки в карманы, стал неподвижно смотреть на серебристые блески звезд. Что-то в его неспешных движениях и твердо стоящих на газоне ногах было такое, что говорило мне, что это сам мистер Гэтсби, который вышел на открытый воздух, чтобы определить, какая доля наших местных небес принадлежит ему.

Я решил его окликнуть. Мисс Бейкер упоминала о нем за обедом, и этого было бы достаточно для первого знакомства. Однако я его не окликнул, так как внезапно он подал знак, что его вполне устраивает одиночество: он как-то любопытно вытянул руки по направлению к темной воде и, несмотря на расстояние, с которого я за ним наблюдал, я мог бы поклясться, что он дрожал. Я невольно перевел взгляд в сторону моря, и не увидел там ничего, кроме одинокого зеленого огонька, маленького и далекого, который вполне мог быть фонарем, обозначающим конец причала. Когда я посмотрел еще раз в сторону Гэтсби, он уже исчез, и я опять оказался один в беспокойной темноте.

ГЛАВА 2

Примерно на половине пути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком шоссе резко примыкает к железной дороге и бежит рядом с ней с четверть мили, чтобы уклониться от одного унылого участка земли. Это долина угольной золы – фантастическая ферма, где угольная зола вырастает, как пшеница, в горные хребты, холмы и в нелепые сады, где он принимает форму домов, дымовых труб и восходящего дыма и, наконец, с неким трансцендентным усилием, также людей, которые движутся и уже распадаются в тусклом мареве пыльного воздуха. Изредка вереница серых вагонеток проползет по невидимой колее, издаст страшный скрип и остановится, и тотчас серые от золы люди начинают копошиться, поднимая своими тяжелыми лопатами непроницаемую для света тучу пыли, которая застилает от вашего взора их непонятные действия.

Однако над этой серой землей и клубами гнетущей пыли, бесконечно тянущимися над ней, через какое-то время вы замечаете глаза Доктора Т. Экльберга. Глаза доктора Т. Экльберга голубые и огромные, высотой в целый ярд. Глаза эти без лица, и смотрят они из пары огромных желтых очков над несуществующим носом. Очевидно, какой-то большой шутник-окулист установил их там, чтобы расширить свою практику в городке Квинс, и затем сам погрузился в вечную слепоту, или, забыв о них, переехал в другое место. А его глаза, немного потускневшие от многих дней без обновления краски под солнцем и дождем, остались нависать над этой жуткой помойкой.

Долина угольной золы выходит одной стороной на маленькую грязную речку, и когда мост через нее поднимают, чтобы пропустить баржи, пассажиры в стоящих поездах имеют возможность разглядывать во всех подробностях этот унылый ландшафт примерно с полчаса.

На подходе к тому месту поезд всегда делает остановку длительностью не менее минуты, и именно благодаря этой остановке я впервые встретился с любовницей Тома Бьюкенена.

В том, что у него есть любовница, меня уверяли везде, где его только знали. Его знакомые неодобрительно высказывались по поводу того, что он имеет привычку появляться с ней в дешевых ресторанах, и, усадив ее за столик, флианговать вокруг, заводя беседы со всяким, кого он знает. Хоть мне и было интересно посмотреть на нее, желания встречаться с ней я не испытывал; и все же встретиться с ней мне пришлось. Однажды вечером я с Томом отправился на поезде в Нью-Йорк, и когда мы остановились возле этих зольных куч, он вскочил на ноги и, взяв меня за локоть, буквально вытолкнул меня из вагона.

– Мы выходим, – настаивал он. – Я хочу тебе показать мою девушку.

Я думаю, он хорошенько принял на грудь за завтраком, так как то упорство, с каким он удерживал меня при себе, граничило с насилием. В качестве довода он высокомерно утверждал, что в воскресенье вечером я все равно никакого лучшего занятия себе придумать не могу.

Я перемахнул следом за ним через низкий побеленный станционный забор, и мы прошли около сотни ярдов назад вдоль дороги под пристальным взглядом Доктора Эбльберга. Единственным строением в поле видимости был маленький домик из желтого кирпича, стоящий на краю пустыря, к которому вела улочка – что-то типа Бродвея в миниатюре, за которым простирался сплошной пустырь. Одна из трех мастерских, стоявших на ней, сдавалась в аренду, в другой находился ночной ресторан, к двери которого вела тропинка, покрытая золой; в третьей был гараж с вывеской: «Авторемонт. Джордж Б. Уилсон, Автомобили. *Покупка и продажа*»; и я вслед за Томом вошел туда.

Внутри царили заброшенность и пустота; единственной машиной в поле зрения был припавший пылью разбитый «Форд» без колес, жавшийся в темном углу. Мне стало казаться, что эта пародия на гараж, должно быть, ширма, за которой скрываются роскошные и романтические апартаменты, когда вдруг сам собственник появился на пороге конторы, вытирая руки о кусок какой-то тряпки. Это был светловолосый, невыразительного вида человек, худой и где-то даже немного красивый. Когда он увидел нас, в его светло-голубых глазах блеснул робкий лучик надежды.

– Привет, Уилсон, старик! – сказал Том, хлопая его весело по плечу. – Как идут дела?

– Не жалуюсь, – ответил Уилсон как-то неуверенно. – Когда ты уже продашь мне тот автомобиль?

– На следующей неделе; я дал команду, и сейчас им занимается мой человек.

– Что-то очень медленно он работает, не кажется тебе?

– Нет, не кажется, – ответил Том холодно. – Но если тебе так кажется, то, может, лучше я продам его кому-нибудь другому, в конце концов?

– Нет-нет, я не это хотел сказать, – поспешил ответить Уилсон. – Я просто имел в виду, что...

Его голос затих, и Том с нетерпением окинул взглядом гараж. Затем я услышал шаги на лестнице, и через мгновение полноватый женский силуэт заслонил собой просвет в двери конторы. Это была женщина лет тридцати пяти, немного полноватая, однако из тех, которые умеют носить на себе свою пышную плоть чувственно. Лицо ее на фоне платья из темно-синего крепдешина в горошек отнюдь не сияло красотой, однако вокруг нее мгновенно ощущалась какая-то жизненность, будто нервы ее тела постоянно вибрировали, как натянутые струны. Она медленно улыбнулась и, пройдя сквозь своего мужа, будто он был призрак, пожала руку Тому, глядя ему прямо в глаза. Потом, облизав губы и не поворачиваясь, сказала своему мужу тихим, резким голосом:

– Чего стоишь? Принеси сюда стулья, может, кто-то захочет сесть.

– О, да, конечно! – быстро согласился Уилсон и направился в сторону маленькой конторы, мгновенно смешавшись с цементным цветом стен. Белая зольная пыль покрывала его темный костюм и светлые волосы, как, собственно, и все вокруг, кроме его жены, которая в этот момент подошла очень близко к Тому.

– Я хочу тебя видеть, – сказал Том напряженным голосом. – Садись на следующий поезд и приезжай.

– Хорошо.

Я буду ждать тебя у газетного киоска в нижнем ярусе.

Она кивнула и отошла от него как раз в тот момент, когда из двери конторы появился Джордж Уилсон с двумя стульями в руках.

Мы ждали ее на дороге в неприметном месте. Это было за несколько дней до Четвертого июля, и серый, сухопарый итальянский мальчик устанавливал петарды в ряд вдоль железнодорожного полотна.

– Ужасное здесь место, не правда ли? – сказал Том, обменявшись хмурым взглядом с Доктором Экльбергом.

– Жуткое.

– Ей лучше, когда она уезжает отсюда.

– Разве муж ее не возражает?

– Кто, Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк к своей сестре. Он настолько тупой, что даже не знает, что он живой.

Так Том Бьюкенен со своей девушкой и я вместе приехали в Нью-Йорк – или не совсем вместе, поскольку миссис Уилсон села для скромности в другой вагон: до такой степени Том снисходил к чувствам тех жителей Ист-Эгга, которые могли быть в поезде вместе с ним.

В Нью-Йорке, когда Том подал ей руку, чтобы помочь выйти на перрон, она выходила из вагона уже в коричневом кружевном кисейном платье, которое плотно облегалo ее довольно широкие бедра. В газетном киоске она купила номер «Городских сплетен» и журнал о кино, а в аптекарском магазине на вокзале – тюбик кольдкрема и маленький пузырек духов. Поднявшись по лестнице наверх, где под большим гулким навесом проезжали такси, она пропустила четыре машины, прежде чем выбрала новую, с запахом лаванды в салоне с серой обивкой, и в ней мы выскользнули из нависающей тени вокзала на сияющий солнечный свет. Однако, тотчас оторвавшись от окна, она наклонилась вперед и постучала по переднему стеклу.

– Я хочу купить одну из этих собачек, – сказала она на полном серьезе. – Для квартиры. Хорошо иметь в квартире собачку.

Мы сдали назад, подъехав к седому старику, который мне показался до абсурда похожим на Д. Рокфеллера. В корзине, свисавшей с его шеи, жались друг к другу с десятков совсем маленьких щенков неопределенной породы.

– Какой они породы? – спросила миссис Уилсон с живым интересом, когда он подошел к окну такси.

– Здесь разные. Какую породу вы желаете, леди?

– Я хотела бы приобрести одну из этих полицейских овчарок; наверно, у вас нет таких?

Старик с сомневающимся видом заглянул в корзину, запустил туда руку и достал за холку одного щенка, который извивался у него в руке.

– Это не полицейская овчарка, – сказал Том.

– Нет, это, конечно, не чистая *полицейская овчарка*, – сказал старик с разочарованием в голосе. – Это больше эрдельтерьер. Он провел рукой по коричневой махровой шерсти холки. – Взгляните на эту шерсть. Посмотрите, какая она длинная. Эта собака никогда не будет беспокоить вас простудами.

– Ой, она такая миленькая! – сказала миссис Уилсон восторженно. – Сколько за нее?

– За эту собаку? – он посмотрел на нее восхищенно. – За эту собаку я прошу десять долларов.

Эрдель – несомненно, в нем было что-то от эрдельтерьера тоже, хотя лапы его были ужасно белыми, – перешел из рук в руки и улегся на коленях у миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить простудоустойчивую шерсть.

– Это мальчик или девочка? – спросила она деликатно.

– Эта собака? Это мальчик.

– Это сука, – сказал Том решительно. – Вот тебе деньги; пойди и купи на них еще десять таких щенков.

Мы подъехали к Пятой Авеню, которая представляла собой настолько теплый, мягкий, почти пасторальный ландшафт в этот летний воскресный вечер, что я бы не удивился, если бы увидел большую отару овец за углом.

– Притормози, – сказал я, – я должен проститься с вами здесь.

– Ничего ты не должен! – тут же возразил Том. – Миртл обидится, если ты не зайдешь к нам в квартиру. Не так ли, Миртл?

– Едем! – скомандовала она. – Я позвоню моей сестре Кэтрин. Она очень красивая девушка по словам тех, кто не может не разбираться в красоте.

– Нет, я хотел бы зайти, но...

Мы поехали дальше, снова сокращая путь через парк по направлению к Западной сотне кварталов. На 158-й улице машина остановилась у одного «ломтя» в длинном ряду нарезанного на ломти белого «торта» из многоквартирных домов. Окинув окрестность царственным взглядом жителя, возвращающегося домой, миссис Уилсон взяла в охапку свою собачку и прочие покупки и надменной походкой вошла в дом.

– Я хочу позвать семейство Мак-Ки, – объявила она, когда мы поднимались в лифте. – И, конечно же, я должна позвать и свою сестру также.

Квартира находилась на последнем этаже и состояла из маленькой гостиной, маленькой кухни, маленькой спальни и ванной комнаты. Гостиная была заставлена до самых дверей обитым гобеленами мебельным гарнитуром, несуразно большим для нее, так что двигаться по ней означало постоянно наткаться на картины девушек, прохаживающихся в садах Версаля. Из картин единственной была увеличенная до размытости фотография какой-то курицы, сидящей на размытом пятне скалы. Однако, если отойти и посмотреть на нее издали, курица превращалась в дамскую шляпку, из-под которой в комнату сверху вниз грозно смотрело лицо толстой пожилой дамы. На столе лежало несколько старых номеров «Городских сплетен» рядом с романом «Симон, называемый Петром», а также несколькими небольшими скандальными журналами Бродвея. Первым делом миссис Уилсон уделила внимание собаке. Апатичный мальчик-лифтер принес коробку, в которой было полно соломы и немного молока, и в которую он по собственной инициативе положил еще банку с большими и черствыми собачьими галетами, одна из которых безуспешно растворялась в блюде с молоком весь вечер. Тем временем Том достал бутылку виски из запирающегося бюро.

За всю мою жизнь я напивался всего два раза, и второй раз – в тот вечер, поэтому все, что там происходило, покрыто для меня какой-то темной, туманной дымкой, хотя и после восьми вечера квартиру продолжал заливать яркий солнечный свет. Сидя на коленях у Тома, миссис Уилсон позвонила нескольким людям по телефону; потом кончились сигареты, и я вышел за ними в аптекарский магазин на углу. Когда я вернулся, их в гостиной уже не было, и я осторожно сел в углу и прочел главу из «Симона, называемого Петром», и я не скажу вам, что это было: то ли какое-то совершенно жуткое чтение, то ли это виски так исказили мое восприятие, потому что то, что я прочел, совершенно не укладывалось в мое представление о вещах.

Как только Том с Миртл (а после первого выпитого бокала мы с миссис Уилсон стали называть друг друга по имени) вновь появились в гостиной, в квартиру стали приходить гости.

Сестра ее Кэтрин была стройной, светской девушкой лет около тридцати с пучком упрямых, жестких, рыжих волос и с напудренным до молочно-белого цвета лицом. Брови у нее были выщипаны и поверх них нарисованы другие под более сексапильным углом, однако усилия природы по восстановлению прежнего угла придавали ее лицу какой-то смазанный вид. Движение ее по комнате сопровождалось непрерывным шелканьем керамических подвесок на бесчисленных браслетах, которыми были обвешаны ее руки. Она вошла с такой хозяйской поспешностью и осмотрела мебель вокруг себя с таким хозяйским видом собственника, что я подумал, что она здесь живет. Но, когда я спросил ее об этом, она расхохоталась, повторила мой вопрос и потом сообщила мне, что живет с подругой в гостинице.

Мистер Мак-Ки был бледным, женоподобным мужчиной из квартиры этажом ниже. Он только что побрился, о чем говорило белое пятно пены на его щеке; весьма галантно он поприветствовал каждого из находившихся в комнате. Он сообщил мне, что принадлежит к «цеху художников», и позднее я догадался, что он фотограф и что именно он сделал это размытое увеличенное изображение матери миссис Уилсон на стене, которое витало в комнате подобно эктоплазму. Его жена была навязчивой, неинтересной, статной на вид и ужасно скучной. Она сообщила мне с гордостью, что ее муж сфотографировал ее уже сто двадцать семь раз с тех пор, как они поженились.

Миссис Уилсон сменила свой наряд незадолго до этого и теперь была одета в изящное вечернее платье из шифона кремового цвета, который издавал постоянный шелест, когда она фланировала по комнате. Со сменой платья ее личность также претерпела некоторое изменение. Та напряженная жизненность, которая так заметна была в ней в гараже, теперь превратилась в показательную надменность. Ее смех, ее жесты, ее высказывания с каждым мгновением становились все более и более навязчиво неестественными, и по мере того, как ее становилось все больше и больше, комната вокруг нее уменьшалась в размерах до тех пор, пока не стало казаться, что она вращается на каком-то шумном, скрипучем стержне в дыму атмосферного воздуха.

– Моя дорогая, – говорила она своей сестре громким, кричаще-жеманным голосом, – в большинстве своем эти доктора каждый раз стараются нагреть на тебе руки. В голове у них только деньги. Вот на прошлой неделе я вызвала к себе сюда одну даму, чтобы она обследовала мои ноги, так когда я глянула на счет, который она мне выписала, можно было подумать, что она мне как минимум вырезала аппендицит.

– Как фамилия этой женщины? – спросила миссис Мак-Ки.

– Миссис Эберхардт. Она ходит по домам и обследует людям ноги на дому.

– Мне нравится ваше платье, – заметила миссис Мак-Ки. – Думаю, оно просто прелестно! Миссис Уилсон отвергла комплимент, презрительно приподняв брови.

– Это платье?! Да это всего лишь старая-престарая тряпка, – сказала она. – Я иногда натягиваю ее, когда мне безразлично, как я выгляжу.

– Но оно смотрится на вас великолепно, если, конечно, вы понимаете, что я имею в виду, – продолжила миссис Мак-Ки. – Если бы Честер смог вас заснять в этой позе, я думаю, он мог бы что-то из нее сделать.

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон, которая убрала с глаз упавшую прядь волос и посмотрела на нас с сияющей улыбкой. Мистер Мак-Ки посмотрел на нее пристально, склонив голову набок, затем медленно провел рукой вперед-назад перед своим лицом.

– Мне нужно поменять свет, – сказал он через мгновение. – Я хотел бы выявить черты лица моделировкой. И я также попытаюсь захватить весь объем волос сзади.

– А я бы не меняла свет, – воскликнула миссис Мак-Ки. – Я бы...

Ее муж шикнул на нее, и мы все снова уставились на «модель», после чего Том Бьюкенен громко зевнул и встал на ноги.

– Вы, супруги Мак-Ки, почему-то ничего не пьете, – сказал он. – Прикажи принести еще льда и минеральной воды, Миртл, пока все еще не пошли спать.

– Я же говорила этому гарсону принести лед! – Миртл подняла брови в отчаянии от неповоротливости этих представителей низшего сословия. – Ох, уж эти слуги! Их все время нужно подгонять.

Она посмотрела на меня и отчего-то засмеялась. Потом она бросилась к собаке, поцеловала ее с большим чувством и поплыла на кухню с таким видом, будто с десяток шеф-поваров ждут там ее распоряжений.

– Мне удалось отснять несколько великолепных вещей на Лонг-Айленде, – заверил мистер Мак-Ки.

Том посмотрел на него безучастно.

– Две из них мы уже вставили в рамки внизу.

– Две – из чего? – спросил требовательно Том.

– Из наших фоторабот. Одну из них я называю «Мыс Монток. Чайки», а вторую я называю «Мыс Монток. Море».

Сестра Кэтрин присела возле меня на диван.

– Вы тоже живете там, на Лонг-Айленде? – поинтересовалась она.

– Я живу в Уэст-Эгге.

– Неужели? Я была там на одной вечеринке с месяц тому назад. У человека по фамилии Гэтсби. Вы знаете его?

– Я его сосед.

– Говорят, что он племянник или кузен кайзера Вильгельма. Вот откуда происходят все его деньги.

– Неужели?

Она кивнула.

– Я боюсь его. Я бы не хотела, чтобы он что-нибудь узнал обо мне.

Этот захватывающе информативный рассказ о моем соседе был прерван миссис Мак-Ки, которая вдруг громко произнесла, указав на Кэтрин:

– Честер, я думаю, ты смог бы кое-что сделать с *ней*, – затараторила она, однако мистер Мак-Ки только устало кивнул головой в ее сторону и повернулся к Тому.

– Я бы еще поработал на Лонг-Айленде, если бы смог достать туда пропуск. Я прошу только об одном: чтобы мне дали старт.

– А вот, попросите Миртл об этом, – сказал Том, громко рассмеявшись, когда миссис Уилсон вошла в комнату с подносом. – Она даст вам рекомендательное письмо; ты ведь дашь, не так ли, Миртл?

– Я? Дам? Что я дам? – спросила она испуганно.

– Ты дашь Мак-Ки письмо-представление на имя твоего мужа, чтобы он смог сделать несколько фоторабот с ним. – Его губы беззвучно шевелились какое-то мгновение, пока он придумывал название фоторабот: «Джордж Б. Уилсон у бензоколонки», или как-то так.

Кэтрин наклонилась ко мне и прошептала мне на ухо:

– Ни он, ни она терпеть не могут тех, с кем состоят в браке.

– Терпеть не могут?

– Не то слово – не *выносят*! Она посмотрела сначала на Миртл, потом на Тома. – Я и говорю: зачем продолжать жить с тем, кого терпеть не можешь? На их месте я бы уже давно добилась развода и оформила свои отношения.

– Неужели и она не любит Уилсона?

Ответ на эту реплику был неожиданным. Он пришел от Миртл, которая услышала мой вопрос, и был грубым и непристойным.

– Вот видите! – сказала Кэтрин торжествующе. Потом снова понизила голос: – Это из-за его жены они не сходятся вместе. Она католичка, а католики не верят в развод.

Дэйзи не была католичкой, и я был немного шокирован изощренностью этой лжи.

– Когда они все-таки поженятся, – продолжала Кэтрин, – они уедут на Запад и проживут там какое-то время, пока скандал утихнет.

– Было бы благоразумнее уехать в Европу.

– О, вы любите Европу? – воскликнула она удивленно. – Я совсем недавно вернулась из Монте-Карло.

– Неужели?

– Буквально в прошлом году. Я ездила туда с одной подругой.

– Долго там пробыли?

– Нет, мы только приехали в Монте-Карло и почти сразу же уехали назад. Мы добирались туда через Марсель. У нас было тысяча двести долларов, когда мы отправились, и всего за два дня у нас их все вычленили в частных номерах. С какими мытарствами мы возвращались назад, я не могу вам передать! Боже, как же противен мне тот город!

Позднеевечернее небо в окне привлекло к себе мое внимание на какое-то мгновение своей голубишной, похожей на ласковую лазурь Средиземного моря, потом пронзительный голос миссис Мак-Ки резко вернул меня в комнату.

– Я тоже чуть не совершила ошибку, – заявила она с энтузиазмом. – Я чуть было не вышла замуж за одного жида-карлика, который домогался меня много лет. Я знала, что он ниже меня по сословию. Все мне говорили: «Люсиль, этот человек гораздо ниже тебя по положению в обществе!» Но, если бы я не встретила Честера, он бы точно заполучил меня.

– Да, но, видишь, – сказала Миртл Уилсон, качая головой вверх и вниз, – ты хотя бы не вышла за него замуж.

– Не вышла.

– Ну вот... а я вышла... – сказала Миртл двусмысленно. – В этом вся разница между твоим случаем и моим.

– Но зачем тебе нужно было делать это, Миртл?? – спросила Кэтрин. – Никто ж ведь тебя не принуждал.

Миртл задумалась.

– Я вышла за него, потому что думала, что он принадлежит к высшему сословию, – наконец, ответила она. – Я думала, он знает что-то о манерах людей с родословной, но он оказался недостойным даже лизать мне ноги.

– Ты какое-то время была без ума от него, – сказала Кэтрин.

– Без ума от него?! – воскликнула Миртл скептически. – Кто тебе сказал, что я была без ума от него? Да я была без ума от него не больше, чем вон от того мужчины.

Она вдруг указала пальцем на меня, и все посмотрели в мою сторону осуждающе. Я попытался показать всем видом, что не принимал никакого участия в ее прошлой жизни.

– Я была *без ума* единственный раз – когда вышла за него замуж. Я сразу поняла, что совершила ошибку. Он взял напрокат чей-то самый лучший костюм, чтобы жениться на мне, и никогда не говорил мне об этом; и вот однажды, когда его не было дома, этот человек явился за своим костюмом. – Она обвела комнату взглядом, чтобы увидеть, кто ее слушает. – «О, это точно ваш костюм?» – спросила я. – Просто я впервые об этом слышу». Но я все же отдала ему этот костюм, после чего повалилась на кровать и проревела, как белуга, весь вечер.

– Ей на самом деле нужно уйти от него, – сделала заключение Кэтрин, обратившись ко мне. – Они живут в том гараже уже одиннадцать лет. И Том – ее первый в жизни возлюбленный.

Бутылка виски – уже вторая – пользовалась теперь постоянным спросом у всех присутствующих, кроме Кэтрин, которой «и без всякого виски было очень хорошо». Том вызвал дворника и отправил его за этими знаменитыми сэндвичами, каждый из которых уже сам по себе

является полноценным ужином. Мне очень хотелось выбраться отсюда и пройти пешком на восток, к Парку, в мягком свете сумерек, но каждый раз, когда я уже готов был уйти, я увязал в каком-то совершенно ненужном и крикливом споре, который тянул меня, будто веревками, обратно в кресло. К тому же, ряд наших ярко светящихся высоко над городом желтых окон, должно быть, вносил свою долю секретности в тайные человеческие дела в глазах случайного наблюдателя на темнеющих улицах, и таким наблюдателем, смотрящим вверх на эти окна и изумляющимся, был также и я. Я находился одновременно и внутри, и снаружи; меня одновременно и завораживало, и отталкивало это неистощимое разнообразие жизни.

Миртл пододвинула свой стул к моему так, что я стал ощущать ее горячее дыхание, и вдруг из уст ее полился рассказ о ее первой встрече с Томом.

– Мы сидели в вагоне на двух одноместных сиденьях, которые всегда расположены друг против друга в самом конце вагона. Я ехала в Нью-Йорк к сестре, думая переночевать у нее. Он был во фраке и лакированных кожаных туфлях, так что я не могла отвести от него глаз, но каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, я делала вид, что рассматриваю рекламу над его головой. Когда мы подъехали к вокзалу, он сидел уже рядом со мной, и его белая манишка прижималась к моей руке, так что я сказала ему, что позову полицию, но он знал, что я вру. Я была настолько взволнована, что когда села в такси вместе с ним, я даже не заметила, что сажусь в такси, а не спускаюсь в метро. В моей голове пульсировала только одна мысль: «Ты живешь один раз; ты живешь один раз».

Она повернулась к миссис Мак-Ки, и комната зазвенела от ее притворного смеха.

– Моя дорогая! – воскликнула она, – Я отдам тебе это платье сразу, как только оно мне надоест. Завтра мне нужно купить себе еще одно. Мне нужно составить список всего, что мне надо купить и за что заплатить. Значит, так: массаж, завивка, ошейник для собаки, а также одна из тех прелестных маленьких пепельниц, у которых нужно нажимать пружинку, а также венок с черным шелковым бантом на могилу матери, который простоит все лето. Мне нужно написать список, чтобы не забыть, что мне нужно сделать.

На часах было девять, когда она это говорила, и почти сразу после этого я взглянул на свои часы, и они показывали уже десять. Мистер Мак-Ки спал на стуле, упершись локтями в колени и соединив пальцы рук в замок, как на фотографии человека действия. Достав свой носовой платок, я вытер с его щеки остатки засохшей пены, которые не давали мне покоя весь вечер.

Маленькая собачка сидела на столе, смотря своими слепыми глазами сквозь завесу дыма, и тихо повизгивала время от времени. Люди исчезали, вновь появлялись, строили планы пойти куда-то и потом теряли друг друга, снова искали друг друга, находя друг друга на расстоянии нескольких футов от себя. Где-то ближе к полуночи Том Бьюкенен и миссис Уилсон уже стояли лицом к лицу, обсуждая на повышенных тонах, имеет ли вообще миссис Уилсон право произносить имя Дэйзи.

– Дэйзи! Дэйзи! Дэйзи! – выкрикивала миссис Уилсон. – Я буду произносить это имя, когда только захочу! Дэйзи! Дэй...

Сделав быстрое и ловкое движение открытой ладонью, Том Бьюкенен сломал ей нос.

Потом были кровавые полотенца на полу ванной комнаты, громко возмущающиеся женские голоса, и заглушающий весь этот шум прерывающийся вой от боли. Мистер Мак-Ки пробудился от своей дремоты и в оцепенении направился к двери. Пройдя половину пути, он повернулся и некоторое время неподвижно смотрел на происходящее: на свою жену с Кэтрин, как они со средствами первой помощи бегали по комнате, заставленной мебелью, постоянно натываясь на нее и ругаясь, и на распластавшуюся на кушетке фигуру, истекающую кровью и пытающуюся застелить экземпляр «Городских сплетен» гобелен с видами Версаля. Потом мистер Мак-Ки повернулся и продолжил свой путь к выходной двери. Взяв свою шляпу с канделябра, я последовал за ним.

– Приходите когда-нибудь на обед, – предложил он, когда мы вздыхали от томления, спускаясь в лифте.

– Куда?

– К ним или к нам.

– Не трогайте руками рычаг! – резко произнес мальчик-лифтер.

– Прошу прощения! – сказал мистер Мак-Ки с достоинством, – я не знал, что трогаю рычаг.

– Хорошо, – согласился я, – буду рад.

...Я стоял у его кровати, а он сидел на своих простынях в нижнем белье и с большим портфолио своих фоторабот в руках.

«Красавица и Чудовище»... «Одиночество»... «Старая лошадь бакалейщика»... «Бруклинский мост»...

Далее я уже лежал в полудреме на холодном нижнем этаже вокзала Пенсильвании, уставившись в утренний номер «Трибьюн», в ожидании четырехчасового поезда.

ГЛАВА 3

Из дома моего соседа все лето по ночам лилась музыка. В его голубых садах гуляли стайками, как мошки, мужчины и женщины посреди шептаний, шампанского и звезд. Вечером во время прилива я наблюдал за тем, как его гости прыгали в воду с высоты его наплавного моста или принимали солнечные ванны на горячем песке его пляжа, а его две моторные лодки рассекали воды Пролива, волоча за собой аквапланы, скользившие над катарактами пены. По уикендам его Роллс-ройс превращался в омнибус для челночной перевозки гостей из города и в город, начиная с девяти утра и кончая далеко за полночь, а его автофургон носился, как проворный желтый жук, не пропуская ни одного поезда. А по понедельникам восемь слуг, включая дополнительно нанятого садовника, трудились весь день, не покладая рук, орудуя швабрами, скребками, молотками и садовыми ножницами над устранением опустошительных последствий предыдущей ночи.

Каждую пятницу прибывали пять ящиков с апельсинами и лимонами от владельца фруктовой лавки в Нью-Йорке, и каждый же понедельник те же самые апельсины и лимоны покидали через заднюю дверь пределы его владений в пирамиде из собственных половинок с уже отжатой мякотью. На кухне стояла такая машина, которая могла выжать сок из двух сотен апельсинов за полчаса, если дворецкий большим пальцем руки двести раз нажмет одну маленькую кнопку.

Раза два в месяц появлялась группа декораторов из фирмы по обслуживанию банкетов с несколькими сотнями футов полотна и большим количеством разноцветных лампочек, чтобы превратить в рождественскую елку огромный сад Гэтсби. На фуршетных столах, украшенных сверкающими антре, ломтики буженины со специями едва находили себе место среди салатов арлекинских цветов, сосисок в тесте и индеек, заколдованных огнем до темно-золотистой корочки. В центральном зале была установлена барная стойка из настоящей меди, вся забитая джинами и виски, а также ликерами, настолько давно забытыми, что большая часть его гостей женского пола были слишком юными, чтобы уметь отличать один ликер от другого.

К семи часам прибыл оркестр, причем не какая-нибудь жалкая группа из пяти инструментов, а целая оркестровая яма из гобоев, тромбонов и саксофонов, виол, корнетов и малых флейт, а также низких и высоких барабанов. Сейчас уже вернулись с пляжа последние купающиеся и переодеваются наверху; машины из Нью-Йорка стоят в пять рядов на подъездной аллее, и холлы, салоны и веранды уже пестрят основными цветами, прическами разных новых и причудливых форм и шальями, о каких в Кастилии даже не мечтали. Бар работает на полную мощность, и плывущие кругами из дома в сад и обратно коктейли напояют его все больше и больше, пока воздух не наполняется оживленными разговорами и смехом, легкомысленными инсинуациями и завязыванием знакомств, о которых тотчас забывают, а также восторженными встречами между женщинами, которые не знают даже имени друг друга.

Огни начинают гореть ярче по мере того, как земля все дальше уклоняется от солнца, и теперь уже оркестр играет желтую, коктейльную музыку, а хор голосов звучит на тон выше. Смех становится непринужденнее с каждой минутой, раскатистее и залиvistее, сопровождая веселое слово. Группы меняются с большей быстротой, пополняются вновь прибывающими, распадаются и образуются на одном дыхании; уже есть среди них представительницы кочующего племени – уверенные в себе девушки, которые собирают то тут, то там вокруг себя более полных и усидчивых, становясь на какое-то мгновение душой компании после взрыва хохота от какой-то короткой произнесенной ими реплики, после чего, в восторге от собственного триумфа, скользят дальше посреди резко повеселевших лиц, голосов и цвета под постоянно меняющимся светом.

Вдруг одна из этих цыганок в переливающемся опаловом платье выхватывает бокал с коктейлем из воздуха, опрокидывает его в себя для храбрости и, делая пассы руками, как Фриско, выходит в пляске соло на покрытую полотном сцену. На какое-то мгновение воцаряется тишина; дирижер меняет ритм, любезно подстраиваясь под нее, и публика взрывается перепадами, когда кто-то запускает в нее ложный слух о том, что это дублерша Гильды Грэй из варьете «Фолли». И вечеринка началась.

Я думаю, что в тот первый вечер, когда я пришел в дом Гэтсби, я был одним из тех немногих гостей, которые на самом деле пришли по приглашению. Людей никто не приглашал – они тянулись туда сами. Они садились в автомобили, которые доставляли их до Лонг-Айленда, а потом они каким-то образом оказывались вдруг у ворот Гэтсби. Прибыв к этим воротам, они находили кого-то, кто знал Гэтсби, прося его представить их ему, и после этого они вели себя согласно правилам поведения, которые ассоциировались у них с парком развлечений. Иногда они приходили и уходили, и вовсе не представляясь Гэтсби: приходили на его вечеринку в простоте сердца, которая уже сама по себе считалась пропуском.

Я же был приглашен официально. Шофер в бледно-голубом костюме пересек мой газон рано утром в ту субботу с удивительно официальным извещением от его хозяина: «Гэтсби сочтет для себя за великую честь, – говорилось в нем, – если я почту своим присутствием его «маленькую вечеринку» вечером того же дня. Я видел вас несколько раз и уже давно намеревался пригласить к себе, но каждый раз какое-то непредвиденное стечение обстоятельств препятствовало этому»; и подпись «Джей Гэтсби» размашистой рукой.

Одевшись во все фланелевое и белое, я вошел в его владения сразу после семи и бродил кругами, чувствуя себя, надо сказать, немного не в своей тарелке в этом водевиле лиц, которых я не знал, хотя нередко и узнавал среди них тех, которых часто видел в пригородной электричке. То, что мне сразу бросалось в глаза и поразило, было количество молодых англи-

чан, лицами которых буквально пестрела толпа вокруг; все они были хорошо одеты, все имели слегка голодный вид и все говорили что-то своими низкими, серьезными голосами солидным и успешным американцам. Я был уверен, что они продавали что-то: облигации, или страховки, или автомобили. Они чуяли мучительно близкое присутствие легких денег и были убеждены, что они будут у них в кармане – достаточно только сказать несколько слов в правильном тоне.

Сразу по прибытии я сделал попытку отыскать хозяина мероприятия, но те два или три человека, которых я спросил о его местонахождении, посмотрели на меня настолько удивленным взглядом и настолько решительно открещивались от всякой осведомленности о его передвижениях, что я незаметно ускользнул в направлении коктейльного стола, – единственного места в саду, где холостяк может спокойно посидеть, не выходя неприкаянно и одиноко.

Я был уже на пути к тому, чтобы напиться в стельку от щемящего чувства неловкости, когда из дома вышла Джордан Бейкер и остановилась у мраморной лестницы, отклонясь слегка назад и глядя с презрительным интересом вниз, в сад.

Не зная, встречу я благосклонность или нет, я считал необходимым присоединиться к кому-нибудь прежде, чем начну делиться задушевными откровениями с первым встречным.

– Привет! – заорал я, направляясь в ее сторону. Мой голос прозвучал как-то неестественно громко через весь сад.

– Я знала, что вы можете быть здесь, – ответила она рассеянно, когда я подошел. – Я помню, что вы живете по соседству с...

Она держала мою руку в своей отчужденно, в знак обещания того, что через минуту уделит мне внимание, направив его тем временем в сторону двух девушек в одинаковых желтых платьях, которые остановились внизу лестницы.

– Привет! – закричали они хором. – Мы сожалеем, что вы не выиграли.

Это касалось турнира по гольфу. Она проиграла в финальных матчах неделей раньше.

– Вы не знаете, кто мы такие, – сказала одна из девушек в желтом, – но мы встретили вас здесь около месяца тому назад.

– Конечно, не знаю: вы ведь перекрасили волосы с тех пор, – заметила Джордан, и я дернул руку, чтобы не мешать разговору, но девушки неспешно двинулись дальше, и ее слова повисли в воздухе, оказавшись адресованными ранней луне, появившейся внезапно, точно как тот ужин из корзины поставщика. Опираясь своей тонкой загорелой рукой на мою, Джордан спустилась вместе со мной по лестнице, и мы неспешно двинулись по саду. Поднос с коктейлями приплыл к нам из сумерек, и мы сели за стол рядом с двумя девушками в желтом и тремя мужчинами, каждый из которых был представлен нам как мистер Мамбл.¹

– Вы часто приходите на эти вечеринки? – поинтересовалась Джордан у девушки, сидевшей рядом с ней.

– Последней была та, на которой я встретила вас, – ответила девушка бойким, уверенным голосом. Она повернулась к своей подруге: – Не так ли у тебя, Люсиль?

Оказалось, что и у Люсиль тоже так.

– Мне нравится приходить сюда, – сказала Люсиль. Я никогда не думаю о том, что делаю, поэтому всегда получаю удовольствие. Когда я была здесь в прошлый раз, я порвала платье о стул, так он узнал у меня, как меня зовут и где я живу, и буквально через неделю я получила посылку от «Круарье» с новым вечерним платьем.

– Вы сохранили его? – спросила Джордан.

– Конечно! Я хотела надеть его сегодня вечером, но оно оказалось слишком большим для меня в бюсте, и его нужно перешить. Оно было сине-голубого цвета с лавандовым бисером, за двести шестьдесят пять долларов.

¹ Дословно – «Бормотун»: скорее всего, представлявший их Нику не смог внятно произнести их фамилии, или же окружающий шум не позволил Нику их расслышать, и они прозвучали для него одинаково – *прим. перев.*

– Есть что-то подозрительное в человеке, который такое делает, – сказала вторая девушка оживленно. – Он вообще ни с кем не хочет иметь неприятности.

– Кто не хочет? – поинтересовался я.

– Гэтсби. Кто-то говорил мне... – обе девушки и Джордан наклонились друг к другу заговорщически. – Кто-то говорил мне, что о нем идет молва, что он будто бы однажды убил человека.

У всех нас прошли мурашки по коже. Трое мистеров Мамблов наклонились вперед, с интересом прислушиваясь.

– Я не думаю, чтобы дошло до *такого*, – скептически рассуждала Люсиль. – Скорее всего, он просто был немецким шпионом во время войны.

Один из Мамблов кивнул головой в подтверждение.

– Я слышал это от человека, который все о нем знает, который вырос вместе с ним в Германии, – заверил он однозначно.

– О, нет! – сказала первая девушка. – Он не мог быть шпионом, потому что во время войны он был в американской армии. – Когда наше доверчивое внимание снова переключилось на нее, она наклонилась к нам с энтузиазмом. – А вы понаблюдайте за ним в те моменты, когда он думает, что на него никто не смотрит. Клянусь вам: он убил человека.

Она прищурила глаза и задрожала. Люсиль задрожала. Все мы повернулись и посмотрели вокруг, ища глазами Гэтсби. Вот настоящее доказательство того, что он вызывал романтические домыслы о себе: о нем шептались те, кто находил в этом мире мало такого, о чем нужно говорить шепотом.

Первый ужин, – еще один должен быть после полуночи, – уже подавался, и Джордан пригласила меня присоединиться к ее компании, сгруппированной вокруг стола в другом конце сада. Она состояла из трех супружеских пар, а также ухажера Джордан – настойчивого студента, непрестанно делающего грубые намеки с сексуальным подтекстом и очевидно уверенного в том, что рано или поздно Джордан отдастся ему или хотя бы потеплеет. Не разбредаясь по саду, эта компания, исполненная чувства собственного достоинства, хранила однородность, взяв на себя функцию олицетворять степенную аристократию Ист-Эгга – пригорода, который снисходит до Уэст-Эгга, тщательно храня себя от его спектроскопического веселья.

– Уйдем отсюда, – прошептала Джордан после несколько бессмысленно и пусто проведенного получаса. – Это для меня слишком вежливая компания.

Мы встали, и она объяснила окружающим, что мы идем искать хозяина: «Я ни разу не подходила к нему, – сказала она, – и мне от этого неловко». Студент кивнул с циничным, меланхолическим видом.

Бар, куда мы заглянули в первую очередь, был забит людьми, но Гэтсби среди них не было. Она не могла обнаружить его с верхней ступеньки лестницы, и его не было также и на веранде. Мы наугад толкнули какую-то очень солидную дверь и вошли в библиотеку в готическом стиле с высоким потолком, обшитую резными панелями из английского дуба и, вероятно, перевезенную в таком виде из каких-то заокеанских развалин.

Плотный, средних лет мужчина в огромных очках типа «велосипед» сидел слегка подшофе на краю огромного стола, уставившись то и дело мутнеющими глазами на полки книг. Как только мы вошли, он быстро развернулся на столе и осмотрел Джордан с головы до ног.

– Что вы думаете? – напористо спросил он.

– О чем?

Он махнул рукой в сторону книжных полок.

– Об этом вот. Можете даже не проверять. Я уже проверил. Они все настоящие.

– Книги?

Он кивнул.

– Совершенно настоящие – имеют страницы и все остальное. Я думал, это все декоративный прочный картон. Но уверяю вас: все они абсолютно настоящие! Со страницами и... вот! Позвольте, я покажу вам.

Уверенный в том, что мы не доверяем ему, он бросился к стеллажам и вернулся с первым томом «Лекций Стоддарда».

– Вот, смотрите сами! – воскликнул он торжествующим тоном. – Это самое настоящее печатное издание. Это меня ввело в заблуждение. Этот парень – настоящий Беласко!² Это триумф! Какая тщательность! Какой реализм! Знал также, где остановиться в этом своем реализме: страницы оставил неразрезанными!³ Но что вы хотите? Можно ли ожидать от него другого?

Он выхватил книгу у меня из рук и поспешно поставил ее на свое место на полке, бормоча себе под нос, что если хотя бы один кирпичик будет вынут, то вся библиотека непременно распадется.

– Вас кто-то привел? – напористо спросил он. – Или вы просто сами пришли? Меня вот привели. Большинство гостей сюда привели.

Джордан смотрела на него настороженно, весело, ничего не отвечая.

– Меня привела женщина по фамилии Рузвельт, – продолжал он. – Миссис Клод Рузвельт. Вы знаете ее? Я видел ее где-то здесь прошлым вечером. Я хожу пьяный уже почти целую неделю, и я подумал, что сидение в библиотеке меня немного отрезвит.

– И как? Отрезвило?

– Немножко, я думаю. Но я пока еще не могу точно сказать. Всего час, как я здесь. Я уже говорил вам о книгах? Они настоящие! Они...

– Вы уже говорили это.

Мы пожали друг другу руки с серьезным видом и вышли опять на открытый воздух.

На холсте в саду уже танцевали: старики водили юных девушек бесконечными неуклюжими кругами, толкая их назад, аристократические пары держали друг друга неискренне, по светски, задерживаясь на углах, а большое количество незамужних женщин танцевали сами по себе или освобождали оркестр на какие-то мгновения от необходимости играть на банджо или бить в барабаны. К ночи всеобщее веселье усилилось. Какой-то знаменитый тенор спел на итальянском, известный контральто спел что-то в стиле джаза, а в промежутке между этими номерами гости выделявали «кульбиты» по всему саду под оглушительные взрывы пьяного хохота, поднимавшиеся к летнему небу. Дуэт близнецов, которыми оказались те самые девушки в желтом, исполнял какую-то детскую костюмированную сценку, а шампанское подавалось в бокалах-«тазиках» объемом больше аквариума. Луна поднялась выше, и на поверхность Пролива выплыл треугольник из серебряных чешуек, слегка подрагивающий от резкого металлического стука банджо, играющих на газоне.

Я все еще был рядом с Джордан Бейкер. Мы сидели за столом вместе с каким-то мужчиной примерно моего возраста и шумной маленькой девочкой, которая по малейшему поводу заливалась бесконтрольным смехом. Теперь я уже развеселился. Я принял на грудь два «тазика» шампанского, и все происходящее перед моими глазами приобрело значение, простоту и глубину.

Когда в вечеринке наступило некоторое затишье, этот мужчина посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ваше лицо мне знакомо, – сказал он вежливо. – Вы случайно не служили в Третьей Дивизии во время войны?

² Давид Беласко (1853–1931) – американский драматург, который был немного перфекционистом и вместо картонных декораций оформлял сцену настоящими книжными шкапами с книгами – *прим. перев.*

³ Раньше книги переплетались сфальцованной гармошкой, так что каждые две страницы необходимо было разрезать ножичком справа, чтобы прочесть – *прим. перев.*

– Как же? Конечно, служил. В девятом пулеметном батальоне.

– А я служил в седьмом пехотном до июня тысяча девятьсот восемнадцатого. Я знал, что уже видел вас где-то раньше.

Какое-то время мы говорили о том, какие мокрые, серые деревни во Франции. Очевидно, он жил здесь где-то поблизости, так как он сказал мне, что только что купил гидроплан и собирается обкатать его утром.

– Хочешь поехать со мной, старик? Прокатимся только вдоль берега по Проливу.

– Когда?

– Когда тебе удобнее всего.

Я уже приготовился спросить, как его зовут, когда Джордан обернулась в мою сторону и улыбнулась.

– Ну как? Теперь уже весело? – поинтересовалась она.

– Намного! – Я снова повернулся к моему новому знакомому. – Это необычная вечеринка для меня. Я даже не видел ее хозяина. – Я живу вон там... – я махнул рукой в сторону далекого забора, невидимого отсюда. – И этот Гэтсби прислал своего шофера ко мне с приглашением прийти.

Какое-то мгновение он смотрел на меня непонимающе.

– Гэтсби – это я, – вдруг сказал он.

– Ка-ак!? Не может быть! – воскликнул я. – О, прошу прощения!

– Я думал, ты знаешь, старик. Боюсь, я не очень хороший хозяин.

Он понимающе улыбнулся – намного более, чем понимающе. То была одна из тех редких улыбок, вселяющих вечное утешение, какие можно встретить всего четыре или пять раз за всю жизнь. Она озарила, – или как бы озарила, – весь внешний мир в одно мгновение и затем сосредоточилась на тебе с неодолимым предубеждением в твою пользу. Она поняла тебя именно настолько, насколько ты хотел бы быть понятым, поверила в тебя так, как ты хотел бы поверить в себя, и заверила тебя, что создала точно такое представление о тебе, какое ты больше всего хотел бы создать о себе. Именно в этот момент она исчезла, и перед моими глазами был уже элегантный молодой работяга с пристани, на год или два старше тридцати лет, продуманная формальность речи которого граничила с абсурдом. Еще до того, как он назвал себя, я не мог избавиться от впечатления, что он тщательно подбирает слова.

Почти в то же мгновение, когда мистер Гэтсби назвал себя, к нему подбежал дворецкий с вестью о том, что на проводе его ждет Чикаго. Он извинился с легким поклоном, включившим каждого из нас в отдельности.

– Если тебе захочется чего-то, просто попроси, старина, – посоветовал он мне. – Извините. Я присоединюсь к вам позже.

Как только он ушел, я повернулся к Джордан, вынужденный заверить ее в своем удивлении. Я представлял себе Гэтсби как полного мужчину средних лет с багровым лицом.

– Кто же он? – спросил я. – Ты знаешь?

– Просто человек по фамилии Гэтсби.

– Я имею в виду, откуда он? И чем он занимается?

– Теперь и ты начал интересоваться этой темой, – ответила она со слабой улыбкой. – Помню, он мне когда-то сказал, что он выпускник Оксфорда.

Какое-то смутное представление начало складываться у меня о нем, но следующие ее слова развеяли его.

– Но лично я в это не верю.

– Почему?

– Не знаю, – настаивала она. – Просто не думаю, чтобы он там учился.

Что-то в ее тоне напомнило мне уже звучавшую фразу другой девушки «Думаю, он убил человека» и пробудило мое любопытство, так что я готов был уже верить всему, даже тому,

что Гэтсби выскочил из болот Луизианы или из бедных кварталов Ист-Сайда Нью-Йорка. Это еще можно было понять. Однако юноши не могут – по крайней мере, по моей провинциальной неопытности я считал, что они не могут, – выплыть просто из ниоткуда и сразу же купить дворец на Лонг-Айленде на берегу Пролива.

– Кто бы он ни был, он устраивает большие приемы, – сказала Джордан, меняя тему со свойственной городским жителям нелюбовью к конкретике. – А мне нравятся большие приемы. На них такая интимная атмосфера! На малых вечеринках нет никакого уединения.

Раздался стук большого барабана, и голос дирижера оркестра вдруг возвысился над эхोलалией сада.

– Дамы и господа! – воскликнул он. – По просьбе мистера Гэтсби мы сыграем для вас последнее произведение мистера Владимира Тостова, которое привлекло к себе такое большое внимание публики в Карнеги-Холле в мае этого года. Если вы читаете газеты, вы знаете, что оно произвело большую сенсацию.

Он весело и снисходительно улыбнулся и добавил:

– В некотором роде сенсацию!

После этих слов все рассмеялись.

Эта пьеса Владимира Тостова, – с вождением резюмировал он, – известна под названием «Джазовая история мира».

Суть произведения мистера Тостова ускользнула от меня, поскольку сразу, как только оно началось, мой взгляд упал на Гэтсби, который стоял в одиночестве на мраморной лестнице, переводя одобрительно взгляд с одной группы гостей на другую. Кожа на его загорелом лице была привлекательно натянута, а короткие волосы создавали впечатление, будто он подстригает их каждый день. Я не мог разглядеть в нем ничего зловещего. Я подумал, уж не для того ли он не пьет, чтобы выделяться на фоне своих гостей, так как мне показалось, что он стал более корректным, когда братание на почве веселья усилилось. Когда пьеса «Джазовая история мира» закончилась, женщины по-плутовски весело склоняли головы на плечи мужчин; женщины игриво отклонялись назад, падая в подставленные руки мужчин, и даже в сторону их групп, зная, что кто-то из группы непременно подхватит их, – однако никто не падал на Гэтсби, и ни один французский завиток не коснулся плеча Гэтсби, и ни один поющий квартет не включал в себя голоса Гэтсби.

– Прошу прощения.

Рядом с нами вдруг появился дворецкий Гэтсби.

– Мисс Бейкер? – поинтересовался он. – Прошу прощения, но мистер Гэтсби хотел бы поговорить с вами тет-а-тет.

– Со мной? – воскликнула она удивленно.

– Да, мадам.

Она медленно поднялась, в удивлении приподняв брови в мою сторону, и последовала за дворецким по направлению к дому. Я заметил, что она носила свое вечернее платье, – все свои платья, как спортивную одежду: в ее движениях была какая-то энергичность, будто она впервые научилась ходить на своих площадках для гольфа на свежем, бодрящем утреннем воздухе.

Я остался один, и уже было почти два часа ночи. Какое-то время неразборчивые и интригующие звуки доносились из длинной комнаты с множеством окон, которая нависала над террасой. С целью избавиться от ухажера Джордан, который завязал разговор на акушерские темы с двумя хористками и который умолял меня подключиться к этому разговору и поддержать его, я вошел внутрь.

Большая комната была заполнена людьми. Одна из тех девушек в желтом играла на фортепьяно, а рядом с ней стояла высокая, рыжеволосая юная дама из какого-то знаменитого хора и пела песню. Она, бедняжка, перепила шампанского, и во время исполнения песни вдруг почему-то решила, что все в мире очень, очень печально, и не только пела, но и плакала также.

Каждую паузу в песне она заполняла нервными вздохами, сдавленными рыданиями, после чего снова брала лирическую ноту дрожащим сопрано. Слезы струились по ее щекам – не скажу, что ручьем, так как когда они вступали в контакт с ее густо обвешанными тяжелыми бусинками ресницами, они приобретали чернильный цвет и далее уже медленно катились по лицу черными ручейками. Кто-то смешно пошутил, предположив, что она поет по нотам, которые написаны на ее лице, после чего она подняла вверх руки, плюхнулась в кресло и погрузилась в глубокий пьяный сон.

– Она поругалась с мужчиной, который называет себя ее мужем, – объяснила мне какая-то женщина, взяв меня за локоть.

Я осмотрелся вокруг. Большинство оставшихся женщин теперь ругались с мужчинами, называвшими себя их мужьями. Даже среди пришедших вместе с Джордан, – четверых человек из Ист-Эгга, – начались раздоры. Один из мужчин говорил что-то с необычной энергичностью какой-то молодой актрисе, и его жена, после провалившейся попытки посмеяться над ситуацией с высокомерным и равнодушным видом, совершенно потеряла всякое самообладание и прибегла к фланговым атакам: периодически возникала у него под боком, как разъяренный бриллиант, и шипела: «Ты же обещал!» – ему на ухо.

Нежелание расходиться по домам присутствовало не только среди беспутных мужчин. Холл в настоящий момент был занят двумя до боли трезвыми мужьями и их женами в крайней степени негодования. Жены жаловались друг другу повышенными голосами, чтобы их было слышно мужьям:

– И так всегда: как только он видит, что мне начинает быть интересно, у него тут же созревает желание идти домой!

– Никогда в жизни еще не видела такого эгоиста!

– Мы всегда и везде первые на выход.

– И мы тоже!

– Сегодня мы как раз в числе самых последних, – сказал один из мужчин робко, по-овечьи. – Оркестр ушел еще полчаса назад.

Несмотря на общее согласие этих жен в том, что в такую зловредность оркестра невозможно поверить, диспут закончился короткой борьбой с мужьями, после чего обе жены окказались в воздухе и уплыли, лягаясь, во тьму ночи.

Пока я ждал в холле мою шляпу, дверь библиотеки открылась, и оттуда вышла Джордан Бейкер вместе с Гэтсби. Он еще говорил ей какие-то последние слова, но горячность в его поведении резко превратилась в формальность манер, когда несколько человек приблизились к нему, чтобы попрощаться.

Компаньоны Джордан с нетерпением звали ее с крыльца, но она задержалась еще на мгновение, чтобы попрощаться со мной.

– Я сейчас услышала что-то просто потрясающее, – прошептала она. – Как долго мы были там?

– Ну, где-то с час.

– Это было... просто потрясающе, – повторила она рассеянно. – Но я поклялась, что никому об этом не скажу, так что я сейчас просто дразнюсь. – Она грациозно зевнула мне в лицо. – Обязательно приходи ко мне в гости... В телефонной книге... Под фамилией миссис Сигурни Ховард... Это моя тетя... – говорила она отрывочно, спешно продвигаясь к выходу; энергично махая своей загорелой рукой на прощание, она растворилась в своей компании, ожидавшей ее у двери.

С немалым чувством стыда оттого, что уже в первое мое появление здесь я задержался до такого позднего времени, я присоединился к последним из гостей Гэтсби, которые столпились вокруг него, с объяснениями, что я тщетно пытался найти его с самого начала вечеринки, и извинениями за то, что не признал его в саду.

– Забудь! – повелел он мне решительно. – Выбрось это из головы, старик. – Это последнее слово, при всей своей фамильярности, было фамильярным не больше, чем его рука, которой он ободряюще похлопал меня по плечу. – И не забудь: мы катаемся на гидроплане завтра в девять утра.

Затем за его спиной нарисовался дворецкий:

– Филадельфия ждет вас на проводе, сэр.

– Хорошо, через минуту подойду. Скажи им, что я уже иду... Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – Он улыбнулся – и вдруг оказалось, что мой уход среди последних имеет какую-то приятную значимость, будто он все время только этого и желал. – Спокойной ночи, старик... Спокойной ночи.

Но, когда я спустился с лестницы, я понял, что этот вечер еще не совсем закончился. За пятьдесят футов от двери дома с десятков зажженных фар освещали какую-то редкую в своем роде суматоху. В канаве при дороге, с поднятой кверху правой стороной, с варварски оторванным одним колесом торчал новенький двухместный автомобиль, который две минуты назад покинул подъездную аллею дома Гэтсби. Острый выступ какой-то стены был причиной отрыва этого колеса, которое теперь привлекало к себе все большее внимание с полдюжины любопытствующих шоферов. Когда они повыходили из своих машин, загородив ими дорогу, какое-то время было слышно резкое, нестройное гудение клаксонов стоящих сзади машин, увеличивая и без того страшное столпотворение.

Человек в длинной куртке, выбравшись из потерпевшего аварию автомобиля, стоял теперь посреди дороги, переводя взгляд с машины на колесо, с колеса на зрителей с забавным озадаченным видом.

– Смотрите! – объяснил он. – Она въехала в канаву.

Этот факт казался ему бесконечно удивительным, и по необыкновенной манере удивляться, которая мне бросилась в глаза первой, я узнал и самого человека: это был последний клиент библиотеки Гэтсби.

– Как это произошло?

Он пожал плечами.

– Я вообще ничего не понимаю в механике, – сказал он решительно.

– Но как это произошло? Вы что, въехали в стену?

– И не спрашивайте меня, – сказали «Очки-велосипед», умывая руки во всем этом деле. – Я очень мало знаю о вождении – почти ничего. Это случилось – и это все, что я знаю.

– Но если вы такой плохой водитель, тогда вам не следовало пытаться вести автомобиль ночью.

– Но я даже не пытался, – сказал он с негодованием, – я даже не пытался!

Благоговейный ужас охватил присутствующих.

– Вы что, хотите кончить жизнь самоубийством?

– Вам еще повезло, что отлетело всего лишь колесо! Такой плохой водитель, и даже не старался вести автомобиль!

– Вы не поняли, – объяснил преступник. – Я не вел машину. В машине сидит еще один человек; он и вел ее.

Шок, который последовал за этим заявлением, нашел выражение в непрерывном «А-а-а-х! А-а-а-х!», и дверь машины начала медленно открываться. Толпа – а теперь это была уже толпа – невольно отступила на шаг назад, и когда дверь полностью открылась, последовала пауза, будто от появления призрака. Затем очень медленно, часть за частью, из машины вылез бледный, качающийся из стороны в сторону индивид, осторожно нащупывая землю большим дрожащим танцевальным туфлем.

Ослепленный ярким светом фар и сбитый с толку непрерывным воем рожков, призрак этот стоял, покачиваясь, какое-то время, пока в его поле зрения не вошел человек в куртке.

– В чем дело? – спросил он спокойным голосом. – У нас что, кончился бензин?

– Вот, смотри!

Полдюжины пальцев указали на ампутированное колесо; он уставился на него на мгновение, а потом поднял глаза вверх, будто всерьез подозревал, что оно свалилось с неба. – Оно отлетело, – объяснил ему кто-то.

Он кивнул.

– А я и н-не з-заметил сразу, что мы с-с-тоим.

Пауза. Затем, сделав глубокий вдох и выпрямив плечи, он твердым голосом спросил:

– Скажите мне, а где здесь заправка?

Уже с десяток человек, некоторые из которых были в состоянии не намного лучше, чем он, объяснили ему, что колесо и машина больше не соединены между собой никакой физической связью.

– Надо сдать назад, – через какое-то мгновение предположил он. – Включить на ней задний ход.

– Так ведь *колеса* нет!

Он задумался.

– Попробовать не помешает, – сказал он.

Пронзительный рев клаксонов достиг крещендо, и я повернулся и пошел напрямик через газон к дому. Я оглянулся еще раз. Вафля луны сияла над домом Гэтсби, придавая, как и прежде, красоту ночи и оставаясь самым стойким свидетелем смеха и шума его все еще пылающего огнями сада. Какая-то неожиданная пустота, казалось, исходила теперь от этих окон и больших дверей, окутывая собой и погружая в полную изоляцию фигуру хозяина, который стоял на крыльце с поднятой рукой в формальной позе прощания.

Перечитывая то, что я до сих пор написал, я вижу, что создал у читателя впечатление, будто события этих трех вечеров, разделенных между собой несколькими неделями – все, чем я жил в то время. На самом же деле все наоборот: это были не более, чем случайные эпизоды насыщенного делами лета, и до какого-то момента, который наступил гораздо позже, они занимали меня бесконечно меньше, чем мои личные дела.

Большую часть времени я работал. По утрам раннее солнце отбрасывало мою тень на запад, когда я спешил по белым каньонам улиц нижнего Нью-Йорка в сторону «Пробити Треста». Я знал по именам других клерков и молодых торговцев облигациями, часто обедал с ними в темных, переполненных ресторанах маленькими свиными сосисками с пюре и кофе. Я даже закрутил короткий роман с одной девушкой из Джерси-сити, работавшей в бухгалтерии, но ее брат начал бросать косые взгляды в мою сторону, так что когда она ушла в отпуск в июле, я тихо спустил все это на тормозах.

Обедал я обычно в Йель-клубе (по какой-то причине это всегда было самым скучным временем за весь мой рабочий день), после чего поднимался по лестнице в библиотеку и добросовестно в течение целого часа изучал там теорию инвестиций и ценных бумаг. Обычно всегда находилось несколько нарушителей тишины вокруг, но они никогда не заходили в библиотеку, поэтому здесь было хорошее место для того, чтобы поработать. После работы, если вечер выдавался тихим и приятным, я возвращался домой пешком по Мэдисон Авеню мимо старой гостиницы «Мюррей Хилл», далее по 33-й улице до Пенсильванского вокзала.

Мне начинал нравиться Нью-Йорк, его оживленный, тянущий на приключения ритм по вечерам и то удовлетворение, которое сообщает беспокойному глазу постоянное мельтешение людей и машин. Мне нравилось ходить по Пятой Авеню, присматривать себе в толпе романтического вида женщин и представлять в своем воображении, что через несколько минут я

войду в их жизнь, и никто никогда об этом не узнает и не выскажет свое неодобрение. Иногда я мысленно провожал их до их квартир на углах неведомых улиц, и они оборачивались и улыбались мне, прежде чем просочиться через дверь и раствориться в теплой темноте квартиры. В завораживающих столичных сумерках меня иногда преследовало чувство одиночества, и я ощущал его в других: в бедных молодых клерках, слоняющихся без дела под окнами, ожидая, когда наступит время одинокого обеда в ресторане, молодых клерках, впустую проводящих сумерки – самые романтические мгновения вечера и жизни.

И опять в восемь часов, когда темные полосы пяти подряд сороковых улиц были забиты такси, тянущимися в направлении театра, я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Фигурки наклонялись друг к другу в такси во время стояния в пробке, слышались пение и смех от неразличимых шуток, а огоньки сигарет описывали в воздухе траектории непонятных жестов. Представив и себя вместе с ними спешащим к веселой жизни и разделяя их внутренний восторг, я пожелал им хорошо провести время.

На какое-то время я потерял из виду Джордан Бейкер, но затем, в середине лета, я снова отыскал ее. Поначалу мне было лестно ходить с ней по разным местам, поскольку она была чемпионкой по гольфу, и имя ее было известно всякому. Потом в душе моей возникло нечто большее. Нет, это не была любовь, это было что-то вроде благосклонного любопытства. Скучающе-надменное лицо, которое она обращала к миру, скрывало что-то под собой, – большинство наигранных манер в конечном счете скрывают под собой что-то, даже если вначале это и не так, – и вот однажды я увидел, что именно. Однажды мы были вместе на одной дачной вечеринке в Уорвике; она оставила взятую напрокат машину под дождем, не натянув крышу, и потом солгала об этом, – и тут я вспомнил один случай с ней, о котором я услышал в доме Дэйзи, но как-то не обратил на него внимания тогда. На ее первом большом турнире по гольфу разгорелся один скандал, который чуть не достиг газетных полос: будто бы она сдвинула свой мяч из плохой позиции в полуфинале. Шум вокруг этого доходил уже до размеров скандала, но потом утих. Мальчик, подносящий клюшки, отказался от своих слов, а единственный второй свидетель признал, что мог ошибиться. Этот инцидент остался в моей памяти связанным с ее именем.

Джордан Бейкер инстинктивно избегала умных, проницательных мужчин, и теперь я понял, почему: она чувствовала себя безопаснее с безупречной репутацией «леди», для которой любое отклонение от каких-либо законов морали считалось бы немислимим. Она была неизлечимо нечестной. Она была неспособна выдержать несоответствие этой репутации и, учитывая это нежелание иметь дело с такими мужчинами, я думаю, она уже с самого раннего возраста начала прибегать к разным уверткам, чтобы сохранять эту свою холодную, дерзкую улыбку, обращенную к миру, и при этом удовлетворять потребности своего сексуального, энергичного тела.

Для меня это не имело значения. Нечестность в женщине – черта, за которую ее никогда нельзя осуждать всерьез, и я, немного посожалев, потом забыл об этом. Тогда же, на той дачной вечеринке у нас состоялся любопытный диалог на тему вождения автомобиля. Он начался из-за того, что она проехала настолько близко к группе рабочих, что боковиной нашего капота оторвало пуговицу на пиджаке одного из них.

– Ты нукудышный водитель, – возмущенно заявил я. – Тебе следует или быть осторожнее, или вообще не садиться за руль.

– Я осторожна.

– Нет, не осторожна.

– Ну, так другие осторожны, – сказала она легкомысленно.

– Причем тут другие?

– Они будут держаться подальше от меня, – настаивала она. – Для аварии нужны двое.

– А если бы тебе попался такой же неосторожный, как ты: что тогда?

– Я надеюсь, этого никогда не случится, – ответила она. – Я ненавижу беспечных людей. Именно поэтому мне нравишься ты.

Ее серые прищуренные от солнца глаза смотрели прямо перед собой, однако она нарочно сдвинула с мертвой точки наши отношения, и на какое-то мгновение мне показалось, что я люблю ее. Однако я никогда не поддаюсь горячке и полон внутренних правил, которые действуют, как тормоза на мои желания, и я знал, что прежде мне нужно определенно вырваться из тех пут, которыми я был повязан еще дома. Раз в неделю я писал письма, заканчивая их словами: «С любовью, Ник», и все, о чем я мог думать при этом, было то, как на верхней губе этой девушки проступала полоска пота, похожая на тонкие усы, когда она играла в теннис. Тем не менее, в этих отношениях присутствовало какое-то неуловимое взаимопонимание, которое должно было быть тактично прекращено, прежде чем я буду свободен от них.

Каждый подозревает в себе присутствие по крайней мере одной из главных добродетелей, и у меня она следующая: я один из тех немногих честных людей, каких я когда-либо знал.

ГЛАВА 4

Утром в воскресенье, когда доносился звон церковных колоколов из прибрежных деревень, мир и его хозяйка вернулись в дом Гэтсби и весело поблескивали на его газоне.

– Он бутлеггер, – говорили молодые леди, сидя где-то между его коктейлями и его цветами. – Однажды он убил человека, который раскопал, что он племянник фон Гинденбурга и кузен самому дьяволу. – Поддай мне вон ту розу, дорогая, и налей последнюю каплю вон в тот хрустальный бокал.

Когда-то я записывал на пустых строках расписания поездов имена тех, кто приходил в дом Гэтсби тем летом. Сейчас это расписание уже пожелтело, рвется на складках; вверху написано: «Расписание поездов на 5 июля 1922 г.», но я все еще могу прочесть на ней потускневшие имена; они дадут вам лучшее, чем мои общие описания, представление о тех, кто воспользовался гостеприимством Гэтсби и отдал ему утонченную дань незнания о нем ничего.

Итак, от Ист-Эгга приходили Честер Беккерс и семейство Лич, а также человек по фамилии Бунзен, которого я знаю еще с Йейля, а также доктор Вебстер Сивет, которого утопили прошлым летом в Мэне. А также семейство Хорнбим, Вилли Вольтэрс, а также целый клан по фамилии Блэкбак, члены которого всегда держались кучкой в углу и задирали свои носы, как козлы, на всех, кто приближался к ним. Также приходили семейства Измэй и Кристи (или же Хуберт Ауэрбах и жена мистера Кристи), Эдгар Бивер, волосы которого, как говорят, стали вдруг белыми, как снег, одним зимним вечером без какой-либо видимой причины.

Клэрэнс Эндайв был из Ист-Эгга, насколько я помню. Он появился всего один раз, в белых бриджах, и подрался в саду с одним приживальщиком по имени Этти. Из более дальних мест Лонг-Айленда приезжали супруги Чидл и О.Р.П. Шредеры, а также Стоунволл Джексон Абрамс из Джорджии и супруги Фишгард и Рипли Снелл. Снелл был здесь за три дня до того, как отправился в тюрьму; он лежал на щебне аллеи пьяный до такой степени, что автомобиль миссис Улисс Светт переехал ему правую руку. Приходили также супруги Дэнси, и С. Б. Уайтбейт, которому уже далеко за шестьдесят, Морис А. Флинк, Хаммерхедс, импортер табака Белуга и его девочки.

Из Уэст-Эгга приходили семейства Поул и Малреды, а также Сесиль Роубак, Сесиль Шон, сенатор штата Гуликк, а также Ньютон Орчид, управляющий кинокомпанией «Films Par Excellence», Экгауст, Клайд Коэн и Дон С. Шварце (сын) и Артур Маккарти, – все, имеющие так или иначе отношение к киноиндустрии. Также бывали здесь супруги Кэтлип и Бемберги, а также Дж. Эрл Мальдун, брат того Мальдуна, который впоследствии задушил свою жену. Приходили сюда промоутер Да Фонтано, Эд Легрос и Джеймс Б. Феррет (по кличке «Ротгат»⁴), а также Де Джонгс и Эрнест Лилли, – все они приходили, чтобы поиграть в карты, и когда Феррет направлялся в сад, это означало, что он разгрузился, и теперь компания «Associated Traction» будет осуществлять свои перевозки с прибылью весь следующий день.

Один человек по фамилии Клипспрингер бывал здесь так часто и так подолгу, что его прозвали «постояльцем», и я не уверен, есть ли у него вообще другой дом. Из театралов здесь бывали Гас Уэйз и Гораций Одонавэн, Лестер Майер, Джордж Даквид и Фрэнсис Булл. Также из Нью-Йорка бывали здесь чета Кроум, чета Бэкхиссон, чета Денниккер, Рассел Бетти, Корригэны, Келлехеры, Дьюэры, Скалли, а также С. В. Белчер, чета Смэрк и молодожены Куинны, которые теперь в разводе, а также Генри Л. Пальметто, который покончил с собой, бросившись под поезд метро на площади Таймс-Сквер.

Бенни Маккленахен приезжал всегда с четырьмя девушками. Физически они, конечно же, отличались друг от друга, но по манерам и внешнему виду они настолько были похожи

⁴ Незаконно добытое спиртное во времена сухого закона в Америке – прим. перев.

между собой, что неизбежно возникало впечатление, что раньше они уже здесь бывали. Я забыл их имена: одну, кажется, звали Жаклин, вторую Консуэла, потом Глория, потом Джуди, или Джун, а их фамилии звучали либо как мелодичные названия цветов и месяцев, либо как более строгие для слуха фамилии больших американских капиталистов, кузинами которых они бы себя признали, если их хорошенько допросить.

Кроме всех этих, я помню, точно приезжала еще Фаустина О'Брайен, а также девушки Бэдекер и молодой Бруэр, которому отстрелили на войне нос, и мистер Альбруксбургер со своей невестой мисс Хааг, а также Ардита Фитц-Петерс и мистер П. Джуэтт, в прошлом глава Американского Легиона, мисс Клавдия Хип с мужчиной, которого называли ее шофером, а также принц чего-то там, которого мы называли Герцог, чье настоящее имя я забыл, если вообще когда-либо знал.

Все эти люди приходили в дом Гэтсби этим летом.

Однажды в конце июля, в девять часов утра, роскошный автомобиль Гэтсби подкатил по каменистой аллее к двери моего дома и посигналил мелодией из своего трехнотного рожка. Это был первый раз, когда он пожаловал ко мне, хотя до этого я побывал уже на двух его вечеринках, катался вместе с ним на его гидроплане и по его настоятельной просьбе часто пользовался его пляжем.

– Доброе утро, старик. Сегодня ты обедаешь у меня, и я подумал, что было бы неплохо вместе прокатиться.

Он балансировал на приборной панели своего автомобиля, с той ловкостью в движениях, которая так характерна для американца и которую, я думаю, он приобретает благодаря тому, что в юности не поднимает тяжестей и не сидит на стуле с жесткой спинкой, но еще более благодаря шадящей физической нагрузке наших игр с их длинными паузами, наполненными напряженным ожиданием действия. Это качество постоянно прорывалось сквозь фасад его

церемонной манеры держать себя в виде беспокойности. Он никогда не мог сидеть спокойно на месте: всегда то ногой стучит обо что-то, то от нетерпения сжимает и разжимает кулак.

Он заметил, что я смотрю с восхищением на его автомобиль.

– Красивая вещь, не так ли, старик? – Он спрыгнул с подножки, чтобы дать мне лучший обзор. – Неужели ты ее никогда раньше не видел?

Я видел ее раньше. Все уже видели ее. Это был автомобиль темно-кремового цвета, сверкающий никелем, с округлыми выпуклостями по всей своей огромной длине, со сногшибательными отсеками для шляп, для свертков с ужином и для инструментов, с лабиринтом из ветровых стекол, отражавших с десятков солнц. Сев в нее и оказавшись за несколькими слоями стекла в чем-то наподобие оранжереи из сыромятной кожи, мы двинулись по направлению к городу.

Я беседовал с ним, наверно, уже раз шесть за прошедший месяц и обнаружил, к своему разочарованию, что с ним почти не о чем говорить. Таким образом, мое первое впечатление о нем как о человеке, обладающем каким-то влиянием неясного происхождения, постепенно улетучилось, и он превратился в простого собственника роскошной придорожной закуской по соседству.

И потом случилась вот эта поездка, которая меня привела просто в замешательство. Мы еще даже не доехали до поселка Уэст-Эгг, когда Гэтсби начал оставлять свои элегантные фразы незаконченными и в нерешительности хлопать себя по колену в своем карамельного цвета костюме.

– Вот скажи мне, старик, – неожиданно сказал он, – что ты, все-таки, думаешь обо мне, а?

Немного ошарашенный таким вопросом, я начал говорить общие уклончивые фразы, которые такой вопрос заслуживает.

– Что ж, я тебе сейчас расскажу кое-что о моей жизни, – прервал меня он. – Я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное представление обо мне из всех этих историй, какие ты слышишь.

Он, оказывается, был в курсе всех тех странных обвинений, которые придавали пикантность разговорам в его апартаментах.

– Я расскажу тебе сейчас чистую правду, как пред Богом. – Его правая рука сделала властный жест, будто повелев божественному возмездию стать рядом. – Я сын богатых родителей со Среднего Запада: никого из них сейчас уже нет в живых. Я рос в Америке, но учился в Оксфорде, потому что все мои предки учились там много лет. Это семейная традиция.

Он посмотрел на меня искоса, и я сразу понял, почему Джордан Бейкер считала, что он врет об Оксфорде. Слова «учился в Оксфорде» он произнес очень быстро, скорее, проглотил их, или, точнее будет сказать, подавился ими, как будто это было то, что доставляло ему много беспокойства в прошлом. И вместе с этим сомнением правдоподобность этого его утверждения рассыпалась в прах, так что я даже начал подозревать в нем какую-то нечестность.

– Из какого региона Среднего Запада? – поинтересовался я без задней мысли.

– Сан-Франциско.

– А, ну да.

– Все мои близкие умерли, и мне досталась по наследству большая сумма денег.

Голос его звучал скорбно, будто память об этом внезапном вымирании целого клана еще была жива в нем. В какое-то мгновение у меня возникло подозрение, что он дурачит меня, однако, взглянув на него, я убедился в обратном.

– После этого я жил, как молодой раджа во всех столицах Европы: Париже, Вене, Риме; коллекционировал драгоценные камни, в основном рубины, охотился на крупных животных, малость рисовал – только для себя, все это время пытаюсь заглушить память об одном очень грустном событии, которое произошло со мной много лет назад.

Мне стоило немалого усилия сдержать мой скептический смех. Сами фразы, которыми он говорил, были настолько избитые, что они не вызывали в моем воображении ничего другого, кроме образа некоего древнего раджи в тюрбане, настолько древнего, что из него изо всех дыр сыплется песок, когда он гоняется за тигром по Булонскому лесу.

– Потом пришла война, старик. Это стало большим облегчением для меня, и я усиленно пытался умереть, однако, как оказалось, жизнь вцепилась в меня очень прочно. Я записался в армию первым лейтенантом, когда она началась. В Аргоннском лесу я настолько продвинулся вперед с двумя пулеметными расчетами, что на обоих наших флангах образовалась брешь в полмили, которую наша пехота не могла долго закрыть. Мы продержались на наших позициях два дня и две ночи – сто тридцать человек с шестнадцатью ручными пулеметами Льюиса, и когда подошла, наконец, пехота, посреди горы трупов они нашли эмблемы трех немецких дивизий. Меня повысили до майора, и главы всех государств-союзников лично вручили мне каждый свою награду, даже глава Черногории, этой маленькой страны Черногории на Адриатическом море!

Маленькой Черногории! Он произнес эти слова высоким голосом и кивнул в подтверждение, улыбнувшись своей особенной улыбкой. Улыбка эта заключала в себе понимание мятежной истории страны Черногории и сочувствие черногорскому народу в его отважной борьбе. Она выражала полное понимание его вклада в народно-освободительную борьбу, который пробудил такую благодарность в маленьком теплом сердце Черногории. Теперь мой скептицизм захлестнула волна очарования; у меня было такое чувство, будто я бегло ознакомился с десятком журналов.

Он засунул руку в карман, и кусок металла на ленточке упал мне в ладонь.

– Это медаль от Черногории.

К моему удивлению, вещь выглядела как подлинник. На ней по кругу была выбита надпись: «Orderi de Danilo, Montenegro, Nicolas Rex».

– Переверни ее.

– «Майору Джею Гэтсби», – прочитал я вслух, – «За Отвагу».

– Вот еще одна вещь, которую я всегда ношу при себе. Сувенир со времен Оксфорда. Фотография была сделана в Тринити-колледже: человек слева от меня – это теперь герцог Доркастерский.

На этой фотографии полдюжины молодых людей в спортивных пиджаках вальяжно прохаживались в арочном проходе, за которым виднелась группа шпилей. Среди них был Гэтсби, по виду не намного моложе их, с битой для крикета в руке.

Тогда все было правдой. Я видел пламенеющие шкуры тигров в его дворце на Большом Канале; я видел, как он открывает сундук с рубинами, чтобы созерцанием их темно-красных глубин облегчить терзания своего разбитого сердца.

– Я собираюсь попросить тебя сегодня об одном большом одолжении, – сказал он, с удовлетворением кладя свои сувениры обратно к себе в карман. – И поэтому я подумал, что ты должен узнать кое-что обо мне. Я не хотел, чтобы ты думал обо мне, что я один из тех, имя которых «никто». Дело в том, что я часто нахожусь в обществе незнакомых мне людей, потому что я переезжаю с места на место, стараясь забыть о том горе, которое случилось со мной. – Он задумался. – Ты узнаешь о нем сегодня вечером.

– За обедом?

– Нет, вечером. Я случайно узнал, что ты придешь с мисс Бейкер на чай.

– Ты хочешь сказать, что ты влюблен в мисс Бейкер?

– Нет, старик. Просто мисс Бейкер любезно согласилась поговорить с тобой об этом деле.

Я не имел ни малейшего представления, о каком таком «деле» идет речь, и меня это больше раздражало, чем вызывало во мне интерес. Не для того я пригласил Джордан на чай, чтобы обсуждать с ней мистера Джэя Гэтсби. Я был уверен, что просьба эта будет какой-то

совершенно фантастической, и на какой-то миг даже пожалел, что вообще ступил на его перенаселенный газон.

Больше он не сказал ни слова. Маска корректности опустилась на его лицо, когда мы приблизились к городу. Мы проехали Порт Рузвельт, где стояли впечатляющего вида океанские лайнеры с красной полосой, и помчались по булыжной мостовой через трущобный квартал с его мрачными, потускневшими, но далеко не пустыми барами девятисотых годов постройки по обеим сторонам. Затем долина угольной золы открылась перед нашими глазами по обе стороны, и я увидел миссис Уилсон, которая с пыхтящей жизненностью усердно качала насос гаражной бензоколонки, когда мы проезжали мимо.

С поднятыми, будто крылья, боковинами капота мы пролетели половину Астории, – но только половину, так как, когда мы виляли между столбами надземки, я услышал знакомое «чух-чух-тьфу!» мотоцикла и увидел рядом с нами разъяренного полицейского.

– Не переживай, старик, – крикнул Гэтсби. Мы притормозили. Вынув белую карточку из своего бумажника, он помахал ею перед глазами полицейского.

– Все верно, – согласился полицейский, взяв под козырек. – Буду знать вас в следующий раз, мистер Гэтсби. Извините *меня!*

– Что ты ему показал? – поинтересовался я. – Фотографию из Оксфорда?

– У меня была возможность однажды оказать услугу комиссару полиции, и он присылает мне теперь каждый год рождественскую открытку.

По ту сторону большого моста, между балками которого проникает солнечный свет и, отражаясь от движущихся машин, постоянно сверкает, за рекой высится громада большого города в виде белых скоплений домов, похожих на куски сахара, каждый из которых построен по желанию его владельца на чистые, тогда еще не пахшие грязью деньги. Город, который открывается с моста Квинсборо, – это всегда тот город, который открывается перед прибывающим в него впервые в своем первом сногшибательном обещании всей тайны и прелести мира.

Мертвец проследовал мимо нас в катафалке, обсыпанном цветами, за которым следовали две кареты с опущенными шторами и за ними – более яркие кареты для друзей. Друзья умершего, увидев нас, выглянули из своей кареты, проводив нас своими скорбными глазами и с закушенной верхней губой по обычаю юго-восточной Европы, и я был рад тому, что шикарная машина Гэтсби попала в поле их зрения в этот мрачный для них выходной день. Когда мы проезжали остров Блэкуэлл, нас обогнал лимузин, которым управлял белый шофер, а в салоне сидели три модно одетых негра: два парня и девушка. Я громко рассмеялся, когда желтки их белых глазных яблок медленно и надменно переместились в нашу сторону – в сторону своих конкурентов.

«Что угодно возможно сейчас, когда мы перелетели через этот мост, – подумал я про себя, – все абсолютно...».

И даже Гэтсби возможен, и это не вызовет какого-либо особенного удивления.

Ревущий полдень. В хорошо проветриваемом подвальчике на Сорок второй улице меня уже ждал Гэтсби на обед. Моргая ослепленными от залитой ярким солнечным светом улицы глазами, я различил его темный профиль в передней и увидел, что он с кем-то беседует.

– Мистер Каррауэй, это мой друг мистер Вольфсхайм.

Маленький, с приплюснутым носом еврей поднял свою большую голову и навел на меня два своих густых пучка волос, колосющихся в обеих его ноздрях. Через мгновение из полутьмы показались его маленькие глазки.

– И я посмотрел ему в глаза, – сказал мистер Вольфсхайм, усердно пожимая мне руку. – И что, как вы думаете, я сделал?

– Что же? – спросил я вежливо.

Но этот вопрос, очевидно, был адресован не мне, потому что он бросил мою руку и покрыл Гэтсби своим выразительным носом.

– Я вручил деньги первому встречному и сказал ему: «Не давай этому ни пенса, пока он не закроет рот». И он тут же закрыл свой рот.

Гэтсби взял каждого из нас за руку и повел в зал ресторана, и мистер Вольфсхайм проглотил новую фразу, которую начинал говорить, и тут же погрузился в сомнамбулическую задумчивость.

– Виски с содовой и льдом? – спросил метрдотель.

– Миленький здесь рестораник, – сказал мистер Вольфсхайм, глядя на пресвитерианских нимф на потолке. – Но мне больше нравится тот, что напротив!

– Да, виски с содовой и льдом, – согласился Гэтсби, потом в сторону мистера Вольфсхайма:

– Там очень жарко.

– Да, там жарко и тесно, – сказал мистер Вольфсхайм, – зато сколько воспоминаний!

– Что за ресторан? – спросил я.

– Старый Метрополь.

– Старый Метрополь, – грустно растягивая слова, сказал задумчиво мистер Вольфсхайм. – Полный лиц, уже умерших и ушедших. Полный врагов, теперь уже исчезнувших навсегда. Никогда не забуду, сколько буду жить, ту ночь, когда там убили Розы Розенталя. Нас было шестеро за столом, и Розы много ел и пил всю ночь. Уже перед самым утром официант с веселым видом подошел к нему и сказал, что кто-то хочет поговорить с ним на улице. – Хорошо, – говорит Розы и начинает вставать, а я тяну его за руку, чтоб он сел на свой стул.

– Пусть эти негодяи сами войдут сюда, если они хотят тебя, Розы, но ты не выходи; прошу тебя, помоги мне, выйди из этой комнаты.

– Было уже четыре часа утра, и если бы подняли шторы, можно было бы увидеть дневной свет.

– И он вышел? – спросил я невинным тоном.

– Конечно, вышел! – Нос мистера Вольфсхайма сверкнул на меня негодуяще. – Дойдя до двери, он повернулся ко мне и говорит: «Не давай официанту унести мой кофе!» Потом он вышел на тротуар, и они всадили ему три пули в его полный живот и уехали.

– Четверо из них были казнены на электрическом стуле, – сказал я.

– Пятеро – с Беккером. Его ноздри повернулись ко мне заинтересованно. – А вы, как я понимаю, хотите установить деловой гонгайт?

Непосредственное соседство двух его последних фраз было ужасающим. Гэтсби ответил за меня:

– О, нет! – воскликнул он. – Это не тот человек!

– Не-ет? – повторил мистер Вольфсхайм разочарованно.

– Это просто друг. Я говорил вам, что мы поговорим об этом в другой раз.

– Тогда прошу прощения, – сказал мистер Вольфсхайм, – я принял вас за другого.

Прибыло блюдо с сочным рубленным мясом и картофелем, и мистер Вольфсхайм, забыв о более сентиментальной атмосфере старого Метрополя, начал есть со свирепой деликатностью. Его глаза тем временем очень медленно совершали осмотр всей комнаты, завершив в итоге круг поворотом головы в сторону сидевших прямо позади него. Я думаю, что, если бы не мое присутствие, он не преминул бы заглянуть на мгновение и под наш стол.

– Послушай, старик, – сказал Гэтсби, наклонившись ко мне. – Боюсь, я немного рассердил тебя сегодня утром в автомобиле.

На его лице снова отразилась эта его улыбка, но на этот раз я устоял против нее.

– Я не люблю загадок, – ответил я, – и я не понимаю, почему ты не можешь прямо и откровенно сказать мне, чего ты хочешь. Для чего нужно, чтобы все это проходило через мисс Бейкер?

– О, не волнуйся: здесь нет никакой двойной игры, – заверил он меня. – Мисс Бейкер – великая спортсменка, как ты знаешь, и она никогда бы не стала ввязываться во что-то нечистое.

Вдруг он глянул на часы, подскочил и выбежал из комнаты, оставив меня за столом наедине с мистером Вольфсхаймом.

– Ему нужно позвонить, – сказал мистер Вольфсхайм, провожая его глазами. – Прекрасный парень, вы не находите? Стройный на вид и настоящий джентльмен.

– Да.

– Он выпускник Оггсфорда.

– Вот как?!

– Он посещал Оггсфордский колледж в Англии. Вы знаете Оггсфордский колледж?

– Слышал о нем.

– Это один из самых знаменитых колледжей в мире.

– Вы давно знаете Гэтсби? – поинтересовался я.

– Несколько лет, – ответил он удовлетворенно. – Я имел удовольствие познакомиться с ним сразу после войны. Но после часовой беседы с ним я понял, что нашел человека аристократического происхождения. Я сказал тогда себе: «Это тот человек, которого ты захотел бы привести к себе домой и представить своей маме и сестре». Он сделал паузу. – Я вижу, вы смотрите на мои запонки?

На самом деле я не смотрел на них, но теперь посмотрел. Они состояли из кусочков слоновой кости странной, но чем-то очень знакомой формы.

– Лучшие образцы человеческих коренных зубов, – сообщил он мне.

– Однако! – Я рассмотрел их поближе. – Идея, конечно, очень интересная.

– Да. – Он подкатил рукава под пиджак. – Да, Гэтсби очень аккуратен насчет женщин. Он никогда и взгляда лишнего не бросит на жену своего друга.

Когда объект этого инстинктивного доверия вернулся к столу и сел, мистер Вольфсхайм выпил залпом свой кофе и встал на ноги.

– Спасибо за ланч, – сказал он. – И теперь я убегаю от вас, молодые люди, чтобы не обременять вас далее своим присутствием.

– Не торопись, Мейер, – сказал Гэтсби без энтузиазма. Мистер Вольфсхайм поднял руку как при благословении.

– Вы очень любезны, но я человек другого поколения, – объявил он торжественно. – Вы сидите здесь и обсуждаете ваш спорт, и ваших молодых девушек, и ваш с... – Последнее существительное он заменил еще одним взмахом руки. – А мне уже пятьдесят лет, и я не стану долее навязывать вам свое присутствие.

Когда он пожимал нам руки и поворачивался, чтобы уйти, его трагический нос все время дрожал. Я спрашивал себя, не сказал ли я чего-то такого, что могло его обидеть.

– Иногда он становится очень сентиментальным, – пояснил Гэтсби. – Сегодня как раз такой день. Он довольно известная личность в Нью-Йорке – обитатель Бродвея.

– Кто же он такой? Актер?

– Нет.

– Зубной врач?

– Кто? Мейер Вольфсхайм? Не-ет, он биржевой спекулянт.

Гэтсби сделал паузу, затем добавил холодно:

– Это тот человек, который подстроил поражение в Мировой лиге 1919 года.

– Подстроил поражение в Мировой лиге?? – повторил я. То, что это мог кто-то подстроить, поразило меня. Я знал, конечно, что Мировая Лига в 1919-м была договорной, но я как-

то не задумывался об этом; и даже если бы задумался, это мне представилось бы как что-то, что произошло самой собой, как следствие какой-то неизбежной цепи событий. Мне никогда и в голову не приходило, что один человек может приступить к игре, зная, что в него верят пятьдесят миллионов, с одной-единственной целью вора, взламывающего сейф.

– Как ему удалось такое сделать? – спросил я через минуту.

– Просто он увидел для себя удобный случай.

– Почему же он еще не в тюрьме?

– Они не могут поймать его, старик. – Он хитрый и умный.

Я настоял на том, что чек оплачиваю я. Когда официант принес мне сдачу, я увидел в переполненном кафе лицо Тома Бьюкенена.

– Пойдем со мной, на минутку, – сказал я. – Мне нужно кое с кем поздороваться.

Увидев нас, Том подскочил и сделал несколько шагов в нашу сторону.

– Где ты пропадаешь? – настойчиво спросил он. – Дэйзи вне себя из-за того, что ты не зашел.

– Это мистер Гэтсби, мистер Бьюкенен.

Они кратко пожали друг другу руки, и на лице Гэтсби появилась какая-то странная напряженность и замешательство.

– И все-таки, где ты пропадал все это время? – потребовал от меня отчета Том.

– Как получилось, что ты заехал так далеко на обед? – Я обедал с мистером Гэтсби. – Я повернулся в сторону мистера Гэтсби, но его уже и след простыл.

– Одним октябрьским днем тысяча девятьсот семнадцатого, – рассказывала Джордан Бейкер в тот вечер, сидя очень прямо на стуле с прямой спинкой на террасе ресторана в отеле «Плаза», – я шла из одного места в другое, половина пути по тротуарам, половина – по траве. Мне больше нравилось ходить по траве, так как я была в туфлях, привезенных из Англии, с резиновыми выступами на подошвах, которые вгрызались в мягкий грунт. На мне также была новая клетчатая юбка, слегка приподнимавшаяся на ветру, и каждый раз, когда это происходило, трепетавшие на фасадах всех домов красно-бело-голубые флаги замирали, как по команде, и, вытянувшись в струнку, говорили: «Фу-фу-фу!» предосудительно.

Самый большой из этих флагов и самый большой из всех газонов принадлежали дому Дэйзи Фэй. Ей было всего восемнадцать – она была на два года старше меня и была первой девушкой в Луисвилле. Она одевалась во все белое, и даже ее маленький родстер был белого цвета; телефон в ее доме не умолкал весь день: взволнованные голоса молодых офицеров из Кэмп-Тэйлора требовали для себя привилегии завладеть ее вниманием на предстоящий вечер. «Ну хотя бы на часок!»

Когда я проходила мимо ее дома в то утро, ее белый родстер стоял у обочины, а она сидела в нем рядом с каким-то лейтенантом, которого я никогда раньше не видела. Они были настолько сосредоточены друг на друге, что она заметила меня, только когда я была уже в пяти футах от нее.

– Привет, Джордан! – неожиданно позвала она меня. – Подойди сюда, пожалуйста.

Я была польщена тем, что она захотела поговорить со мной, поскольку из всех старших девушек она вызывала во мне наибольшее восхищение. Она спросила меня, не иду ли я в «Красный Крест» делать повязки. Я ответила, что иду. Тогда она попросила меня передать им, что ее сегодня не будет. Офицер смотрел на Дэйзи все время, пока она говорила, тем взглядом, каким каждая молодая девушка хочет, чтобы на нее смотрели иногда, и поскольку его взгляд показался мне таким романтическим, этот эпизод остался в моей памяти. Звали его Джей Гэтсби; он не попадался мне на глаза более четырех лет с тех пор, и даже после того, как я встретила его на Лонг-Айленде, я не сообразила, что это тот самый офицер.

Это было в тысяча девятьсот семнадцатом году. В следующем году у меня самой было уже несколько воздыхателей, и я начала тогда играть в турнирах, поэтому я не пересекалась с Дэйзи очень часто. Она водилась с теми, кто был немного старше ее, если вообще с кем-либо водилась. О ней ходили самые невероятные слухи: как ее мать однажды вечером застала ее складывающей чемодан, чтобы ехать в Нью-Йорк попрощаться с одним солдатом, который отправлялся за океан. Близкие ее, конечно, не пустили, после чего она не разговаривала с ними несколько недель. После того случая она больше уже не крутила романы с солдатами, а только с несколькими оставшимися в городе близорукими юношами с плоскостопием, которых не брали в армию совсем.

К следующей осени жизнь ее уже снова была развеселой дальше некуда. Ее дебют состоялся после Перемирия, и где-то в феврале она была помолвлена с выходцем из Нью-Орлеана. В июне она вышла замуж за Тома Бьюкенена из Чикаго с такой помпой и шиком, о каких в Луисвилле никогда даже не слыхали. Он прикатил с сотней человек в четырех личных авто и выкупил целый этаж в отеле «Мюльбах», а за день до свадьбы он подарил ей ожерелье из жемчуга стоимостью в триста пятьдесят тысяч долларов.

Я была ее дружкой. Я вошла в ее комнату за час до свадебного пира и нашла ее лежащей на постели: она была милой, как июньская ночь, в своем платье в цветах и... вдрызг пьяной. В одной руке у нее была бутылка Сотерна, а в другой письмо.

– Можешь меня поздравить, – пробормотала она. – Никогда раньше не пила; но, боже мой, как это приятно!

– В чем дело, Дэйзи?

Сказать тебе, что я испугалась, – значит ничего не сказать; я никогда еще не видела ни одну девушку в таком состоянии.

– Вот, держи, дорогая. – Она пошарила рукой в мусорной корзине, которую держала при себе, и вытащила оттуда нитку жемчуга. – На, отнеси это вниз и отдай тому, кому это принадлежит. Скажи им всем, что Дэйзи передумала. Так и скажи: Дэйзи пе-ре-ду-ма-ла!

И начала плакать безостановочно. Я вылетела из комнаты, отыскала служанку ее матери, и мы заперли дверь и быстро окунули ее в холодную ванну. Письмо она никак не хотела выпустить из рук. Она взяла его с собой в ванну, сжав его в руке до мокрого шарика, и позволила мне забрать его только в мыльнице, когда увидела, что он расплзается на глазах, как снег.

Но больше она не сказала ни слова. Мы дали ей вдохнуть нашатырного спирта, приложили лед ко лбу и облачили ее опять в ее платье, и уже через полчаса, когда мы вышли из комнаты, жемчуга уже снова были на ее шее, и инцидент был исчерпан. На следующий день в пять часов она сочеталась браком с Томом Бьюкененом, как ни в чем не бывало, и они отправились в трехмесячное путешествие к Южным морям.

Я встретила их в Санта-Барбаре, когда они вернулись, и скажу тебе: я не видела еще, чтобы девушка так была одержима своим мужем, как она. Стоило ему выйти из комнаты на минутку, как она тут же начинала взволнованно искать его глазами и повторяла: «Куда ушел Том?», и вид ее был очень рассеянным до тех пор, пока в дверях не появлялся он. Она могла сидеть часами на песке, держа его голову у себя на коленях, щелкать пальцами над его глазами и потом смотреть на него с непостижимым наслаждением. Было очень трогательно видеть их вместе, – это вызывало в тебе беззвучный восхищенный смех. Это было в августе. Через неделю после того, как я уехала из Санта-Барбары, Том ночью врезался в фургон на шоссе «Вентура» и у него отлетело переднее колесо. Девушка, которая сидела в машине вместе с ним, тоже попала в газеты, так как у нее был перелом руки; это была одна из горничных в отеле Санта-Барбары.

В апреле следующего года Дэйзи родила свою малышку, и они уехали во Францию на год. Один раз я видела их в Каннах, и еще раз в Довиле, а потом они вернулись в Чикаго, чтобы осесть там. Дэйзи была известной личностью в Чикаго, как ты знаешь. Все они, молодые,

богатые и бесшабашные, шли в ногу с прожигателями жизни и равнялись на них, ей же всегда удавалось сохранять безупречную репутацию. Наверно, это потому, что она не пьет. Ты имеешь огромное преимущество, когда не пьешь в компании любителей залить за воротник. Ты можешь контролировать свой язык и, более того, ты можешь позволить себе любую маленькую интрижку в удобный момент, когда все настолько зальют глаза, что даже не заметят этого, а если и заметят, то не обратят никакого внимания. Скорее всего, Дэйзи ни разу не крутила ни с кем романы... и все же, в этом ее голосе есть что-то такое...

И вот примерно шесть недель назад она впервые за много лет услышала имя Гэтсби. Это было, когда я спросила тебя – помнишь? – слышал ли ты в Уэст-Эгге о Гэтсби. После того, как ты ушел домой, она пришла ко мне в комнату, разбудила меня и сказала: «Какой это Гэтсби?», и когда я в полусонном состоянии описала его ей, она очень странным голосом сказала, что это точно тот человек, которого она знала раньше. И только тогда я сообразила, что этот Гэтсби и тот офицер в ее белом авто – одно и то же лицо.

Когда Джордан Бейкер закончила рассказывать мне все это, мы уже полчаса, как ехали от «Плазы» в автомобиле с откидным верхом по Центральному парку. Солнце село за высокие многоэтажки, в которых жили кинозвезды в западных кварталах пятидесятих улиц, и звонкие голоса маленьких девочек, уже собравшихся, как сверчки, на траве, наполняли собой горячий воздух сумерек:

*Знай, что я – шейх Аравии,
Султан твоей любви.
По ночам, когда уснешь,
В шатер твой буду вхож...*

– Это было странное совпадение, – сказал я.

– Не было это вовсе никаким совпадением.

– Почему?

– Гэтсби купил этот дом намеренно, чтобы от Дэйзи была от него буквально через бухту.

Тогда выходит, что не только на звезды выходил он посмотреть в ту июньскую ночь. Он для меня родился заново, возник внезапно из утробы своего бессмысленного великолепия.

– Он хочет знать, – продолжала Джордан, – пригласишь ли Дэйзи к себе в дом когда-нибудь вечером и позволишь ему зайти.

Скромность этого требования потрясла меня. Он ждал целых пять лет и купил особняк, в котором скармливал целые состояния случайным мошкам, и все это только лишь ради того, чтобы однажды вечером «зайти» в сад к незнакомому человеку!

– А я вообще должен был узнать обо всем этом до того, как он попросит меня о таком пустяковом одолжении?

– Он боялся сказать тебе, так как ждет этого уже очень долго. Он думал, что ты будешь оскорблен. Дело в том, что, несмотря на весь этот его шик, он нормальный парень.

Отчего-то мне на душе стало тревожно.

– А почему он не попросил тебя устроить им встречу?

– Он хочет, чтобы она увидела его дом, – объяснила она. – А твой дом стоит рядом с его.

– Вот как!

– Я думаю, он где-то рассчитывал на то, что однажды она все-таки забредет на одну из его вечеринок, – продолжала Джордан, – но этого так и не произошло. И тогда он начал как бы между прочим расспрашивать людей, не знают ли они ее случайно, и я была первая, ответившая на его вопрос утвердительно. Это было на той вечеринке, когда начались танцы и он прислал за мной дворецкого; тогда он обратился ко мне с этой своей просьбой, и надо было слышать, какими окольными путями он ходил, прежде чем подошел к ее сути! Конечно же,

я сразу предложила организовать обед где-нибудь в Нью-Йорке, но его реакция была такой странной, что я подумала, что он сейчас сойдет с ума:

– Где-нибудь в другом месте мне не надо! – то и дело повторял он. – Я хочу встретиться с ней рядом, в соседнем доме.

А когда я сказала ему, что ты близкий друг Тома, он как-то сразу сник и стал охладевать ко всей этой затее. Он не очень хорошо знает, кто такой Том, хотя и говорит, что читает чикагскую газету уже много лет подряд только ради надежды встретить там имя Дэйзи.

Уже стемнело, и когда мы нырнули под маленький мостик, я обхватил рукой золотистые плечи Джордан, прижал ее к себе и предложил вместе пообедать. Вдруг мысли о Дэйзи и Гэтсби как-то сами собой улетучились из моей головы, и я не мог думать ни о чем другом, как только об этой чистой, сильной, ограниченной личности, натянувшей на себя маску тотального скептика, которая сидела, самодовольно откинувшись назад, как раз в объёме моей руки. В ушах моих начала стучать будто молотом с каким-то пьянящим возбуждением одна и та же фраза: «В мире есть только те, за кем гонятся, те, кто гоняется, а также вечно занятые и вечно уставшие».

– У Дэйзи тоже должна быть какая-то искра в жизни, – прошептала мне Джордан.

– Она хочет увидеть Гэтсби?

– Она не должна знать об этом. Гэтсби не хочет, чтобы она знала. Твоя роль в этом деле – просто пригласить ее на чай.

Мы выехали из-под шатра темных деревьев парка, проехали вдоль фасада домов Пятдесят девятой улицы, из которых лились лучи бледного света, слабо освещая парк. В отличие от Гэтсби и Тома Бьюкенена, у меня не было девушки, чьи бестелесные черты плывут вдоль темных карнизов и ослепляющих дорожных знаков, поэтому я крепко прижал к себе девушку рядом со мной. На ее бледных, презрительных губах отобразилась улыбка, и я прижал ее к себе еще ближе, на этот раз к своему лицу.

ГЛАВА 5

Когда я приехал в Уэст-Эгг тем вечером, в какое-то мгновение я даже почувствовал страх, подумав, что мой дом горит. Было два часа ночи, а весь угол полуострова пылал ярким светом, который плясал нереальными тенями на кустарнике и отсвечивал тонкими длинными отблесками от проволочных ограждений дороги. Повернув за угол, я увидел, что сияние шло от дома Гэтсби, во всех окнах которого, от башни до подвала, горел яркий свет.

Поначалу я подумал, что это очередная вечеринка в самом своем разгаре, переросшая в игру в прятки или «сардины в бочке», в жертву которой был отдан весь дом. Однако из дома не доносилось ни звука. Только ветер колыхал проволоку и деревья, которые то закрывали льющийся из окон дома свет, то вновь открывали его, создавая впечатление, будто дом моргает своими окнами во тьму. Когда шум доставившего меня такси умолк, я увидел Гэтсби, идущего ко мне по своему газону.

– Твой дом выглядит так, будто в нем проходит международная ярмарка, – сказал я.

– Правда? – Он обернулся и посмотрел в его сторону рассеянно. – Я заглядывал в несколько комнат. Поехали со мной на Кони-Айленд, старик. На моей машине.

– Уже очень поздно.

– А если нам пойти окунуться в бассейне? Я ни разу там не был за все лето.

– Мне пора спать.

– Ладно.

Он молчал, глядя на меня с еле сдерживаемым нетерпением.

– Я разговаривал с мисс Бейкер, – сказал я через мгновение. – Я собираюсь позвонить завтра Дэйзи и пригласить ее сюда на чай.

– Что ж, прекрасно, – сказал он безразлично. – Я не хочу доставлять тебе какие-либо неудобства.

– Какой день устроит тебя?

– Нет, какой день устроит *тебя*? – он быстро поправил меня. – Я не хочу, чтобы это доставляло тебе какие-либо неудобства, понимаешь?

– Как насчет послезавтра?

Он задумался на мгновение. Потом, с отвращением:

– Я хочу подстричь эту траву, – сказал он.

Мы оба посмотрели на траву: было четко видно, где заканчивался мой нестриженный газон, и где начинались более темные и хорошо ухоженные его владения. Я заподозрил, что он имел в виду мою траву.

– Есть еще одно маленькое дельце... – сказал он неуверенно, и замолк в нерешительности.

– Ты что, хочешь отложить встречу на несколько дней? – спросил я.

– О, нет, я не об этом. По крайней мере... – замылся он, подыскивая в своем арсенале подходящее начало. – Я тут подумал... вот скажи, старик, ты ж ведь не очень много денег зарабатываешь, правда?

– Не очень много.

Это, похоже, успокоило его, и он продолжил уже более уверенно.

– Я так и думал... если ты простишь мне мою... понимаешь, у меня есть небольшой бизнес на стороне, так сказать, дополнительный... ну, ты понимаешь. – И я подумал, если ты не очень много зарабатываешь... ты ж ведь продаешь облигации, не так ли, старик?

– Пытаюсь.

– Тогда это должно заинтересовать тебя. Это не будет занимать много твоего времени, а ты мог бы отхватить кругленькую сумму. Это довольно конфиденциальное дельце.

Теперь я понимаю, что при других обстоятельствах этот разговор мог бы стать причиной одного из моих серьезных разладов с самим собой из-за заманчивости предложения. Но, поскольку это предложение было сделано очевидным и бестактным образом за услугу, которую я должен был оказать, у меня не было иного выбора, как тут же пресечь всякий разговор об этом.

– У меня работы по горло, – сказал я. – Я, конечно, очень признателен тебе за предложение, но никакой дополнительной работы я взять на себя просто физически не могу.

– Тебе не придется иметь никакого дела с Вольфсхаймом. Очевидно, он подумал, что я отказываюсь из-за того «гонтагта», который был с нами за обедом, но я заверил его, что он ошибается. Он подождал еще немного в надежде, что я начну разговор, но я был слишком погружен в свои мысли, чтобы отвечать, поэтому он нехотя пошел домой.

Этот вечер вскружил мне голову и сделал счастливым; мне кажется, я погрузился в глубокий сон уже с самого порога моего дома. Поэтому я не знаю, ездил Гэтсби на Кони-Айленд или нет, или как долго он еще «заглядывал в комнаты», а дом его светился ярким светом. На следующее утро я позвонил Дэйзи из офиса и пригласил ее на чай.

– Только не приводи с собой Тома, – предупредил я ее.

– Что?

– Тома не приводи.

– Том? А кто такой Том? – спросила она невинным голосом.

В назначенный день шел проливной дождь. В одиннадцать часов какой-то человек в плаще, таща за собой газонокосилку, постучал в мою входную дверь и сказал, что мистер Гэтсби прислал его сюда покосить мне траву. Это напомнило мне о том, что я забыл сказать моей финке, чтобы она вернулась, и я отправился на машине в поселок Уэст-Эгг искать ее в залитых и выбеленных дождем переулках, а также купить несколько чашек, лимонов и цветов.

Цветы покупать мне не было необходимости, так как в два часа от Гэтсби прибыла целая оранжерея с многочисленными вазами. Еще через час входная дверь нервно открылась, и Гэтсби в белом фланелевом костюме, в серебристой рубашке и золотистом галстуке поспешно вошел в комнату. Он был бледен, и под глазами у него виднелись признаки бессонной ночи.

– Все в порядке? – сразу же спросил он.

– Трава выглядит красиво, если это ты имеешь в виду.

– Какая трава? – спросил он безучастно. – Ну, та, что во дворе. – Он выглянул в окно, чтобы посмотреть на нее, но, судя по его выражению лица, я не думаю, чтобы он что-то увидел.

– Смотрится очень хорошо, – рассеянно заметил он. – В одной из газет написали, что, по их мнению, дождь прекратится к четверем часам. Кажется, это был «Джорнэл». Скажи, у тебя все есть, что нужно к... чаю?

Я повел его в буфетную, где он взглянул несколько неодобрительно на мою финку. Вместе мы пристально рассмотрели двенадцать лимонных пирожных из деликатесной лавки.

– Этого хватит? – спросил я.

– Да, конечно! Конечно! Отличные пирожные! – и прибавил зачем-то: «...старик».

Дождь утих примерно к половине четвертого, превратившись в сырой туман, через который прорывались редкие капельки, похожие на росинки. Гэтсби просматривал отсутствующим взглядом книгу Клэя «Экономика», вздрагивая от тяжелых шагов финки, сотрясавших пол кухни, и напряженно всматриваясь время от времени в туман за окнами, будто там происходили одно за другим какие-то невидимые, но тревожащие события. Наконец, он встал и сообщил мне неуверенным голосом, что идет домой.

– Почему так?

– Никто на чай не идет. И уже очень поздно! Он посмотрел на часы, как будто его очень ждут еще в каком-то другом месте. – Я не могу ждать весь день.

– Не глупи; еще только без двух минут четыре.

Он сел с жалким видом, будто я толкнул его, и тотчас послышался звук мотора, заезжающего на мою дорожку. Мы оба вскочили на ноги, и я, тоже немного измученный ожиданием, вышел во двор.

Под мокрыми и голыми сиреневыми деревьями по дорожке к дому подъезжал большой открытый автомобиль. Он остановился. Слегка склонившись на бок, из-под треугольной лавандовой шляпы на меня смотрела Дэйзи с широкой и восторженной улыбкой на лице.

– И это то место, где ты живешь, дражайший мой?

Бодрящее журчание ее голоса было лучше любого самого сильного тоника в дождливую погоду. Какое-то мгновение я завороченно внимал звуку его, то возвышавшемуся, то понижавшемуся, и только потом до меня дошли слова. Влажная прядь волос, как мазок голубой краски, пересекала ее щеку, а на мокрой руке ее блестели капли, когда я взял ее, чтобы помочь выбраться из авто.

– Ты что, влюбился в меня? – сказала она тихо мне на ухо. – Зачем мне было приезжать сюда одной?

– О, это тайна «Замка Рекрент». Скажи своему шоферу, пусть едет далеко и не возвращается раньше, чем через час.

– Вернешься через час, Ферди. – Потом важно, шепотом:

– Его зовут Ферди.

– А бензин случайно не вреден для его носа?

– Не думаю, – сказала она без всякой задней мысли. – А в чем дело?

Мы вошли в дом. К моему величайшему удивлению, в гостиной было пусто.

– Ха, это забавно! – воскликнул я.

– Что забавно?

Она повернула голову, так как послышался легкий и вежливый стук во входную дверь. Я вышел, чтобы открыть ее. Гэтсби, бледный, как смерть, с руками, всунутыми, будто гири, в карманы пальто, стоял в луже, с трагическим видом вглядываясь мне в глаза.

По-прежнему держа руки в карманах пальто, он прошествовал мимо меня в холл, сделал резкий поворот, будто шел по канату, и исчез в гостиной. Забавного в этом не было ни капли. Чувствуя, как у меня самого сердце начинает громко биться, я плотно закрыл входную дверь от усилившегося дождя.

С полминуты не было слышно ни звука. Потом из гостиной до моих ушей донеслось что-то наподобие еле сдерживаемого шепота и частично смеха, за которым последовал неестественно четкий голос Дэйзи:

– Я, конечно же, ужасно рада снова видеть тебя.

Пауза; тянулась она ужасно долго. В холле мне делать было нечего, поэтому я вошел в комнату.

Гэтсби, по-прежнему держа руки в карманах, стоял, облокотившись на каминную полку, напряженно создавая вид полной расслабленности, даже скуки. Голова его была запрокинута назад настолько, что упиралась в циферблат давно застывших каминных часов: из этого положения его страдальческие глаза пристально смотрели сверху вниз на Дэйзи, которая сидела, испуганная, но прекрасная, на краю жесткого стула.

– Мы встречались раньше, – пробормотал Гэтсби. Его глаза быстро глянули на меня, а губы разошлись в неудачной попытке изобразить улыбку. К счастью, в этот момент часы на камине под напором его головы опасно наклонились и начали падать, и в тот же миг он обернулся, поймал их дрожащими пальцами и поставил на место. После этого он сел, будто деревянный, положив локоть на подлокотник дивана и подперев подбородок рукой.

– Прошу прощения за часы, – сказал он.

Теперь и мое лицо пылало пунцовым тропическим загаром. Я не мог никак подобрать ни одной из тысячи банальных фраз, какие вращались у меня в голове.

– Это старые часы, – сказал я им идиотскую фразу.

Я думаю, мы все на какой-то миг посчитали, что они упали на пол и разбились вдребезги.

– Мы не виделись много лет, – сказала Дэйзи голосом, прозвучавшим предельно сухо.

– Пять лет будет в ноябре следующего года.

Машинальная четкость ответа Гэтсби погрузила нас всех в прежнее неудобное молчание как минимум на минуту. Я поднял их обоих на ноги, от отчаяния предложив помочь мне приготовить чай на кухне, как вдруг моя злодейка-финка внесла его на подносе.

В желанной суете расстановки чашек и накладывания кусков торта сама собой установилась атмосфера определенной физической благопристойности. Гэтсби забрался в тень и, пока мы с Дэйзи беседовали, добросовестно переводил напряженные, несчастные глаза с одного из нас на другого. Однако, поскольку тишина не была самоцелью, в первый же удобный момент я извинился и встал, чтобы уйти.

– Куда ты идешь? – потребовал ответа Гэтсби, мгновенно встревожившись.

– Я скоро приду.

– Мне нужно сказать тебе кое-что, прежде чем ты уйдешь.

Он подскочил и побежал за мной на кухню, закрыл дверь и прошептал: «О, Боже!» с несчастным видом.

– Что случилось?

– Это ужасная ошибка, – сказал он, трясая головой из стороны в сторону, – ужасная, ужасная ошибка.

– Ты просто смущен, вот и все, – сказал я, и невзначай и очень кстати прибавил: – Дэйзи тоже смущена.

– Она смущена?? – повторил он недоверчиво.

– Не меньше, чем ты.

– Не говори так громко.

– Ты ведешь себя как маленький ребенок, – наконец, взорвался я. – Мало того, ты еще и невежлив. Дэйзи сидит там сейчас в полном одиночестве.

Он поднял руку, чтобы прервать мой поток слов, взглянул на меня с незабываемым укором и, осторожно открыв дверь, прошмыгнул в другую комнату.

Я вышел на улицу через черный ход – точно так, как это сделал Гэтсби, когда в нервном возбуждении наматывал круги возле дома полчаса назад, – и быстро перебежал к огромному дереву с черными сучками, густая крона которого создавала хорошее укрытие от дождя. Опять полил дождь, и мой неровный газон, хорошо подстриженный садовником Гэтсби, изобиловал маленькими грязными болотцами и доисторическими топями. С места под этим деревом не на что больше было смотреть, как только на огромный дом Гэтсби, и я стоял и созерцал его, как Кант – шпиль своей церкви, с полчаса. Его построил один пивовар десять лет назад на ранней стадии всеобщего увлечения «периодами» в архитектуре и желания воссоздать архитектурные стили разных периодов, и о нем ходили слухи, будто он согласился уплатить на пять лет вперед налоги за все близлежащие коттеджи, если их владельцы согласятся покрыть свои крыши соломой. Наверное, их отказ вонзил ему нож в сердце, поставив жирный крест на его плане «Основать Семью»: создать из окружающих домов архитектурный ансамбль, в котором доминировало бы его поместье, – и он вскоре скончался. Его дети продали его дом вместе с черным венком, который до сих пор висит на его двери. Американцы, хотя иногда и не прочь побыть наемными рабами, всегда проявляют упрямство, когда их пытаются сделать крестьянами.

Через полчаса снова выглянуло солнце, и по аллее к дому Гэтсби подкатил автомобиль бакалейщика с сырьем для приготовления его слугами обеда, и я был уверен, что он не съест даже ложки супа. Горничная начала открывать окна на верхних этажах его дома, появляясь на мгновение в каждом, и, выглянув из большого центрального эркера, задумчиво плюнула в сад. Мне пора уже было возвращаться в дом. Хотя дождь еще шел, он шел порывами, то уси-

ливаясь, то стихая, напоминая неравномерное журчание их голосов, то нарастающее, то стихающее в порывах эмоций. Но с вновь установившимся затишьем я почувствовал, что затишье установилось также и внутри дома.

Я вошел внутрь; после всего созданного мною шума на кухне (осталось разве что перевернуть еще печку) я не думаю, чтобы они услышали хотя бы звук. Они сидели на противоположных концах дивана, глядя друг на друга так, будто какой-то вопрос был им задан или витал в воздухе, а от прежнего смущения не осталось и следа. Лицо Дэйзи было все измазано от слез, и когда я вошел, она подскочила и начала вытирать их носовым платком перед зеркалом. Однако перемена, произошедшая с Гэтсби, была просто разительной. Он буквально сиял; не обнаруживая себя в слове или в жесте ликования, какое-то новое благополучие светилось в нем и озаряло маленькую комнату.

– О, привет, старик, – сказал он, будто не видел меня сто лет. Мне даже на мгновение показалось, что он сейчас пожмет мне руку.

– Дождь перестал.

– Правда? Когда до него дошло, о чем я говорю, – что комната переливалась гирляндами солнечного света, – он улыбнулся, как синоптик, как ликующий покровитель воскресающего света, и повторил эту новость Дэйзи. – Что ты думаешь об этом? Дождь перестал.

– Я рада, Джэй. – Ее гортанный голос, полный болью, скорбящей красоты, говорил только о ее неожиданной радости.

– Я хочу, чтобы вы с Дэйзи пошли сейчас ко мне в дом, – сказал он. – Я хочу показать ей дом.

– Ты уверен, что хочешь, чтобы я пошел?

– Абсолютно, старик.

Дэйзи поднялась на второй этаж, чтобы умыться, – слишком поздно я вспомнил о том, какие у меня позорные полотенца, так как мы с Гэтсби уже вышли во двор и ждали ее там на газоне.

– А мой дом выглядит неплохо, правда ведь? – потребовал ответа он. – Посмотри, как весь фасад его переливается в лучах солнца.

Я согласился, что дом великолепен.

– Да.

Его глаза внимательно осматривали его, каждую арочную дверь и квадратную башню.

– Мне пришлось поработать всего три года, чтобы заработать на него деньги.

– Я думал, тебе деньги достались по наследству.

– Достались, старик, – сказал он механически, – но я потерял почти все в той большой панике – панике войны.

Я думаю, он вряд ли отдавал себе отчет в том, что говорит, так как, когда я спросил его, в каком бизнесе он вращается, он выпалил «Это неважно» прежде, чем понял невежливость своего ответа.

– О, я работал в нескольких видах бизнеса, – поправился он. – Сперва я занимался фармацевтикой, а потом нефтью. Но сейчас я ни тем, ни другим уже не занимаюсь.

Он посмотрел на меня пристальнее.

– Ты хочешь сказать, что ты уже подумал над тем предложением, которое я сделал тебе вчера вечером?

Прежде, чем я смог ответить, Дэйзи вышла из дома, и два ряда медных пуговиц на ее платье засияли в лучах солнца.

– Это вон *тот* огромный особняк?? – воскликнула она, указывая на него.

– Тебе он нравится?

– Он прекрасен, только я не понимаю, как ты можешь жить в нем в полном одиночестве.

– Он у меня всегда наполнен интересными людьми, днем и ночью. Людьми, которые занимаются интересными делами. Знаменитыми людьми.

Вместо того, чтобы пройти напрямик вдоль Пролива, мы спустились к дороге и вошли в дом через просторный боковой вход. Очаровательным журчащим голосом Дэйзи выражала свое восхищение тем или иным видом феодального замка, высившегося на фоне неба, садами, резким ароматом бело-желтых нарциссов и нежным ароматом боярышника и цветущих слив, а также золотистым ароматом медоносной жимолости. Было странно дойти до этой мраморной лестницы и не увидеть мельтешения входящих и выходящих из двери нарядных платьев и не услышать ни одного звука, кроме голосов птиц на деревьях.

А внутри, когда мы проходили по музыкальным комнатам в стиле Марии Антуанетты и гостиным в стиле времен Реставрации, меня не покидало ощущение, что под каждым столом и кушеткой скрываются гости, которым было приказано сидеть тихо, затаив дыхание, пока мы не пройдем. Когда Гэтсби закрыл дверь «Библиотеки Мертон-Колледжа», я мог поклясться, что услышал, как за дверью привидение того мужчины в очках типа «велосипед» разразилось своим жутким смехом.

Мы поднялись наверх, прошлись по спальням, оформленным каждая в своем историческом стиле, утопающим в розовых и лавандовых шелках и оживленным свежими цветами, по уборным, бильярдным и ванным комнатам со встроенными в пол ваннами, пока не вторглись в одну комнату, в которой какой-то растрепанный человек в пижаме делал упражнения для печени на полу. Это был мистер Клипспрингер, тот самый «постоялец». Утром я видел, как он жадно бродил по пляжу. Наконец, мы вошли в личные апартаменты Гэтсби, которые составляли ванная комната с ванной и кабинет в стиле Адамса, где мы сели и пригубили немного Шартреза, который он достал из шкафа, встроенного в стену.

Все это время он ни разу не оторвал взгляда от Дэйзи: я думаю, он переоценивал все, что есть в его доме, в зависимости от степени восторженности, которой наполнялись ее любимые глаза. Также иногда он пристально вглядывался в свои владения, заторможенно рассматривая их, будто в изумительной реальности ее присутствия все остальное теряло свою реальность. Однажды он даже чуть было не полетел головой вниз по лестнице.

Интерьер его спальни был самым простым из всех комнат, за исключением разве что трюфляжа, украшением которого был туалетный прибор из чистого тусклого золота. Дэйзи с удовольствием взяла расческу и причесала ею волосы, после чего Гэтсби сел, прикрыл глаза и начал смеяться.

– Это самое смешное, что может быть, старик, – сказал он весело. – Я не могу ничего почувствовать... я пытаюсь – и не могу!

Видно было, что он прошел через два состояния и теперь входил в третье. После смущения и безрассудной радости теперь его захлестывало удивление от ее присутствия. Он так долго жил этим замыслом, не прекращая мечтать о нем до самого конца, сцепив зубы, ожидал его исполнения, так сказать, на невообразимом пике напряжения. И вот теперь, в реакции на его исполнение, он начал быстро сжиматься, как перекрученная пружина часового механизма.

Взяв себя в руки через минуту, он раскрыл перед нами два огромных лакированных шкафа-«сундука» с огромным количеством костюмов, домашних халатов и галстуков, а также рубашек, сложенных аккуратно стопками, как кирпичи, по дюжине в стопке.

– У меня есть в Англии человек, который покупает мне одежду. В начале каждого сезона, весной и осенью, он присылает коллекцию вещей.

Он вынул стопку рубашек и начал бросать их по одной перед нами: рубашки из чистого льна, рубашки из толстого шелка и тонкой фланели, которые, падая, теряли свою сложенную форму и покрывали стол многоцветной кучей. Пока мы восхищались, он достал еще стопку, и мягкая разноцветная куча стала еще выше: рубашки с полосами, завитками и в клетку кораллового, зеленого, лавандового и светло-оранжевого цветов, с монограммами цвета индиго.

И вдруг, уткнувшись носом в рубашки, неестественным голосом Дэйзи начала безудержно рыдать.

– Какие же они красивые, эти рубашки! – сквозь рыдания причитала она приглушенным толстыми рубашками голосом. – Мне грустно оттого, что я никогда не видела таких... таких красивых рубашек у тебя раньше!

После дома нам предстояло осмотреть спортивные площадки и бассейн, а также гидроплан и летние цветы, но за окном дома Гэтсби снова начался дождь, поэтому мы стояли в ряд и созерцали покрытую рябью поверхность Пролива.

– Если бы не туман, мы могли бы увидеть твой дом через бухту, – сказал Гэтсби. – На конце твоего причала всегда целую ночь горит зеленый свет.

Дэйзи вдруг резко взяла его под руку, но он, похоже, был слишком погружен в мысли о том, что только что сказал, чтобы заметить это. Возможно, его посетила мысль о том, что то колоссальное значение, которое он всегда придавал этому свету, теперь исчезло навсегда. По сравнению с тем огромным расстоянием, которое отделяло его от Дэйзи, свет этот казался очень близко расположенным к ней сейчас, почти касающимся ее. Он казался таким же близким к ней, как звезда к луне. Вот, сейчас опять на причале светил зеленый огонек. Количество завораживающих его объектов уменьшилось на единицу.

Я начал ходить по комнате, рассматривая в полутьме различные объекты неопределенной формы. Мое внимание привлекла большая фотография престарелого мужчины в яхтенном костюме, висевшая на стене над его письменным столом.

– Кто это?

– Это? Это мистер Дэн Коди, старик.

Имя это показалось мне знакомым.

– Его уже нет в живых; когда-то, много лет назад, он был моим лучшим другом.

На бюро стояла маленькая фотография Гэтсби, тоже в яхтенном костюме, в вызывающей позе с запрокинутой назад головой; сделана она была, очевидно, когда ему было около восемнадцати лет.

– Я обожаю эту фотографию, – воскликнула Дэйзи. – Помпадур! Ты никогда не говорил мне, что носил прическу в стиле помпадур, и о яхте тоже ничего не рассказывал.

– А вот, взгляни на это, – быстро сказал Гэтсби. – Это все вырезки из газет, и все они о тебе.

Они стояли друг возле друга, рассматривая вырезки. Я хотел было попросить показать рубины, когда зазвонил телефон, и Гэтсби снял трубку.

– Да... Знаешь, я не могу сейчас говорить... я не могу сейчас говорить, старик... Я сказал – *маленький* город... Он должен знать, какой это маленький город... Ну, тогда он нам не подходит, если Детройт по его мнению – маленький город...

Он повесил трубку.

– Подойди сюда, *быстро!* – крикнула Дэйзи, стоя у окна.

Дождь все еще продолжал идти, но небо уже прояснилось на западе, где над морем высились золотисто-розовая масса пенистых облаков.

– Посмотри на этот вид, – прошептала она, и затем, через мгновение: – Я бы так хотела сейчас достать одну из этих розовых туч, посадить тебя на нее и покатать.

В тот момент я попытался было уйти, но они и слышать об этом не хотели; видимо, в моем присутствии они чувствовали себя более наедине, чем без него.

– Я знаю, что мы сделаем, – сказал Гэтсби. – Мы позовем Клипспрингера, чтобы он сыграл нам на фортепьяно.

С восклицанием «Эвинг!» он вышел из комнаты и вернулся через несколько минут в сопровождении смущенного, слегка усталого молодого человека в роговых очках и с редкими светлыми волосами. Теперь он уже был прилично одет в спортивную рубашку с расстегнутым воротником, кроссовки и брюки из парусины неопределенного цвета.

– Мы прервали ваши упражнения? – спросила вежливо Дэйзи.

– Я спал, – выпалил мистер Клипспрингер в сильном смущении. – То есть, я *сначала* спал, но потом проснулся...

– Клипспрингер играет на фортепьяно, – сказал Гэтсби, прервав его. – Не так ли, Эвинг, старик?

– Я играю плохо. Я не... я едва умею играть вообще. Я разучился иг...

– Пойдемте вниз, – прервал его Гэтсби. Он щелкнул выключателем. Серый свет из окон исчез, когда дом весь засиял светом изнутри.

В музыкальной комнате Гэтсби включил одинокую лампу возле пианино. Дрожащей рукой держа спичку, он зажег сигарету Дэйзи и сел с ней на диване в дальнем темном углу комнаты, где не было никакого света, кроме проникавшего в комнату сияния пола в холле.

Когда Клипспрингер окончил играть «Гнездо любви», он повернулся на стуле и стал растерянно во мраке искать глазами Гэтсби.

– Я разучился играть, как видите. Я говорил вам, что не умею играть. Я разучился иг...

– Не говори так много, старик, – скомандовал Гэтсби. – Играй!

*«Каждое утро,
Каждый вечер
Разве нам не весело?»*

За окнами шумел ветер, и вдоль Пролива вспыхивали тусклые проблески молнии. Все огни на Уэст-Эгге уже зажглись; электропоезда, везущие людей, пробирались сквозь дождь из Нью-Йорка, чтобы погрузить их в домашнюю атмосферу. Это был час глубокой перемены в ритме жизни людей, и в воздухе витало возбуждение

*«Одно мы знаем точно, нет ничего точнее:
Богатые богатеют, а бедные – беременеют.
А тем временем,*

Между делом...»

Когда я подошел к ним, чтобы попрощаться, я увидел, что растерянность вновь отразилась на лице Гэтсби, будто какое-то слабое сомнение закралось у него относительно истинности его нынешнего счастья. Ведь прошло уже почти пять лет! Наверняка были моменты даже в течение этого вечера, когда Дэйзи падала с пьедестала его мечты, и не по своей вине, а по причине колоссальной живучести его иллюзорной Дэйзи. Эта Дэйзи оторвалась от настоящей, оторвалась от всего на свете. Он предался созданию ее образа с какой-то творческой страстью, все время прибавляя к нему что-то, украшая его всяким ярким пером, какое приплывало к его берегу. Никакой огонь или свежесть чувств не может бросить вызов тому, что человек накапливает в своем полном призраков сердце.

Наблюдая за ним, я видел, что он немного отошел от своей растерянности, по крайней мере, внешне. Он взял ее руку в свою, и когда она сказала что-то тихим голосом ему на ухо, он повернулся к ней всем телом в порыве чувства. Я думаю, более всего завораживал его ее голос своим пульсирующим, лихорадочным жаром, так как голос этот – мечта, которой невозможно пресытиться, неумирающая, вечная песнь.

Они забыли обо мне; только Дэйзи подняла глаза на мгновение и вытянула руку; Гэтсби же теперь вообще не знал, кто я такой. Я взглянул на них еще раз, и они посмотрели в ответ на меня, отдаленно, находясь во власти напряженной жизни. Я вышел из комнаты и, спустясь по мраморной лестнице, вышел под дождь, оставив их там наедине.

ГЛАВА 6

Примерно в это же время один амбициозный молодой репортер из Нью-Йорка появился однажды утром у двери Гэтсби и спросил его, не хочет ли он что-нибудь сказать.

– Что-нибудь сказать – о чем? – поинтересовался вежливо Гэтсби.

– Ну... сделать какое-либо заявление для прессы.

Через пять минут сбивчивых объяснений прояснилось, что человек этот услышал упоминание имени Гэтсби где-то в своей конторе, но вот в связи с чем, он либо не хотел открыть, либо сам не до конца понимал. В тот день у него был выходной, и с достойной похвалы инициативой он поспешил на место, чтобы «увидеть все своими глазами».

То был выстрел наугад, и все же нюх репортера его не подвел. Молва о Гэтсби, распространяемая сотнями тех, которые воспользовались его гостеприимством и тем самым тотчас стали авторитетными «знатоками» его прошлого, возрастала все лето, пока не доросла до таких размеров, когда роль героя новостей ему уже была обеспечена. Современные легенды, такие, как «подземный трубопровод в Канаду», приписывали славу ему, а также упорно продолжал ходить слух о том, что он вообще живет не в доме, а в лодке, которая выглядит, как дом, и перемещается тайно вдоль берега Лонг-Айленда. Только вот почему эти досужие домыслы доставляли удовольствие Джеймсу Гэтцу из Северной Дакоты, трудно сказать.

Джеймс Гэтц – таково было его настоящее, или, по крайней мере, законное, имя. Он изменил его в семнадцатилетнем возрасте и в один очень своеобразный момент, ознаменовавший собой начало его карьеры, – когда он увидел, как яхта Дэна Коди бросает якорь на самой коварной отмели Верхнего озера. Джеймс Гэтц это увидел, прогуливаясь вдоль берега в тот вечер в драном зеленом свитере и в парусиновых шортах, но уже Джей Гэтсби нанял весельную лодку, доплыл на ней до яхты «Tuolomee» и сам сообщил Коди о том, что тот может поймать ветер и разбиться за полчаса.

Я думаю, что это имя он уже давно заготовил, причем даже уже тогда. Его родители были пассивными деревенскими жителями, работавшими на ферме и не имевшими понятия о жизненном успехе; в своем воображении он вообще не воспринимал их как своих родителей. Правда была в том, что Джей Гэтсби из Уэст Эгга, Лонг-Айленд, возник из его платонического представления о самом себе. Он был «сын Бога» – словосочетание, которое, если и значит что-либо, значит именно это, то есть, знание о существовании своего идеального «я», – и ему должно заниматься делом «Отца Своего» – своего идеального «Я», то есть служением громадной, вульгарной и показной красоте. Поэтому он придумал себе образ некоего Дджея Гэтсби, – образ, который вполне естественно мог придумать себе любой юноша в своинадцать лет, – и этому образу он был верен до конца.

Больше года он пробивал себе путь в жизни на южном берегу Верхнего озера, выкапывая моллюсков и ловя лосося, или проявляя себя в любом другом качестве, которое могло доставить ему еду и крышу над головой. Его загорелое, набравшее упругость тело жило естественной жизнью в эти бодрые дни его молодости, легко справляясь с иногда напряженной, иногда неспешной работой. Женщин он познал рано, и поскольку они испортили его, он стал их презирать: юных девственниц за их неискушенность, прочих – за их истеричное отношение к тому, что он в своей тотальной поглощенности самим собой считал обычными житейскими радостями.

Однако в сердце его кипел постоянный, неистовый бунт. Самые нелепые и фантастические мечты о себе преследовали его в постели по ночам. Целая вселенная неопишимого пирования разворачивалась пред его мысленным взором, пока тикали часы на умывальнике и луна напитывала своим мокрым светом его спутанную одежду, лежащую на полу. Каждую ночь он добавлял в эту вселенную новые ослепительные пиры до тех пор, пока сон не опускал свой

занавес на какой-нибудь яркой сцене, погружая его в забвение своими цепкими объятиями. Некоторое время эти мечтания давали выход его воображению; они служили удовлетворительным намеком на нереальность реальности, обещанием того, что твердыня мира прочно покоится на крыле феи.

Инстинктивное стремление к своей будущей славе привело его несколько месяцев назад в маленький лютеранский колледж святого Олафа на юге Миннесоты. Он пробыл там две недели, придя в ужас от его прямо-таки зверского равнодушия к колоколам его судьбы, к судьбе как таковой, и с презрением относясь к работе дворника, с помощью которой он должен был оплачивать свое пребывание там. Потом он переключился снова на озеро Верхнее и все еще находился в поисках какого-нибудь занятия в жизни в тот день, когда яхта Дэна Коди бросила свой якорь на прибрежной мели.

Коди тогда было пятьдесят лет, это был продукт серебряных копеей Невады, Юкона, всякой новой погони за металлом, начиная с семьдесят пятого года. К моменту, когда он начал совершать свои сделки с медью из медных копеей Монтаны, которые и сделали его мультимиллионером, он был еще физически крепким, но уже на грани мягкотелости и, подозревая это, бесконечная вереница женщин пыталась разлучить его с его деньгами. Те не слишком благовидные манипуляции, с помощью которых Элла Кэй, репортер газеты, сыграла на этой его слабости, как мадам де Мэнтон, отправив его в плавание на яхте, были общеизвестными для смакующей подробностями желтой прессы 1902 года. Пять лет он уже плыл на ней вдоль приветливых берегов в тот момент, когда стал судьбой Джеймса Гэтца в бухте «Little Girl».

В глазах юного Гэтца, который, опираясь на весла, взирал из своей лодки на огражденную палубу, эта яхта была воплощением всей красоты и блеска, какие только есть в мире. Я думаю, что он улыбался Коди в тот момент, так как уже тогда знал, что людям нравится его улыбка. Во всяком случае Коди задал ему несколько вопросов (в ответе на один из которых появилось на свет это совершенно новое имя) и увидел в его лице очень сообразительного и чрезвычайно амбициозного молодого человека. Спустя несколько дней он взял его с собой в Дулут и купил ему синий мундир, шесть белых парусиновых брюк и яхтенную фуражку. А когда «Tuolomee» отправилась к островам Вест-Индии и Варварскому Берегу, Гэтсби отправился на ней также.

На борту яхты он присутствовал трудно даже сказать, в каком качестве: постоянно находясь при Коди, он бывал поочередно стюардом, помощником капитана, капитаном, секретарем и даже тюремщиком, так как трезвый Дэн Коди знал, на какие подвиги расточительности Дэн Коди пьяный вскоре будет способен, и предотвращал такие непредвиденные расходы тем, что полагался все больше и больше на Гэтсби. Так продолжалось пять лет, за которые яхта три раза обогнула Европу. Это плавание могло бы продолжаться бесконечно, если бы одним вечером в Бостоне на яхте не появилась Элла Кэй, после чего через неделю Дэн Коди скоропостижно скончался.

Я помню его на портрете в спальне Гэтсби: напыщенный, седой человек с жестким лицом и пустым взглядом, – первый дебошир, который в определенный период американской истории вернул на Восточное побережье жуткое насилие западных борделей и салонов. Именно Коди косвенно поспособствовал тому, что Гэтсби пил так мало. Иногда во время разгульных вечеринок женщины даже втирали ему шампанское в волосы, так как сам он развил в себе привычку не прикасаться к алкоголю.

И также от Коди он унаследовал деньги – состояние в двадцать пять тысяч долларов. Но он их не получил. Он так и не понял ту юридическую уловку, которая была применена против него, но то, что осталось от этих миллионов, перешло нетронутым в руки Эллы Кэй. Он получил для себя исключительно уместный на данном этапе урок; туманный до того образ Джэя Гэтсби приобрел вещественность реального человека.

Он рассказал мне обо всем этом гораздо позже, но я привожу это здесь с прицелом на то, чтобы разнести в пух и прах те первоначальные дикие слухи о его предках, которые не имели с правдой вообще ничего общего. Более того, он рассказал мне это в момент душевного смятения, когда я уже готов был верить о нем всему и ничему одновременно. Поэтому я пользуюсь этой короткой паузой, пока Гэтсби, так сказать, переводил дыхание, чтобы распутать этот клубок недоразумений о нем.

Пауза наступила также и в моих занятиях его делами. Несколько недель я не видел его и не слышал его голоса по телефону: в основном я обретался в Нью-Йорке, гуляя по городу с Джордан и пытаясь понравиться ее престарелой тете, но, в конце концов, одним воскресным вечером я все-таки оказался у него дома. Не прошло и двух минут, как кто-то ввел в дом Тома Бьюкенена на глоток виски. Я, естественно, был поражен, но по-настоящему поразительным было то, что это не произошло раньше.

Их было трое верхом на лошадях: Том, какой-то мужчина по фамилии Слоун и мило-видная женщина в коричневой амазонке, которая уже бывала здесь раньше.

– Я так рад видеть вас, – сказал Гэтсби, стоя на крыльце своего дома. – Я очень рад, что вы заглянули ко мне.

Как будто им было не все равно, рад он или нет!

– Садитесь. Курите: вот сигареты или сигары. – Он быстро обошел комнату по кругу, звеня колокольчиком. – Подождите минутку: сейчас я распоряжусь, чтобы для вас принесли что-то выпить.

Он был глубоко взволнован фактом присутствия Тома в его доме. Однако он чувствовал, что оказался бы в неловком положении, если бы не дал им что-нибудь выпить, смутно догадываясь, что это было все, ради чего они пришли. Мистер Слоун ничего не хотел. Лимонад? Нет, спасибо. Немного шампанского? Ничего не нужно, спасибо... Извините...

– Вам понравилась прогулка?

– Очень хорошие здесь дороги.

– Я думаю, автомобили...

– О, да.

Не в силах больше сдерживаться, Гэтсби повернулся к Тому, который до этого отреагировал на представление Гэтсби как незнакомец.

– Мне кажется, мы с вами уже где-то раньше встречались, мистер Бьюкенен.

– О, да, – сказал Том с угрюмой вежливостью, но, очевидно, не помня о той встрече. – Да, встречались. Я помню очень хорошо.

– Около двух недель назад.

– О, да. Вы были здесь с Ником.

– А я знаю вашу жену, – продолжал Гэтсби почти с агрессией.

– Вот как?

Том повернулся ко мне:

– Ты живешь где-то здесь, Ник?

– В соседнем доме.

– Вот как?

Мистер Слоун в разговор не вступал; он сидел, откинувшись надменно на спинку стула; женщина, которая была с ними, тоже ничего не говорила – потом внезапно, после двух бокалов коктейля, разговорилась.

– Мы все придем на вашу следующую вечеринку, мистер Гэтсби, – предложила она. – Что вы на это скажете?

– Конечно, приходите; буду очень рад видеть вас.

– Было бы очень даже неплохо, – сказал мистер Слоун без благодарности в голосе. – А сейчас... я думаю, нам пора уже отправляться домой.

– Прошу вас, не спешите, – призвал их Гэтсби. Теперь он уже овладел собой и хотел получше узнать Тома. – А почему бы вам... почему бы вам не остаться на ужин? Я не удивлюсь, если кто-то еще из Нью-Йорка заглянет ко мне на ужин.

– А поехали на ужин ко мне, – сказала дама с энтузиазмом. – Вы оба.

Это относилось и ко мне. Мистер Слоун встал.

– Пошли! – сказал он, но только к ней.

– Я серьезно, – настаивала она. – Мне бы очень хотелось с вами поужинать. Места очень много.

Гэтсби посмотрел на меня вопросительно. Он хотел поехать, и не увидел, что мистер Слоун категорически против того, чтобы он ехал.

– Боюсь, что я не смогу, – сказал я.

– Ну, тогда вы, – скомандовала она, сосредоточившись на Гэтсби.

Мистер Слоун прошептал что-то ей на ухо.

– Если мы выедем сейчас, то поздно не будет, – настаивала она на своем, говоря вслух.

– У меня нет лошади, – сказал Гэтсби. – Когда-то в армии я скакал верхом, но потом я никогда лошадей не покупал. Я поеду за вами на автомобиле. Подождите минуточку.

Он ушел, а мы, оставшиеся, вышли на крыльцо, где Слоун, отведя эту даму в сторону, устроил ей очень бурный разговор.

– Бог мой, похоже, этот человек едет с нами! – воскликнул Том. – Он что, не знает, что он ей там не нужен?

– Она говорит, что нужен.

– У нее большой званный обед, и он там не знает никого. – Он нахмурился. – Интересно, где, черт возьми, он встретил Дэйзи. Клянусь богом, я, может быть, имею старомодные взгляды, но женщины сейчас слишком много ходят сами, и это мне не нравится. Заводят знакомства со всякими сумасшедшими.

Вдруг мистер Слоун с дамой спустились по ступенькам и сели на лошадей.

– Поехали, – сказал мистер Слоун Тому, – мы опаздываем. Нам пора ехать. И затем ко мне: – Скажите ему, что мы не можем ждать, хорошо?

Мы с Томом пожали друг другу руки, с остальными обменялись холодным кивком, и они рысью поскакали по аллее, исчезнув из виду под августовской листвой как раз в тот момент, когда Гэтсби, со шляпой и плащом в руке, появился в дверях.

Тома, очевидно, очень обеспокоило то, что Дэйзи ходит по вечеринкам одна, так как вечером в следующую субботу он пришел на вечеринку к Гэтсби вместе с ней. Скорее всего, именно его присутствие придало атмосфере того вечера какое-то гнетущее качество – тот вечер в моей памяти стоит особняком от всех прочих вечеринок у Гэтсби, на которых я бывал тем летом. На нем были те же люди, или, по крайней мере, люди того же пошиба, то же море шампанского, то же многоцветное, многоголосое движение, однако я чувствовал в воздухе какую-то невеселость, какую-то всепроникающую жесткость, чего раньше не было. Или, может быть, я просто привык уже к этому, привык воспринимать Уэст-Эгг как отдельный, самодостаточный мир со своими стандартами и своими великими людьми, мир, никогда не бывший вторым потому, что никогда не осознавал себя вторым, а теперь я посмотрел на него снова, уже глазами Дэйзи. Всегда печально смотреть новым взглядом на то, на поправку чего ты потратил столько собственных усилий.

Они прибыли уже в сумерках и, когда мы пробирались с ними между сверкающих сотен гостей, голос Дэйзи исполнял журчащее соло в ее горле.

– Я в таком восторге от всего этого, – прошептала она. – Если ты захочешь поцеловать меня в какой-то момент на этом вечере, Ник, просто дай мне знать, и я буду рада устроить это для тебя. Просто произнеси мое имя. Или передай зеленую карточку. Я выдаю зеленые...

– Посмотри вокруг, – предложил Гэтсби.

– Я смотрю. Здесь так чудесно...

– Ты здесь увидишь лица многих людей, о которых слышала.

Надменный взгляд Тома прошелся по толпе.

– Мы не очень часто ходим по вечеринкам, – сказал он. – Должен сказать, что здесь я не вижу ни одной знакомой души.

– Может, тебе знакома вон та леди, – Гэтсби указал на яркую прямо-таки орхидею, а не женщину, которая сидела в торжественной позе под белой сливой. Том с Дэйзи пристально посмотрели в ее сторону с тем ощущением чего-то нереального, которое сопровождает узнавание призрачной, виданной раньше только в кино, знаменитости.

– Она мила, – сказала Дэйзи.

– Тот, который склонился над ней, – ее продюсер.

Он с важным видом водил их от одной группы к другой.

– Миссис Бьюкенен... и мистер Бьюкенен... – и после небольшой паузы прибавлял: «игрок в поло».

– О, не-ет! – сразу возражал Том. – Только не я!

Но, очевидно, то, как это звучало, нравилось Гэтсби, так как Том оставался в его устах «игроком в поло» весь остаток вечера.

– Я никогда не видела еще столько знаменитостей! – воскликнула Дэйзи. – Мне понравился вон тот человек – как его зовут? – ну, тот, у которого нос синий.

Гэтсби узнал его и сказал, что это мелкий продюсер. – Да? Странно, а он мне почему-то понравился.

– Я бы предпочел все же не быть игроком в поло, – сказал Том весело. – Я предпочел бы наблюдать за всеми этими знаменитостями в... в безвестности.

Дэйзи и Гэтсби танцевали. Помню, я был удивлен его грациозным, консервативным фокс-тротом – до того я никогда еще не видел, как он танцует. Потом они медленно прогулялись до моего дома и просидели полчаса на крыльце, а я все это время по ее просьбе дежурил в саду. – А ты останься здесь... ну, там, на случай пожара или наводнения, – объяснила она, – или любого другого вмешательства Бога.

Том появился из своей безвестности, когда мы уже садились за стол ужинать вместе.

– Вы не возражаете, если я поужинаю с некоторыми вон там? – сказал он. – Там какой-то парень откалывает какие-то шутки.

– Конечно, иди, – ответила Дэйзи радостно. – И на случай, если нужно будет записать чьи-нибудь адреса, возьми вот этот мой золотой карандаш... Через какое-то мгновение она обернулась и сказала мне, что эта девушка «обычная, но хорошенькая», и я понял, что, за исключением того полчасика, когда она была с Гэтсби, вечер этот не доставлял ей удовольствия.

Мы сидели за столом вместе с особенно пьющей компанией. Это была моя вина: всего две недели назад, когда Гэтсби позвали к телефону, я сидел за одним столом с этими людьми, и мне понравилось тогда в их компании. Но то, что забавляло меня тогда, теперь оказалось какой-то помойкой.

– С вами все в порядке, мисс Бэдекер?

Девушка, которой был адресован вопрос, пыталась – безуспешно – повалиться на мое плечо. Услышав вопрос, она села прямо и открыла глаза.

– Ш-т-а-а?

Грузная и сонная женщина, которая звала Дэйзи пойти с ней завтра в местный клуб поиграть в гольф, вступилась за мисс Бэдекер:

– С ней уже все в порядке. После пяти или шести коктейлей она всегда начинает так орать. Я говорю ей, чтобы она оставила коктейли в покое.

– Я оставила их в покое, – подтвердила обвиняемая неискренне.

– Мы слышали, как вы кричали, поэтому я сказала доктору Сивету: «Кому-то нужна ваша помощь, доктор».

– Она очень признательна за помощь, я уверена, – сказала другая подруга без благодарности в голосе. – Но вы замочили все ее платье, когда окунали ее головой в бассейн.

– Больше всего я не люблю, когда меня окунают в бассейн головой, – пробормотала мисс Бэдекер. – В Нью-Джерси меня так чуть не утопили.

– Тогда вы должны оставить коктейли в покое, – возразил доктор Сивет.

– На себя посмотрите! – закричала мисс Бэдекер сердито. – У вас руки трясутся! Я бы ни за что не согласилась, чтобы вы меня оперировали!

Такой оказалась эта компания. Почти последнее, что я помню, было то, как мы стояли с Дэйзи и наблюдали за этим кинорежиссером и его Звездой. Они все еще сидели под белой сливой, а их лица почти касались друг друга, так что между ними проникал лишь тонкий, бледный луч лунного света. Мне показалось, что он очень медленно наклонялся в ее сторону

весь вечер именно для того, чтобы достичь этого близкого расстояния; и действительно, на моих глазах он сделал последний наклон и поцеловал ее в щеку.

– Мне она нравится, – сказала Дэйзи. – Я думаю, она мила.

Но остальное оскорбляло ее, и это бесспорно, поскольку там не было места манерам, – там было место чувству. Она была в ужасе от Уэст-Эгга, этого не имеющего аналогов «места», которое Бродвей устроил на месте рыбацкого поселка на Лонг-Айленде, в ужасе от его первозданной жизненной энергии, которая стонала под заезженными эвфемизмами, и от слишком бесцеремонной судьбы, которая гнала стадо его обитателей по прямой из грязи в грязь, но никак не в князи. Она видела нечто ужасное уже в самой этой их простоте, которую она не могла понять.

Я сидел на ступеньках крыльца с ними, пока они ожидали свой автомобиль. Здесь, перед домом, было темно; только льющийся из дверного проема яркий свет освещал десять квадратных футов темноты, растворяясь в мягкой черноте утра. Изредка чья-то подвижная тень появлялась на фоне опущенной шторы уборной на втором этаже и исчезала, уступая место другой тени, создавая таким образом бесконечную процессию из теней, которые нарумянивались и напудривались перед невидимым зеркалом.

– И все-таки, кто такой этот Гэтсби? – неожиданно спросил Том. – Наверно, какой-то большой бутлеггер?

– Кто тебе это сказал? – поинтересовался я.

– Никто мне не сказал. Это мое предположение. Очень многие из этих скоробогатых просто большие бутлеггеры, как ты знаешь.

– Только не Гэтсби! – отрубил я.

Он замолчал на мгновение. Щебень аллеи скрипел под его ногами.

– Ему, должно быть, пришлось изрядно попотеть, чтобы собрать вместе этот зверинец.

Легкий порыв ветра потрепал серую дымку шерсти на воротнике Дэйзи.

– По крайней мере, они более интересные люди, чем те, которых мы знаем, – сказала она, будто выдавливая из себя слова.

– Что-то я не видел у тебя особого интереса.

– О, нет, почему же?

Том рассмеялся и повернулся ко мне.

– Ты видел лицо Дэйзи, когда та девушка попросила ее окунуть ее под холодный душ?

Дэйзи начала петь, создавая музыку своим хриплым, ритмичным шепотом, открывая в каждом слове значение, которого оно никогда не имело до этого и никогда не будет иметь после. На высоких тонах мелодии ее голос приятно прерывался, продолжая выводить ее, как это бывает у контральто, и каждый такой переход передавал воздуху какую-то толику ее теплого душевного очарования.

– Очень много пришло таких, которые не были приглашены, – внезапно произнесла она. – Вот та девушка явно не была приглашена. Они просто внаглую пришли сами, а он слишком вежлив, чтобы возражать.

– Я все же хотел бы знать, кто он такой и чем занимается, – настаивал Том. – И, я думаю, я займусь этим и все выясню.

– Зачем? Я могу тебе сразу сказать, – ответила она. – У него было несколько аптек, много аптек. Он построил их сам.

Запоздалый лимузин уже подъезжал к ним по аллее.

– Спокойной ночи, Ник! – сказала Дэйзи.

Ее взгляд оставил меня и поскользился вверх, на освещенную площадку лестницы, из открытой двери которой лились звуки маленького, приятного и печального вальса «Три часа утра», популярного в тот год. В конце концов, в самой этой неофициальности вечеринки у Гэтсби скрывались романтические возможности, каких совершенно не было в ее мире. Что

было особенного в той песне, звучавшей со второго этажа, которая будто звала ее назад, в дом? Что теперь будет происходить там в эти покрытые туманом неясности неисчислимые часы? Может быть, к нему придет какая-то невероятная гостья, бесконечно необычная и изумительная, какая-нибудь ослепительная молодая девушка, которая одним своим свежим взглядом на Гэтсби в один момент чарующей встречи сотрет из его памяти эти пять лет его непоколебимой преданности.

Я задержался допоздна в тот вечер: Гэтсби попросил меня подождать, пока он освободится, и я бродил по саду, пока не подбежала с темного пляжа неизменная охлажденная и восторженная компания любителей ночного купания, пока не погасли огни в гостиных наверху. Когда он, наконец, спустился по лестнице, загорелая кожа была натянута необычайно туго на его лице, а глаза его были радостными и усталыми.

– Ей не понравился вечер, – выпалил он.

– Наоборот, понравился!

– Ей не понравился вечер, – настаивал он. – Она не получила удовольствие.

Он замолчал, и я понял, что он пребывал в невыразимой депрессии.

– Я чувствую себя очень далеко от нее, – сказал он. – Мне трудно дать ей понять, чего я хочу.

– Ты говоришь о танце?

– Танец? – Одним щелчком пальцев он сбросил со счетов все танцы, которые станцевал с ней. – Старик, танец не имеет никакого значения.

От Дэйзи он хотел ни больше, ни меньше, чем чтобы она подошла к Тому и сказала: «Я никогда тебя не любила». И после того, как она сотрет этой фразой-приговором четыре года жизни с Томом, они смогут перейти к обсуждению уже более конкретных шагов, какие нужно будет предпринять. Один из них заключался в том, что после того, как она станет свободной, они должны будут вернуться в Луисвилль и сыграть свадьбу в ее доме – точно так, как это было пять лет назад.

– А она этого не понимает, – сказал он. – Раньше она была понятливой. Мы, бывало, сидели вместе часами...

Он замолчал и стал ходить взад-вперед по пустынной дорожке, покрытой фруктовыми корками, выброшенными сувенирами и раздавленными цветами.

– Я бы не требовал от нее слишком многого, – рискнул я возразить. – Повторить прошлое невозможно.

– Повторить прошлое невозможно, говоришь?? – воскликнул он скептически. – Именно, что возможно!

Он оглянулся и обвел все вокруг диким взглядом, будто это прошлое притаилось здесь, в тени его дома, на расстоянии вытянутой руки.

– Я поправлю здесь все и воссоздам в точности ту обстановку, какая была у нас раньше, – сказал он, решительно кивая головой. – Она увидит.

Он говорил много о своем прошлом, и из этого я понял, что он хотел вернуть что-то, может быть, какое-то представление о себе, которое сгорело в топке любви к Дэйзи. Жизнь его была беспорядочной и лихорадочной с тех пор, но если бы он смог однажды вернуться к какой-то отправной точке и снова пройти весь путь, но уже размеренно, он смог бы вспомнить, в чем именно оно заключалось...

...Одним осенним вечером за пять лет до этого они шли по улице; вокруг падали листья; наконец, они подошли к такому месту, где деревьев не было, и тротуар был весь белый от лунного света. Они остановились на этом месте и повернулись друг к другу. Вечер уже перешел в холодную ночь, наполненную тем таинственным волнением, которое ощущается два раза в год при смене времен года. Спокойные огни в домах мурлыкали свою колыбельную во тьму, а среди звезд царили оживление и суета. Краем глаза Гэтсби видел, как кирпичи тротуаров

складываются в настоящую лестницу, которая ведет в некое сокровенное место над деревьями: он может взобраться по ней, если будет взбираться один, а, взобравшись, сможет втягивать в себя сок жизни, пить большими глотками ни с чем не сравнимое молоко удивления.

Сердце его билось чаще и чаще по мере того, как бледное лицо Дэйзи приближалось к его лицу. Он знал, что как только он поцелует эту девушку и тем самым навечно соединит свои невыразимые видения с ее бранным дыханием, его разум уже никогда не сыграет над реальностью весело и свободно, как разум Бога. Поэтому он медлил, прислушиваясь еще какое-то мгновение к тому камертону, которым судьба ударила по звезде. Потом поцеловал ее. От прикосновения его губ она расцвела для него, раскрывшись, как цветок, и его идеальное «Я» обрело полноту воплощения.

Во всем, что он говорил, даже в его ужасающей сентиментальности, было что-то мне уже знакомое, – какой-то неуловимый ритм, какой-то фрагмент забытых слов, которые я слышал уже где-то очень давно. В какой-то момент слова попытались сложиться в фразу на моих устах, и мои губы разомкнулись с большим трудом, как у него, будто им препятствовало нечто большее, чем колебание дрожащего воздуха. Однако они не издали никакого звука, и то, что я почти вспомнил, так и осталось навечно похороненным во мне.

ГЛАВА 7

Как раз в то время, когда любопытство в отношении Гэтсби было в высшей степени разогретым, одним субботним вечером огни в его доме погасли, не дотянув до глубокой ночи, и в такой же тьме, в какой началась его карьера Тримальхиона, она и закончилась. Лишь со временем я начал обращать внимание на то, что автомобили, подъезжавшие с надеждой к его дому, задерживались там не дольше минуты и затем мрачно уезжали восвояси. Решившись однажды проверить, не болен ли он, я подошел к его дому: незнакомый дворецкий с грубым выражением лица выглянул из двери, косо и подозрительно оценивая меня.

– Мистер Гэтсби болен?

– Нет... – и после паузы прибавил «сэр» медленно и неохотно.

– Я не вижу его уже довольно долго, и беспокоюсь, не случилось ли чего. Скажи ему, что пришел мистер Каррауэй.

– Кто? – спросил он грубо.

– Каррауэй.

– Каррауэй. Хорошо, я скажу ему.

И тут же захлопнул дверь.

Моя финка сообщила мне, что Гэтсби уволил всю службу в доме еще неделю назад и заменил ее полдюжиной других, которые теперь не ходят в Уэст-Эгг за покупками, где их могут подкупать торговцы, а делают скромные закупки, заказывая их по телефону. Мальчик-бакалейщик рассказывал, что кухня превратилась в свинарник, и вообще, по общему мнению в поселке, этот новый народ – вообще никакие не слуги.

На следующий день Гэтсби позвонил мне по телефону.

– Уезжаешь? – поинтересовался я.

– Нет, старик.

– Я слышал, что ты уволил всех своих слуг.

– Просто мне нужны были такие, которые не будут распускать слухи. Дэйзи навещает меня очень часто и по вечерам.

Таким образом, весь этот караван-сарай распался, как карточный домик, от одного ее неодобрительного взгляда.

– Это люди, для которых Вольфсхайм захотел что-то сделать. Они все братья и сестры. Когда-то они уже управляли маленькой гостиницей.

– Я вижу.

Он звонил по просьбе Дэйзи, чтобы узнать, приду ли я на обед к ней домой завтра. Там будет и мисс Бейкер. Через полчаса позвонила и сама Дэйзи и, как мне показалось, с большим облегчением восприняла мое согласие приехать. Они что-то затеяли. И все же я не мог поверить в то, что они используют этот случай, чтобы устроить сцену, особенно такую довольно-таки мучительную, какую Гэтсби обрисовал в общих чертах в саду.

Следующий день выдался знойным, почти последним и точно самым жарким днем лета. Когда мой поезд вырвался из тоннеля на солнечный свет, только горячие гудки Национальной кондитерской фабрики прорывали тишину полуденного зноя. Соломенные сиденья вагона готовы были уже загореться; женщина, сидящая напротив меня, некоторое время деликатно исходила потом под своей белой блузкой с длинными рукавами, затем, когда газета, которую она держала в руках, стала мокрой под ее пальцами, бросила это бесполезное занятие и в отчаянии погрузилась в глубокую жару с унылым воплем. Ее сумочка соскользнула на пол.

– О, Боже! – ахнула она.

Медленно нагнувшись, я поднял ее и протянул ей, держа за крайний кончик уголков, чтобы показать, что не имею никакого злого умысла, но все сидящие рядом, включая саму женщину, все равно посмотрели на меня подозрительно.

– Жара! – сказал кондуктор знакомым лицам. – Ну и погодка!..жарко!..жарко!..жарко!..вам разве не жарко? Не жарко? Не жарко?

Мой сезонный билет вернулся ко мне с темным следом от его руки. Будто кому-то здесь в этой жаре было интересно, чьи горячие губы он целовал, чья голова увлажняла пижамный карман в области его сердца!

... По холлу дома Бьюкененов гулял легкий ветерок, донося звук звонящего телефонного аппарата до нас с Гэтсби, пока мы стояли в ожидании у двери.

– Что? Вам нужно тело хозяина? – прорычал дворецкий в трубку. – Сожалею, мадам, но мы доставить его к аппарату не можем – сегодня слишком жарко, чтобы прикоснуться к нему!

На самом деле он сказал: «Да... Да... Понимаю».

Он положил трубку и подошел к нам, слегка поблескивая от пота, чтобы принять наши соломенные шляпы.

– Мадам ожидает вас в гостиной! – громко произнес он, зачем-то указав рукой направление. В этой жаре любое лишнее движение было злоупотреблением и без того скудным запасом жизненных сил.

В комнате, хорошо затененной навесами, было темно и прохладно. Дэйзи и Джордан возлежали на громадном диване, придавив, словно тяжелые серебряные идолы, свои белые платья, трепещущие в потоке обжигающего воздуха от вентиляторов.

– Мы не в состоянии двигаться, – произнесли они одновременно.

Пальцы Джордан, напудренные добела поверх бронзового загара, на мгновение задержались в моих.

– А где мистер Томас Бьюкенен, атлет? – поинтересовался я.

И тут я услышал его голос, грубый, приглушенный, хриплый, у телефонного аппарата из холла.

Гэтсби стоял посередине темно-красного ковра и пристально рассматривал все вокруг зачарованными глазами. Дэйзи наблюдала за ним и смеялась своим милым, заразительным смехом; маленькое облачко пудры поднялось в воздух над ее грудью.

– Если верить слухам, – прошептала Джордан, – то это звонит любовница Тома.

Мы молчали. Голос из холла стал громким и раздраженным: – Что ж, очень хорошо! Тогда я вообще не продам тебе машину... Я не обязан тебе ничего продавать... а то, что ты беспокоишь меня об этом в обеденное время, так это вообще недопустимо!

– Трубку повесил микрофоном вниз и разговаривает, – сказала Дэйзи цинично.

– Нет, это не так, – заверил я ее. – Это настоящая сделка. Я в курсе того, о чем он говорит.

Том резко распахнул дверь, заслонив ее проем на какое-то мгновение своим плотным телом, и быстро вошел в комнату.

– Мистер Гэтсби! – Он протянул свою широкую, плоскую руку с хорошо скрываемым неудовольствием. – Рад видеть вас, сэр... Ник...

– Сделай нам холодный напиток, – крикнула Дэйзи.

Когда он опять вышел из комнаты, она встала, подошла к Гэтсби и, пригнув его лицо к своему, поцеловала его в губы.

– Ты знаешь, что я люблю тебя, – прошептала она.

– Вы забываете, что здесь еще присутствует дама, – сказала Джордан.

Дэйзи оглянулась в нерешительности.

– Вы тоже поцелуйтесь с Ником.

– Что за низкая, вульгарная девушка!

– Мне все равно! – крикнула Дэйзи и начала танцевать на кирпичном камине. Потом она вспомнила о жаре и с виноватым видом села на диван как раз в тот момент, когда в комнату вошла няня в свежестырированной одежде, ведя за руку маленькую девочку.

– Мое сокро-о-вище! – тихим голосом пропела она, протягивая к ней руки. – Ну, иди, иди же скорей к твоей маме, которая любит тебя.

Дитя, отпущенное няней, устремилось через всю комнату к своей маме и робко устроилось у нее в платье.

– Сокро-о-вище! Есть ли у мамы пудра для прекрасного золота твоих волос? Встань же сейчас и скажи всем: З-д-р-а-в-с-т-в-у-й-т-е.

Мы с Гэтсби по очереди наклонились, чтобы взять маленькую неохотно подаваемую нам ручку. После этого он продолжал смотреть на дитя с удивлением. Я не думаю, что до этого он по-настоящему верил в ее существование.

– Меня одели перед обедом, – сказала дитя, с чувством повернувшись к Дэйзи.

– Это потому, что твоя мама захотела тебя показать гостям. – Улыбка превратила ее лицо в одну сплошную морщину, подобную той, что на ее маленькой белой шее. – Да ты просто мечта! Прекраснейшая маленькая мечта!

– Да, – спокойно признало дитя. – У тети Джордан тоже белое платье.

– Как тебе друзья твоей мамы? – Дэйзи повернула ее лицом к Гэтсби. – Тебе не кажется, что они прелестны?

– Где папа?

– Она не похожа на своего отца, – объяснила Дэйзи. – Она похожа на меня. У нее мои волосы и моя форма лица.

Дэйзи откинулась на спинку дивана. Няня сделала шаг вперед и протянула руку.

– Пойдем, Пэмми.

– До свидания, милая!

Выражая постоянно обращенным назад взглядом свое нежелание уходить, вымуштрованное дитя взяло за руку свою няню, которая вытащила ее за дверь, и в этот момент вернулся Том, неся перед собой четыре бокала джиновых рики, полных позванивающих кубиков льда.

Гэтсби взял с подноса свой бокал.

– Они и в самом деле выглядят холодными, – сказал он с явным напряжением в голосе.

Мы опустошили их большими жадными глотками.

– Я где-то читал, что солнце с каждым годом становится все горячее и горячее, – сказал Том добродушно. – Похоже, что очень скоро земля упадет на солнце... или нет, – подождите, – скорее, совсем наоборот: солнце остывает с каждым годом.

– Выйдем на воздух, – предложил он Гэтсби. – Я хочу, чтобы вы взглянули на само это место.

Я вышел вместе с ними на веранду. По зеленой глади Пролива, застоявшейся от жары, медленно полз один парусник в сторону более прохладного моря. Глаза Гэтсби мгновенно zaseкли его; он поднял руку и указал на противоположную сторону бухты.

– Я живу прямо напротив вас.

– Неужели?

Наши глаза устремились вдаль, оторвавшись от клумб с розами, плавящегося от жары газона и пожухлой от тягостно-жарких дней травы вдоль берега. Белые крылья парусника медленно плыли на фоне голубой, прохладной дали неба. В этой дали лежал океан, украшенный, будто фестонами, выступами суши, и изобилующий благословенными островами.

– Вот вам настоящий спорт, – сказал Том, кивая головой. – Я бы хотел сейчас побыть там, на том паруснике вместе с ним, хотя бы с полчаса.

Обедали мы в столовой, также затемненной от жары, и запивали нервную веселость холодным элем.

– Чем же мы будем занимать себя сегодня вечером? – воскликнула Дэйзи. – И завтра, и в последующие тридцать лет?

– Не все так мрачно, – сказала Джордан. – Жизнь начинается заново, когда освежается осень.

– Но сейчас-то так жарко, – настаивала Дэйзи, готовая расплакаться, – и все так неясно и запутанно... Давайте все поедем в город!

Ее голос боролся с жарой, пробивался сквозь нее, бил ее, вылепливая формы из ее бесчувственности.

– Я слышал, что сейчас все делают гаражи из конюшен, – говорил Том Гэтсби. – Но я первый, кто сделал конюшню из гаража.

– Так кто хочет поехать в город? – настойчиво спросила Дэйзи. Взгляд Гэтсби медленно поплыл в ее сторону. – Ах, – воскликнула она, – как же элегантно ты выглядишь!

Их взгляды встретились, поглощая друг друга неотрывно, будто они были одни в пространстве. Сделав над собой усилие, она опустила взгляд на стол.

– Ты всегда выглядишь так элегантно! – повторила она.

Она сказала ему, что любит его, и это видел Том Бьюкенен. Он был поражен. У него даже рот открылся, и он посмотрел сперва на Гэтсби, потом снова на Дэйзи так, будто только что узнал в ней ту, которую знал много лет назад.

– Ты похож на того мужчину с рекламного щита, – продолжала она невинным голосом. – Ну, ты знаешь того мужчину, который рекламирует...

– Так, хорошо, – прервал ее поспешно Том. – Я полностью за то, чтобы ехать в город. Собирайтесь: мы все едем в город.

Он встал, но продолжал бросать взгляды то на Гэтсби, то на свою жену. Никто не шевельнулся.

– Пойдемте же! – Его самообладание дало небольшую трещину. – В чем дело, в конце концов? Если мы едем в город, то давайте, поехали.

Его рука, дрожа от усилия, с которым ему все еще удавалось сдерживать себя, поднесла к его губам стакан с последним глотком эля. Голос Дэйзи поднял нас всех на ноги и вывел на раскаленный гравий подъездной аллеи.

– Мы что, просто вот так сорвемся и поедим? – возражала она. – Прямо уже сейчас? И что, даже не дадим никому выкурить ни одной сигареты сперва?

– Все курили сигареты на протяжении всего обеда.

– О, ну, тогда давай займемся чем-то интересным, – просила она его. – Сейчас очень жарко, чтобы суетиться.

Он ничего не ответил.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – сказала она. – Пошли, Джордан.

Они поднялись наверх, чтобы переодеться, тогда как мы, трое мужчин, стояли во дворе, вороша ногами горячий гравий. Серебряная дуга луны уже забрезжила на западном небосклоне. Гэтсби начал что-то мне говорить, потом передумал, но не раньше, чем Том подкатил и стал смотреть на него выжидательно.

– У тебя конюшни здесь? – выдавил из себя вопрос Гэтсби.

– За четверть мили отсюда по прямой дороге.

– А-а-а!

Пауза.

– Я не вижу никакого смысла ехать в город, – вдруг раздраженно выпалил Том. – Эти женщины вбили себе в голову, что в городе лучше...

– Мы возьмем с собой что-то пить? – раздался голос Дэйзи из верхнего окна.

– Я возьму виски, – ответил Том и пошел в дом.

Гэтсби резко повернулся ко мне:

– Я не могу ничего выдавить из себя в его доме, старик.

– Голос у нее какой-то нескромный, – заметил я. – Будто это не ее голос, а... – я замаялся.

– Это голос больших денег, – неожиданно сказал он.

И это было так. Я никогда не понимал этого раньше. Это был голос больших денег: именно они были тем неистощимым очарованием, которое то нарастало, то ослабевало в нем; его металлическим звоном, его цимбалами, под которые он выводит свою песнь: «...В высоком белом замке дочь царя, золотая девушка...».

Том вышел из дома с литровой бутылкой, завернутой в полотенце; за ним вышли Дэйзи и Джордан в маленьких тугих шляпах из проволочной ткани с легкими накидками через плечо.

– Поехали все в моей машине, – предложил Гэтсби. Он пощупал рукой горячую зеленую кожу своего сиденья. – Мне нужно было поставить ее в тень.

– Переключение передач у нее обычное? – спросил Том.

– Да.

– Тогда ты садись в мой купе-кабриолет, а я сяду за руль твоей машины, и поедem в город. Это предложение не понравилось Гэтсби.

– В ней вряд ли хватит бензина, – возразил он.

– Бензина в ней полно, – громко сказал Том. Он посмотрел на стрелку прибора. – А если он кончится, я могу заправиться в любом аптекарском магазине. Сейчас в аптекарском магазине можно купить что угодно.

Пауза последовала за этой на первый взгляд бессмысленной репликой. Дэйзи бросила хмурый взгляд на Тома, и какое-то неподдающееся определению выражение, совершенно незнакомое мне и при этом смутно узнаваемое, будто я только слышал о нем с чьих-то слов, отразилось на мгновение на лице Гэтсби.

– Садись же, Дэйзи, – сказал Том, подталкивая ее рукой к машине Гэтсби. – Я повезу тебя в этой цирковой повозке.

Он открыл дверь, но она вывернулась из его руки.

– Ты повезешь Ника и Джордан. А мы поедem за вами в купе.

Она прошла очень близко к Гэтсби, задев его плащ своей рукой. Мы с Джордан и Томом сели на переднее сиденье машины Гэтсби, Том неуверенно нажал на незнакомые ему рычаги управления, и мы рванули в раскаленную завесу гнетущей жары, оставив их далеко позади.

– Ты видел это? – спросил Том.

– Что именно?

Он бросил на меня пронизательный взгляд и понял, что мы с Джордан обо всем знали с самого начала.

– Вы, наверно, думаете, что я дурак? – предположил он. – Может, я и дурак, но у меня пробуждается иногда... можно сказать, ясновидение, которое подсказывает мне, что делать. Может, вы и не верите в это, но наука...

Он сделал паузу. Острое ощущение непосредственной реальности овладело им, оттащив от края пропасти теоретизирования.

– Я провел небольшое исследование этого субъекта, – продолжил он. – Я копнул бы глубже, если бы только знал...

– Ты хочешь сказать, что был у медиума? – спросила в шутку Джордан.

– Что? – Он смотрел на нас в недоумении, пока мы смеялись. – У медиума?

– Ну да, по поводу Гэтсби.

– По поводу Гэтсби! Нет, не был. Я имел в виду, что провел небольшое исследование его прошлого.

– И обнаружил, что он окончил Оксфорд, – подсказала Джордан.

– Да, конечно, Оксфорд! – с недоверием в голосе сказал он. – Какой может быть Оксфорд, когда он ходит в розовом костюме?

– И, тем не менее, он выпускник Оксфорда.

– Разве что Оксфорда в Нью-Мексико, – пренебрежительно фыркнул Том, – или чего-то в этом духе.

– Послушай, Том, если ты такой сноб, зачем ты тогда пригласил его на обед? – раздраженно спросила Джордан.

– Дэйзи пригласила его; она знала его еще до того, как мы с ней поженились, и один бог знает, где они познакомились!

Мы все сейчас были склонны к раздражительности на фоне тающего эля, и, помня об этом, ехали какое-то время в тишине. Потом, когда выцветшие глаза Доктора Т. Экльберга появились на горизонте, я вспомнил предостережение Гэтсби о бензине.

– У нас его достаточно, чтобы доехать до города, – сказал Том.

– Но вот здесь гараж, прямо рядом, – возразила Джордан. – Я не хочу, чтобы мы застряли где-нибудь на этой палящей жаре.

Том резко нажал на оба тормоза, и мы, проехав тормозной путь, резко остановились в пыли под вывеской Уилсона. Через мгновение из своего укрытия показался хозяин заведения и уставился пустым взглядом в автомобиль.

– Заправить бы не мешало! – крикнул Том грубо. – Для чего еще, как ты думаешь, мы бы здесь остановились, – полюбоваться видами?

– Я болен, – сказал Уилсон, продолжая стоять на месте. – Целый день болею.

– Что случилось?

– Совсем нет сил.

– Может, я сам тогда залью? – спросил Том. – В телефоне твой голос звучал довольно бодро.

Сделав над собой усилие, Уилсон вышел из-под навеса и, тяжело дыша, открутил колпачок бака. На солнце его лицо выглядело зеленым.

– Я не хотел прерывать ваш обед, – сказал он. – Но мне очень нужны сейчас деньги, и поэтому я хотел узнать, что вы собираетесь делать с вашей старой машиной.

– Как тебе нравится эта? – спросил Том. – Я купил ее на прошлой неделе.

– Красивый желтый цвет, – сказал Уилсон, сжимая рычаг заправочного пистолета.

– Хочешь купить ее?

– Это большой риск для меня, – слегка улыбнулся Уилсон. – Но я мог бы заработать немного денег на той, другой.

– Слушай, а зачем тебе вдруг понадобились деньги?

– Я засиделся здесь. Хочу уехать отсюда. Мы с женой хотим уехать на Запад.

– Твоя жена хочет уехать?! – воскликнул Том испуганно.

– Она торочит мне об этом уже десять лет. – Он оперся на мгновение о помпу, прикрыв рукой глаза от солнца. – А теперь она уезжает в любом случае, хочет она того или не хочет. Я собираюсь увезти ее отсюда.

Мимо нас промчался двухместный кабриолет с облаком пыли и машущей рукой.

– Сколько с меня? – резко спросил Том.

– Просто в последние два дня у меня возникли кое-какие подозрения, – объяснил Уилсон. – Именно поэтому я и хочу уехать. Именно поэтому я беспокоил вас так насчет машины.

– Сколько с меня?

– Доллар двадцать.

От неослабевающей удушливой жары я стал плохо соображать и не сразу понял, что пока еще его подозрения на Тома не упали. Ему стало известно, что Миртл ведет какую-то свою жизнь отдельно от него в другом мире, и от шока этого открытия он буквально физически заболел. Я пристально посмотрел на него, потом на Тома, который сделал аналогичное открытие менее чем за час до этого, и подумал о том, что ничто: ни ум, ни расовая принадлежность, – не отличает так мужчин друг от друга, как спокойное и болезненное восприятие действительности. Уилсон воспринял это настолько болезненно, что выглядел виновато, непростительно виновато, будто только что узнал, что она какая-то нищенка с ребенком.

– Я отдам тебе эту машину, – сказал Том. – Завтра вечером я пригоню ее тебе.

Местность эта всегда вызывала во мне какую-то неясную внутреннюю тревогу, и даже сейчас, в полном разгаре дня, я вдруг обернулся, будто кто-то предупредил меня о какой-то опасности сзади. Над кучами угольной золы гигантские глаза Доктора Т. Экльберга продолжали нести свою вахту, но через мгновение я заметил, что на нас смотрели еще одни глаза футок в двадцати от нас.

В одном из окон над гаражом шторы были немного раздвинуты, и из этой щели пристально всматривалась в машину Миртл Уилсон. Настолько поглощена она была представив-

шимся видом, что даже не подумала о том, что ее могут увидеть; эмоции одна за другой медленно проявлялись на ее лице подобно объектам на медленно проявляющейся фотопленке. Выражение ее лица было мне на удивление знакомым: это было выражение, которое я часто видел на лицах у женщин, но на лице у Миртл Уилсон оно казалось бессмысленным и необъяснимым до тех пор, пока я не понял, что ее глаза, широко раскрытые от ужаса и ревности, были прикованы не к Тому, а к Джордан Бейкер, которую она приняла за его жену.

Нет растерянности большей, чем растерянность простодушного, и когда мы отъехали от того места, Том начал ощущать на себе горячие удары бича под названием «паника». Его жена и его любовница, еще за час до того казавшиеся верными и никем не тронутыми, стали быстро ускользать из его рук. Инстинкт заставил его нажать на газ с двойной целью: перегнать Дэйзи и оставить Уилсон позади, и мы помчали по шоссе в сторону Астории на скорости пятьдесят миль в час, пока под паутиной из балок надземки мы не увидели медленно тянувшийся по дороге голубой кабриолет.

– Эти большие кинотеатры на углу Пятидесятой улицы такие прохладные, – намекнула Джордан. – Я люблю Нью-Йорк в разгар летнего дня, когда на улицах безлюдно. В это время в нем ощущается что-то очень чувственное, какая-то переполненность спелостью, будто самые разные чудо-плоды вот-вот упадут в твои руки.

Слово «чувственное» усилило внутреннюю тревогу Тома, но прежде, чем он смог придумать протест, кабриолет остановился, и Дэйзи посигналила нам, чтобы мы поравнялись с ними.

– Так куда мы направимся? – крикнула она.

– Как насчет кино?

– Там так жарко! – посетовала она. – Знаете, что: вы идите в кино, а мы покатаемся по городу и встретим вас после сеанса. – Хоть и с трудом, но ее остроумие слегка шевельнулось. – Мы будем ждать вас на углу каких-то улиц. И таким образом я оседлаю сразу двух лошадей.

– Мы не можем спорить об этом здесь, – сказал Том с нетерпением, когда какой-то грузовик за нами издал длинный гудок, приправленный руганью. – Езжайте следом за мной на южную сторону Центрального Парка, к Плазе.

Несколько раз он поворачивал голову назад, ища глазами их машину, и когда другой транспорт замедлял их движение, он ехал медленно до тех пор, пока они снова не появлялись сзади. Я думаю, он боялся, что они могут резко свернуть в какой-то переулок и исчезнуть из его жизни навсегда.

Но они не исчезли. Зато мы все вместе предприняли гораздо менее объяснимый шаг, сняв гостиную одного люкса в отеле «Плаза».

Суть тех долгих и бурных пререканий, в результате которых мы оказались все вместе в той комнате, я сейчас припомнить не могу, хотя до сих пор отчетливо помню то физическое ощущение, когда мои подштанники постоянно ползли вверх, обвив влажной змеей мои ноги, а по спине стекали струйками капли холодного пота. Сама эта идея возникла из предложения Дэйзи снять пять ванных комнат и принять холодную ванну, которое потом приняло более осязаемую форму «места, где можно выпить мятный джулеп». Каждый из нас повторял снова и снова, что это «безумная идея» – мы все вместе наперебой повторяли ее недоумевающему клерку и думали, или хотели думать, что это очень смешно...

Комната была большая и душная, несмотря на то, что уже было четыре часа пополудни; открыв окна, мы впустили лишь поток горячего воздуха из раскаленных кустов Парка. Дэйзи подошла к зеркалу и, стоя спиной к нам, поправляла свою прическу.

– Шикарный люкс, – прошептала Джордан уважительным тоном, что вызвало у всех лишь усмешку.

– Откройте еще одно окно, – скомандовала Дэйзи, не оборачиваясь.

– Окон больше нет.

– Думаю, нам лучше позвонить и заказать топор...

– Что нам нужно сделать, так это забыть о жаре, – сказал Том с нетерпением. – Вы только делаете ее в десять раз хуже, постоянно жалуясь на нее.

Он развернул полотенце, достал из него бутылку виски и поставил на стол.

– Почему бы тебе не оставить ее в покое, старик? – заметил Гэтсби. – Это ведь ты захотел поехать в город.

Наступило минутное молчание. Телефонная книга соскользнула с гвоздя и упала на пол страницами вниз, после чего Джордан прошептала: «Извините», но на этот раз никто не засмеялся.

– Я подниму ее, – предложил я.

– Я уже поднял ее. – Гэтсби изучил оторвавшийся шнурок, промычал заинтересованно «Хмм!» и швырнул книгу на стул.

– Эту твою присказку ты считаешь очень остроумной, не так ли? – сказал резко Том.

– Какую?

– Это постоянное повторение слова «старик». Откуда ты его взял?

– А теперь послушай, Том, – сказала Дэйзи, повернувшись от зеркала. – Если ты будешь переходить на личности, я не задержусь здесь больше ни минуты. Позвони и закажи лед для мятного джулепа.

Когда Том взял трубку, накопившаяся в комнате жара взорвалась и превратилась в звук, и мы оказались в атмосфере торжественных аккордов вальса Мендельсона, доносившихся из танцевального зала внизу.

– А представьте, что кто-то еще выходит замуж в такую жару! – воскликнула Джордан безрадостно.

– И, тем не менее, я выходила замуж в середине июня, – вспомнила Дэйзи. – В Луисвилле в июне! Тогда кто-то упал в обморок. Кто упал в обморок, Том?

– Билокси, – кратко ответил он.

– Мужчина по фамилии Билокси. «Блокс» Билокси, он еще изготавливал коробки (и это факт), и был родом из Билокси, штат Миссисипи.

– Они еще занесли его в мой дом, – прибавила Джордан, – потому что мы жили через два дома от церкви. И он жил в моем доме три недели, пока папа не сказал ему убираться вон. Через день после того, как он ушел, папа умер. – После некоторой паузы она прибавила, будто подумав, что сказала что-то непочтительное: «Но одно с другим никак не связано».

– Я знал одного Билла Билокси из Мемфиса, – заметил я.

– Это его двоюродный брат. Я узнала всю историю его семьи, пока он жил у нас. Он подарил мне алюминиевую клюшку, которой я до сих пор пользуюсь.

Музыка внизу стихла: началась церемония, и теперь в комнату из окна доплывал звук длинного заздравного тоста, то и дело прерываемого одобрительными возгласами «Ура-а-а!», после которого ударил джаз, и начались танцы.

– А мы все-таки стареем, – сказала Дэйзи. – Если бы мы были молодыми, мы бы сейчас все подскочили и начали танцевать.

– Вспомни Билокси, – предупредила ее Джордан. – Где ты с ним познакомился, Том?

– С кем? С Билокси? – Он начал усиленно напрягать память. – Я его не знаю. Это был какой-то друг Дэйзи.

– Никакой он мне не друг, – ответила она. – Я никогда его раньше не видела. Он приехал к нам на частном автомобиле.

– Но ведь он говорил, что знает тебя. Говорил, что рос в Луисвилле. Эйса Бэрд привел его в последнюю минуту и спросил, не найдется ли у нас места для него.

Джордан улыбнулась. – Скорее всего, это был просто бродяга, живущий за чужой счет и ищущий, кто его бы приютил. Он сказал мне, что он был руководителем вашего потока в Йеле.

Мы с Томом удивленно переглянулись.

– Билокси??

Во-первых, у нас не было никакого руководителя...

Нога Гэтсби отбила короткий, нервный такт, и Том вдруг глянул на него.

– Кстати, мистер Гэтсби, как я понимаю, вы – выпускник Оксфорда.

– Не совсем.

– О, да, я понимаю: вы ходили в Оксфорд на лекции.

– Да, я ходил на лекции.

Пауза. Потом голосом, полным оскорбительного недоверия, Том произнес:

– Значит, вы должны были ходить туда примерно в то время, когда Билокси уехал в Нью-Хэйвен.

Еще одна пауза. В дверь постучал и тотчас вошел официант с покрошенной мятой и льдом, но тишина не прервалась ни после его «благодарствуйте», ни после того, как он тихо закрыл за собой дверь. Эту невероятной важности деталь нужно было, наконец, прояснить.

– Я уже сказал вам, что я ходил туда на лекции, – сказал Гэтсби.

– Я это услышал, но мне хотелось бы знать, когда.

– В тысяча девятьсот девятнадцатом году. Я пробыл там всего пять месяцев. Именно поэтому я не могу назвать себя выпускником Оксфорда.

Том оглянулся вокруг, чтобы увидеть, отражается ли на наших лицах его недоверие. Но глаза всех нас были устремлены на Гэтсби.

– Такая возможность была предоставлена некоторым офицерам после Перемирия, – продолжал он. – Мы могли ходить на лекции в любой университет Англии или Франции.

Мне захотелось встать и похлопать его по плечу. Это был еще один случай воскрешения моей полной веры в него, какие у меня неоднократно были раньше.

Дэйзи встала и, слегка улыбаясь, подошла к столу.

– Открой виски, Том, – приказала она, – и я сделаю тебе мятный джулеп. Тогда ты не будешь казаться самому себе таким глупым... Смотри на мяту!

– Нет, минуточку! – рявкнул Том. – Я хочу задать мистеру Гэтсби еще один вопрос.

– Задавайте, – сказал вежливо Гэтсби.

– Что за скандал вы постоянно пытаетесь устроить в моем доме?

Наконец, они могли играть в открытую, и Гэтсби был доволен.

– Он не устраивает никакого скандала, – сказал Дэйзи, в отчаянии глядя то на одного, то на другого. – Скандал устраиваешь ты. Пожалуйста, держи себя хоть немножечко в руках.

– Держать себя в руках! – повторил Том скептически. – Может быть, самая последняя из новомодных манер предписывает сидеть смиренно и наблюдать, как Мистер Никто из Ниоткуда ударяет за твоей женой. Но если ты хочешь, чтобы это делал я, тогда уволь... В нынешние времена все начинается с насмешек над семейной жизнью и институтом семьи, а заканчивается отбрасыванием всех условностей и смешанными браками между черными и белыми.

Возбужденный от своей страстной, но бессвязной речи, он мнил себя стоящим в одиночестве на последнем рубеже цивилизации.

– Мы все здесь белые, – тихо произнесла Джордан.

– Я знаю: я не очень популярен. – Я не устраиваю *больших* вечеринок. В современном мире, как я понимаю, нужно превратить свой дом в свинарник, чтобы занять хоть каких-то друзей.

Несмотря на то, что он злил меня, как и всех нас, своими речами, я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, каждый раз, когда он открывал рот, – настолько полным было превращение распутника в чопорного моралиста.

– Я должен кое-что сообщить тебе, старик, – начал Гэтсби. Но Дэйзи догадалась о его намерении.

– Прошу тебя, не надо! – прервала она беспомощно. – Давайте все поедem домой! Почему бы нам всем вместе не поехать домой?

– Хорошая мысль! – я встал. – Пошли, Том. Пить уже никто не хочет.

– Я хочу узнать, что мистер Гэтсби должен мне сообщить.

– Твоя жена не любит тебя, – сказал Гэтсби. Она никогда тебя не любила. Она любит меня.

– Да ты, с ума сошел! – воскликнул Том машинально.

Гэтсби вскочил, весь дрожа от возбуждения.

– Она никогда не любила тебя, ты слышишь? – Она вышла замуж за тебя только потому, что я был беден и она устала ждать меня. Эта была страшная ошибка, но в своем сердце она никогда не любила никого, кроме меня!

На этих словах мы с Джордан попытались уйти, но Том с Гэтсби настаивали на том, чтобы мы остались, соревнуясь друг с другом в своей настойчивости так, будто ни тому, ни другому нечего скрывать, и они дарят нам привилегию разделить с ними их эмоции.

– Дэйзи, присядь, – голос Тома безуспешно пытался нащупать отеческую тональность. – Что происходит? Я хочу узнать все об этом.

– Я уже сказал тебе, что происходит, – сказал Гэтсби. И происходит это уже пять лет, а ты и не знал.

Том резко повернулся к Дэйзи.

– Ты что, видишься с этим типом уже пять лет?

– Мы как раз не виделись пять лет, – сказал Гэтсби. – Не имели возможности встречаться. Но оба любили друг друга все это время, старик, а ты и не знал.

– И что, это все?? – Том постучал своими толстыми пальцами друг о друга, как духовник, и откинулся на своем стуле.

– Нет, ты точно сумасшедший! – он разразился смехом. – Я не могу говорить о том, что было пять лет назад, потому что я еще не знал Дэйзи тогда, но я решительно не могу себе представить, как ты мог подойти хотя бы за милую к ней, если только не приносил продукты через вход для прислуги. Но все остальное – мерзкая ложь. Дэйзи любила меня, когда выходила за меня замуж, и сейчас она любит меня.

– Нет, не любит, – сказал Гэтсби, качая головой.

– Правда, любит! Просто иногда ей в голову приходят глупые мысли и тогда она не знает, что делает. Он кивнул головой понимающе. – А кроме того, я тоже люблю Дэйзи. Время от времени бывает так, что я загуляю, как дурак, но я всегда возвращаюсь, и в сердце моем я люблю ее постоянно.

– Ты мне отвратителен, – сказала Дэйзи. Она повернулась ко мне, и голос ее, понизившись на октаву, заполнил комнату леденящим презрением: – А знаешь, почему мы уехали из Чикаго? Удивительно, как они тебя еще не посвятили в историю с этим маленьким загулом.

Гэтсби подошел к ней и стал рядом.

– Дэйзи, это уже все в прошлом, – сказал он серьезным тоном. – Теперь это уже не имеет никакого значения. Просто скажи ему правду – что ты его никогда не любила, и все это будет стерто из памяти навсегда.

Она посмотрела на него невидящим взглядом. – Как? Как я могла вообще полюбить его?

– Ты никогда не любила его.

Нерешительность овладела ею. Она посмотрела на нас с Джордан; в ее взгляде была какая-то мольба, будто она поняла, наконец, что делает, чем создала у нас впечатление, будто она никогда и не думала что-либо делать вообще. Но теперь этот шаг был сделан. Отступить назад было уже слишком поздно.

– Я никогда не любила его, – сказала она с ощутимой неохотой в голосе.

– Что, даже в Капиолани? – вдруг спросил Том.

– Даже там.

Из танцевального зала внизу на волнах горячего воздуха доплывали к нам приглушенные и удушающие аккорды музыки.

– И даже в тот день, когда я нес тебя на руках из ресторана «Панч-Баул», чтобы ты не намочила твои туфли? Какая-то хриплая нежность звучала в его голосе... – Дэйзи?

– Прошу тебя, не надо! – Голос ее звучал холодно, но озлобленности в нем уже не было. Она посмотрела на Гэтсби. – Слушай, Джей – сказала она, но ее рука дрожала, когда она пыталась зажечь сигарету. Вдруг она бросила сигарету вместе с горящей спичкой на ковер.

– Знаешь, ты слишком многого хочешь! – воскликнула она, обращаясь к Гэтсби. – Я люблю тебя сейчас: разве этого не достаточно? Стереть прошлое я не могу.

Она начала рыдать беспомощно:

– Да, я любила его когда-то, но я любила и тебя тоже.

Глаза Гэтсби открывались и закрывались попеременно.

– Ты любила *и меня тоже*? – повторил он.

– И даже это ложь, – сказал Том беспощадным тоном. – Она не знала, что ты жив. К тому же, есть вещи, которые происходили только между Дэйзи и мной, о которых ты никогда не узнаешь, те моменты, которые ни один из нас двоих никогда не сможет забыть.

Эти слова, казалось, вгрызались в Гэтсби физически.

– Я хочу поговорить с Дэйзи наедине, – потребовал он. – Она слишком возбуждена сейчас...

– И даже наедине я не смогу сказать, что никогда не любила Тома, – призналась она скорбным голосом. – Это была бы неправда.

– Конечно, неправда, – согласился Том.

Она повернулась к своему мужу.

– Как будто для тебя это когда-либо имело значение! – сказала она.

– Конечно, имеет! С этих пор я буду лучше заботиться о тебе.

– Ты не понимаешь, – сказал Гэтсби на грани паники. – Ты больше не будешь вообще о ней заботиться.

– Не буду?? – Том широко открыл глаза и засмеялся. Теперь он мог позволить себе держать себя в руках. – Почему вдруг?

– Дэйзи уходит от тебя.

– Глупости.

– Да, я ухожу, – произнесла она с явным усилием.

– Она не может уйти от меня! Слова Тома вдруг превратились в дубинку, которой он нещадно колотил Гэтсби. – И уж точно не может уйти к заурядному жулику, которому нужно украсть кольцо, чтобы потом надеть на ее палец.

– Нет, это невыносимо! – воскликнула Дэйзи. – Прошу, давайте выйдем отсюда!

– Ведь кто ты такой на самом деле? – продолжал Том. – Ты – один из той шайки, которая околачивается вокруг Майера Вольфсхайма, насколько мне стало известно. Я уже провел небольшое расследование о твоих делах, и завтра намерен проводить его дальше.

– Что ж, проводи, если хочешь, старина, – невозмутимо сказал Гэтсби.

– Я уже раскопал, что за «аптеки» у тебя были. Повернувшись к нам, он начал быстро говорить: – Они с этим Вольфсхаймом скупали множество аптекарских магазинчиков в переулках здесь и в Чикаго и торговали пшеничным спиртом из-под прилавка. И это только один из его маленьких трюков. Я принял его за бутлеггера в самый первый раз, когда увидел его, и не очень далек был от истины.

– Ну, и что с того? – вежливо сказал Гэтсби. – Как я понимаю, твоему другу Вальтеру Чейзу гордость не помешала заняться тем же.

– Ты бросил его в трудном положении, не так ли? Из-за тебя он попал в тюрьму на месяц в Нью-Джерси. Послушал бы ты, что говорит Вальтер насчет *тебя*!

– Он пришел к нам полным банкротом. Он был очень рад подзаработать немного денег, старик.

– Не называй меня «старик»! – закричал Том. Гэтсби ничего не ответил. – Вальтер мог посадить тебя еще и за организацию внеипподромных тотализаторов, но Вольфсхайм угрозами закрыл ему рот.

То незнакомое, но при этом узнаваемое выражение вновь появилось на лице Гэтсби.

– Махинации с аптеками – это было так, по мелочи, – медленно продолжал Том. – Сейчас ты закрутил что-то такое, о чем Вальтер мне даже побоялся рассказать.

Я посмотрел на Дэйзи, которая в ужасе смотрела то на Гэтсби, то на своего мужа, и на Джордан, которая начала балансировать свой невидимый, но поглощающий внимание предмет на кончике своего подбородка. Затем я снова посмотрел на Гэтсби – и был шокирован выражением его лица. Он выглядел – и я это говорю с полным презрением ко всем клеветническим сплетням на вечеринках в его саду, – именно так, как будто он мог бы сейчас «убить человека». По крайней мере, какое-то мгновение выражение на его лице точно соответствовало этому фантастическому описанию.

Оно прошло, после чего он начал возбужденно говорить что-то Дэйзи, отрицая все сказанное о нем, защищая свое имя от обвинений, которые даже не были ему предъявлены. Но с каждым его словом она все больше и больше погружалась в себя, поэтому он оставил это бесполезное занятие, и только умершая мечта продолжала бороться в нем, пытаясь прикоснуться к тому, что перестало уже быть прикасаемым, грустно, но настойчиво пытаясь тянуться к умолкшему для нее навсегда голосу на другой стороне комнаты, пока вечер завершал свой бег.

Этот голос опять выразил просьбу уйти.

– *Прошу* тебя, Том! Я не могу это больше терпеть.

По ее испуганным глазам было видно, что все ее намерения, вся ее смелость, какие у нее были, исчезли, как дым.

– Вы вдвоем поедете домой, Дэйзи, – сказал Том. – В машине мистера Гэтсби.

Она посмотрела на Тома, теперь уже встревоженно, но он настаивал на своем с великодушным презрением.

– Езжайте! Он не будет досаждать тебе. Я думаю, он понимает уже, что его самонадеянный маленький флирт окончен.

Они уехали, не проронив ни слова; от них избавились; они стали никому не нужными, одинокими, как привидения, лишившись даже нашего сожаления.

Через мгновение Том встал и начал заворачивать неоткрытую бутылку виски в полотенце.

– Кто-нибудь хочет выпить? Джордан?... Ник?

Я ничего не ответил.

– Ник? – повторил он.

– Что?

– Хочешь выпить?

Нет... Я только что вспомнил, что сегодня у меня день рождения.

Мне стукнуло тридцать. Передо мной простирался зловещий, полный опасностей участок пути под названием «Новое десятилетие».

Было семь часов вечера, когда мы сели в кабриолет с ним и поехали в сторону Лонг-Айленда. Том говорил без умолку, ликовал и смеялся, но голос его был так же далек от нас с Джордан, как гул толпы на тротуаре или грохот машин над нами по надземке. Человеческое сочувствие имеет свои границы, и мы рады были возможности оставить все их трагические ссоры позади вместе с городскими огнями. Тридцать лет – порог, за которым скрывается деся-

тилетие одиночества, редющий список холостяков, с которыми можно еще познакомиться, редющий поток энтузиазма, редющие волосы. Но со мной рядом была Джордан, которая, в отличие от Дэйзи, была достаточно мудра для того, чтобы не тащить с собой давно забытые мечты из десятилетия в десятилетие. Когда мы проезжали по темному мосту, ее усталое лицо медленно склонилось на плечо моего пиджака, и этот страшный гром от исполнившегося тридцатилетия растворился в воздухе от ободряющего ощущения ее держащейся за меня руки.

Так мы ехали в прохладных сумерках к месту смерти.

Молодой грек по имени Михаэлис, владелец кофейной по соседству с зольными кучами, выступал как главный свидетель на дознании. Он проспал всю дневную жару и вышел на улицу только после пяти вечера, пришел в гараж и увидел в конторе больного Джорджа Уилсона, по-настоящему больного; он был бледен, как волосы, которые на его голове, и весь дрожал. Михаэлис посоветовал ему лечь в постель, но Уилсон отказался, сказав, что он потеряет много выручки, если ляжет. Пока его сосед пытался убедить его прилечь, сверху раздался сильный грохот.

– Я запер наверху мою жену, – спокойно объяснил Уилсон. – Она будет сидеть там до послезавтра, когда мы съедем отсюда.

Михаэлис был поражен, услышав это; они были добрыми соседями четыре года, и за все это время Уилсон не выказал ни малейшего признака того, что он способен на такой поступок. В целом это был один из тех затравленных, опустивших руки мужчин, которые плывут по течению: когда он не работал, он сидел на стуле в дверях и молча наблюдал за пешеходами и машинами, курсирующими по дороге. Когда кто-то заговаривал с ним, он неизменно улыбался в ответ приятной, бесцветной улыбкой. Он принадлежал своей жене, а не самому себе.

Поэтому, вполне естественно, Михаэлис попытался выяснить, что случилось, но Уилсон не отвечал ни слова; вместо этого он начал любопытствующе и подозрительно поглядывать на своего посетителя и спрашивать его, что тот делал в такое-то время в такие-то дни. Когда Михаэлису это уже порядком надоело, мимо двери в сторону его ресторана прошли какие-то рабочие, и он воспользовался случаем, чтобы ускользнуть, думая вернуться позже. Но он больше не вернулся. Почему не вернулся? Потому что забыл. Просто забыл. Когда он снова вышел на улицу, где-то сразу после семи, он вспомнил об этом разговоре с Уилсоном, когда слышал голос миссис Уилсон, громкий и сердитый, внизу в гараже.

– Избей меня! – услышал он ее крик. – Повали меня на пол и избей, ну, давай, мерзкий и презренный трус!

Через мгновение она уже выбежала во тьму сумерек, маша руками и крича, и еще до того, как он успел выйти из двери, все было кончено.

«Машина смерти», как называли ее газеты, не остановилась; она показалась из сгущающейся тьмы, притормозила в трагической нерешительности и потом исчезла за поворотом. Михаэлис не рассмотрел даже ее цвета: он сказал первому полицейскому, что она была светло-зеленой. Вторая машина, которая двигалась в сторону Нью-Йорка, остановилась через сотню ярдов, и ее водитель подбежал к месту, где Миртл Уилсон, лишенная жизни насильственным образом, стояла на коленях в дорожной пыли, смешивая свою темную, густую кровь с пылью.

Михаэлис с этим водителем первыми подошли к ней, но, когда они разорвали на ней блузку, еще влажную от пота, они увидели, что ее левая грудь свободно болталась, так что не было уже необходимости прислушиваться к биению сердца под ней. Рот ее был широко раскрыт и разорван в уголках так, будто не смог выдержать напора вышедшей через него той огромной жизненности, которую она хранила в себе так долго.

Мы заметили три или четыре автомобиля и толпу еще за несколько миль.

– Авария! – сказал Том. – Это хорошо. У Уилсона будет, наконец, небольшая работа.

Он притомозил, но все еще без намерения останавливаться, пока мы не подъехали ближе и притихшие, напряженные лица стоящих в дверях гаража людей не заставили его машинально нажать на тормоз.

– Мы только посмотрим, – сказал он неуверенно. – Одним глазом.

Теперь я четко слышал глухой, завывающий звук, который доносился непрерывно из гаража, звук, который, когда мы вышли из машины и подошли к двери, оказался причитанием «О, Боже мой!», повторяемым снова и снова с придыханием и стоном.

– Здесь произошло что-то страшное, – сказал Том взволнованно.

Он приподнялся на цыпочках и заглянул поверх толпы в гараж, освещенный только желтым светом лампочки в качающемся проволочном абажуре под потолком. Потом он издал резкий гортанный звук и, раздвигая толпу своими сильными руками, прошел вперед.

Круг людей за ним снова сомкнулся с прошедшим по толпе журиющим ропотом; это было за минуту до того, как я смог вообще что-то рассмотреть. Потом вновь прибывшие смяли эту линию и нас с Джордан внезапно втолкнули внутрь.

Тело Миртл Уилсон, замотанное в одно одеяло, а потом еще в одно одеяло, как будто ей было холодно в эту жаркую ночь, лежало на верстаке у стены, и Том стоял спиной к нам, склонившись над ним неподвижно. Рядом с ним стоял полицейский, подъехавший на мотоцикле, который, смахивая пот, записывал в маленькую книжечку фамилии, то и дело исправляя записанное. Поначалу я не мог определить, откуда доносились эти громкие стоны и причитания, разносившиеся гулким эхом по пустому гаражу, но потом я увидел Уилсона, который стоял на пороге своей конторы, качаясь взад и вперед и держась обеими руками за косяки двери. Какой-то человек говорил ему что-то тихим голосом и норовил время от времени положить руку на его плечо, но Уилсон ничего не слышал и не видел. Его глаза медленно опускались от качающейся лампочки на потоке к верстаку с телом у стены и затем резко поднимались снова к свету; он непрерывно издавал громкий, жуткий вой:

– О, Бо-оже мо-ой! О, Бо-оже мо-ой! О, Бо-оже! О, Бо-оже мо-ой!

Вдруг Том резко поднял голову и, осмотрев гараж стеклянными глазами, пробормотал что-то невнятное полицейскому.

– М-а-в-говорил полицейский, – о...

– Нет, «р», – поправили его, – М-а-в-р-о...

– Да ответьте же мне! – прошептал Том раздраженно.

– «р», – произносил полицейский, – «о»...

– «Г»...

– «Г». – Он поднял голову, когда широкая ладонь Тома вдруг резко опустилась на его плечо. – Что вам нужно, гражданин?

– Что здесь случилось? Это все, что я хочу знать.

– Автомобиль сбил ее. Мгновенная смерть.

– Мгновенная смерть, – повторил Том, глядя перед собой немигающими глазами.

– Она выбежала на дорогу. Сукин сын даже не остановился.

– Было две машины, – сказал Михаэлис. – Одна подъезжала, одна отъезжала: понимаете?

– Отъезжала в какую сторону? – спросил полицейский заинтересованно.

– Машины ехали в противоположные стороны. – Она... – его рука поднялась было, чтобы показать в сторону одеял, но замерла на полпути и снова опустилась, – она выбежала на дорогу, и та, что ехала из Нью-Йорка, сбила ее на скорости тридцать или сорок миль в час.

– Как называется это место, где мы сейчас находимся? – спросил полицейский.

– У него нет названия.

Подошел бледный, хорошо одетый негр.

– Это была желтая машина, – сказал он. – Большая желтая машина. Новая.

– Очевидец аварии? – спросил полицейский.

– Нет, но эта машина обогнала меня дальше по дороге на скорости точно больше сорока. Выжимала пятьдесят, а то и все шестьдесят.

– Подойдите сюда; скажите свою фамилию и имя. Да подождите! Я хочу услышать, как его зовут.

Некоторые слова этого разговора, должно быть, дошли до Уилсона, который стоял и раскачивался в дверях конторы, так как в его причитаниях появилась новая тема:

– Мне не нужно говорить, что это была за машина! Я знаю, что это была за машина!

Наблюдая за Томом, я увидел, как напрягся под плащом комок мышц на его лопатке. Он быстро подошел к Уилсону и, став перед ним, крепко схватил его за запястья.

– Тебе надо взять себя в руки, – сказал он грубым, но успокаивающим голосом.

Взгляд Уилсона упал на Тома; он встал на цыпочки и упал бы на колени, если бы Том не удержал его в вертикальном положении.

– Послушай, – сказал Том, слегка потрясая его. – Я прибыл сюда всего минуту назад, из Нью-Йорка. Я пригнал тебе тот кабриолет, о котором мы говорили. Та желтая машина, которую я вел сегодня днем, была не моя: ты слышишь? Я не видел ее весь вечер.

Только негр и я находились достаточно близко, чтобы услышать то, что он сказал, но полицейский уловил что-то в тоне голоса и посмотрел в нашу сторону свирепым взглядом.

– О чем это вы там говорите? – спросил он.

– Я его друг. Том повернул голову, продолжая при этом крепко удерживать Уилсона руками. – Он говорит, что знает машину, которая сбила ее... Это была желтая машина.

Какой-то неясный импульс заставил полицейского посмотреть подозрительно на Тома.

– А какого цвета ваша машина?

– Моя машина голубая, купе-кабриолет.

– Мы приехали прямо из Нью-Йорка, – сказал я.

Тот, кто ехал позади нас, подтвердил это, и полицейский отвернулся.

– Итак, повторите, пожалуйста, еще раз, как правильно пишется ваше имя...

Взяв Уилсона под мышку, как куклу, Том внес его в контору, посадил на стул и вернулся.

– Кто-нибудь подойдет сюда, чтобы посидеть с ним? – властным тоном отчеканил он. Под действием его взгляда двое, стоявшие ближе всего к нему, переглянулись и неохотно вошли в комнату. Том захлопнул за ними дверь и сошел с единственной ступеньки, избегая смотреть на стол. Проходя мимо меня, он шепнул: «Выходим отсюда!»

Смущенно идя за ним, пролагавшим нам путь своими властными руками, мы пробирались сквозь все еще стоящую толпу; прошли мимо запоздалого доктора с кейсом в руке, за которым послали полчаса назад, на что-то еще пытаясь надеяться.

Том вел машину медленно, пока мы не повернули за поворот, после чего он резко нажал на газ, и кабриолет рванул по дороге во тьму ночи. Через какое-то время я услышал сдавленное хрипкое всхлипывание и увидел, что по его лицу текут слезы.

– Чертов трус! – выл он. – Даже не остановил машину.

Дом Бьюкененов внезапно появился из-за темных шелестящих деревьев и поплыл в нашу сторону. Том остановился у крыльца и посмотрел на второй этаж, на котором два окна сияли светом за вьющимся виноградом.

– Дэйзи дома, – сказал он. Когда мы вышли из машины, он глянул на меня и слегка поморщился.

– Мне следовало бы высадить тебя в Уэст-Эгге, Ник. Сегодня вечером мы ничего уже делать не сможем.

С ним произошла перемена, и говорил он теперь серьезно и с твердой решительностью. Пока мы шли к крыльцу дома по залитому лунным светом гравию, он в нескольких коротких фразах обрисовал нам, как выйдет из сложившейся ситуации.

– Я вызову такси, и оно отвезет вас домой, а пока вы будете его ждать, вам с Джордан лучше пойти на кухню и заказать ужин, если хотите, конечно. Он открыл дверь. – Входите.

– Нет, спасибо. Но я буду благодарен, если ты вызовешь мне такси. – Я подожду снаружи. Джордан ладонью коснулась моей руки.

– Ты что, не войдешь в дом, Ник?

– Нет, спасибо.

Я чувствовал себя немного уставшим и хотел побыть один. Но Джордан задержалась у двери еще на мгновение.

– Но ведь еще только половина десятого, – сказала она.

Я скорее бы застрелился, чем вошел бы в дом; я устал от них от всех за целый день, и внезапно в эти «все» вошла также и Джордан. Она, должно быть, что-то подобное уловила в моем выражении лица, так как резко повернулась и взбежала по ступенькам крыльца в дом. Несколько минут я сидел, охватив голову руками, пока не услышал, как внутри дома дворецкий берет телефонную трубку и вызывает такси. Потом я побрел по дорожке в сторону от дома, решив подождать у ворот.

Не прошел я и двадцати ярдов, как услышал мое имя, и на дорожку из кустов вышел Гэтсби. Должно быть, к тому моменту я был уже на пределе своих сил, так как не мог думать ни о чем, кроме как о том, как ярок его розовый костюм в лунном свете.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я.

– Просто стою здесь, старик.

Занятие это казалось каким-то недостойным, с какой стороны на него ни посмотри. Кто его знает, может, он готовится ограбить дом через минуту; я не удивился бы, если бы увидел в темных кустах за его спиной зловещие лица, лица «людей Вольфсхайма».

– Ты видел какое-нибудь происшествие на дороге? – спросил он через минуту.

– Видел.

Он выдержал паузу.

– Сбили насмерть?

– Да.

– Я так и думал; я сказал Дэйзи об этом. Это лучше, что все произошло внезапно. Она перенесла шок довольно хорошо.

Он говорил так, будто реакция Дэйзи – единственное, что имело значение.

– Я пришел в Уэст-Эгг по боковой дороге, – продолжал он, – а машину оставил в гараже. Я не думаю, чтобы нас кто-нибудь заметил, но, конечно же, я не могу быть уверен на все сто.

К этому моменту он стал мне уже настолько противен, что я не считал необходимым даже сказать ему, что он неправ.

– Кто была эта женщина? – спросил он.

– Ее фамилия была Уилсон. Ее муж – владелец гаража. Как, черт возьми, это вообще произошло?

– Я пытался вывернуть руль в сторону, но... – он замялся, и в тот же миг мне все стало ясно.

– Дэйзи была за рулем?

– Да, – сказал он через мгновение, – но я, конечно же, возьму все на себя. Понимаешь, когда мы выехали из Нью-Йорка, она была очень взволнована и подумала, что вождение ее успокоит, а эта женщина выскочила прямо на нас как раз в тот момент, когда мимо нас проезжала другая машина, ехавшая в противоположную сторону. Все произошло за минуту, но у меня сложилось впечатление, что она хотела поговорить с нами; наверно, приняла нас за каких-то своих знакомых. Сначала Дэйзи сделала маневр от нее в сторону проезжавшей мимо машины, но потом не выдержала и крутнула руль обратно. В ту секунду, когда я дотянулся до руля, я почувствовал страшный удар: от такого удара она должна была скончаться на месте.

– Он разорвал ее на куски...

– Не надо подробностей, старик. – Он содрогнулся. – Потом Дэйзи нажала на газ. Я пытался показать ей, как остановиться, но она не смогла, поэтому я нажал на аварийный тормоз. После этого она упала мне на колени, и я повел машину дальше.

– Завтра с ней будет все хорошо, – сказал он через время. – Я просто подожду здесь, чтобы увидеть, будет ли он пытаться донимать ее по поводу этой неприятности сегодня вечером. Она заперлась в своей комнате, и если он попытается применить насилие, она будет включать и выключать свет, чтобы дать мне сигнал.

– Он не прикаснется к ней, – сказал я. – Он не думает о ней.

– Я ему не верю, старик.

– Как долго ты собираешься ждать?

– Всю ночь, если потребуется. – По крайней мере, пока они не лягут спать.

Внезапно вся эта ситуация представилась мне с другой стороны. Что, если Том узнает, что Дэйзи была за рулем? Он может увидеть в этом какую-то связь – да и в принципе может увидеть в этом что угодно. Я посмотрел в сторону дома; внизу, на первом этаже, светились два или три окна, и розовое свечение исходило из комнаты Дэйзи на втором этаже.

– Подожди меня здесь, – сказал я. – Я гляну, есть ли там какое-нибудь движение.

Я вернулся к дому по краю газона, мягко перешел по гравию дорожки на другую сторону и подошел на цыпочках к ступенькам веранды. Шторы в гостиной были раздвинуты, и я увидел, что комната пуста. Перейдя по веранде, на которой мы обедали в тот июньский вечер три месяца назад, я подошел к маленькому прямоугольнику света, который, как я понял, шел из окна буфетной. Штора была закрыта, но я нашел щель у самого подоконника.

Дэйзи и Том сидели друг напротив друга за кухонным столом; между ними на столе стояло блюдо с холодным цыпленком и две бутылки эля. Он сосредоточенно говорил ей что-то через стол, и от серьезности произносимого его рука машинально опускалась на ее руку и покрывала ее. Время от времени она поднимала на него глаза и кивала в согласии.

Они не были счастливы, и никто из них не прикаснулся ни разу ни к цыпленку, ни к элю, и все же назвать их несчастными тоже было трудно. Во всей этой сцене безошибочно улавливалась атмосфера естественной близости, и любой, глядя на них, сказал бы, что они о чем-то договариваются между собой.

Когда я на цыпочках отошел от веранды, я услышал, как мое такси нащупывает путь к дому по темной дороге. Гэтсби ожидал меня на том же месте, где я оставил его.

– Там наверху все тихо? – спросил он тревожно.

– Да, все тихо. – Я выдержал паузу. – Тебе было бы лучше пойти домой и немного поспать.

Он покачал головой.

– Я хочу подождать здесь, пока Дэйзи не пойдет спать. Спокойной ночи, старик.

Он всунул руки в карманы своего пиджака и, отвернувшись от меня, с новым рвением продолжил наблюдать за домом, как будто мое присутствие оскверняло священность его бдения. И я ушел, оставив его стоять там в лунном свете и стеречь пустоту.

ГЛАВА 8

Я не мог заснуть всю ночь; туманный горн беспрестанно стонал на Проливе, и метания между нелепой реальностью и дикими, пугающими снами изматывали меня. Ближе к рассвету я услышал, как к крыльцу Гэтсби подъехало такси, и я тотчас вскочил с постели и начал одеваться: я чувствовал, что должен что-то сказать ему, предупредить его о чем-то, и что утром это сделать будет уже поздно.

Перейдя по газону к нему во двор, я увидел, что его входная дверь все еще открыта, а он сидит, склонившись над столом в холле в тяжелом унынии или во сне.

– Ничего так и не произошло, – сказал он уныло. – Я прождал всю ночь, и около четырех часов утра она подошла к окну, постояла с минуту и потом погасила свет.

Его дом никогда не казался мне таким огромным, как в ту ночь, когда мы обшаривали его огромные комнаты в поисках сигарет. Мы раздвигали шторы, больше похожие на шатры, ощупывали бесконечные футы темных стен в поисках электрических выключателей: однажды мои пальцы попали даже на клавиши какого-то призрачного пианино, которое издало резкий звук, похожий на всплеск. Везде было невыразимое количество пыли, и в комнатах пахло плесенью, как будто они не проветривались уже много дней подряд. Я нашел коробку для сигар с двумя прелыми, сухими сигаретами на каком-то незнакомом столе. Распахнув французские окна в гостиной, мы сели там, выпуская дым в темноту.

– Тебе надо уехать отсюда, – сказал я. – Нет никаких сомнений в том, что они вычислят твою машину.

– Уехать *сейчас*, старик?

– Уехать в Атлантик-Сити на неделю, или в Монреаль.

Он даже думать об этом не хотел. Он никак не мог оставить Дэйзи, пока не узнает, что она собирается делать. Он судорожно держался за соломинку последней надежды, и у меня не хватило духа вырвать ее из его рук.

Именно в эту ночь он поведал мне эту странную историю с Дэном Коди из своей молодости, и рассказал мне ее потому, что «Джей Гэтсби» уже разбился, как стекло, о камень злобы Тома, и длинной тайной буффонаде с этим именем пришел конец. Я думаю, теперь он мог бы уже свободно признаваться в чем угодно, но он хотел говорить только о Дэйзи.

Она была первой «приличной» девушкой из высшего общества, каких он когда-либо знал. В различных своих нераскрытых ипостасях он уже входил в контакт с такими людьми, но всегда натягивал какую-то невидимую колючую проволоку между собой и ими. Ее же он нашел волнующе-желанной. Он приходил к ней в дом, сначала с другими офицерами из Кэмп-Тэйлора, потом один. Дом этот его поразил: он никогда раньше не бывал в таком красивом доме. Но главное, отчего буквально замирало дыхание у него, была мысль о том, что в нем жила Дэйзи: для нее жить в нем было так же естественно и привычно, как для него – в своей палатке в лагере. В этом доме была какая-то зрелая, как плод, уже готовый упасть в руки, тайна; намек на то, что спальня комнаты наверху еще красивее и прохладнее, чем остальные спальни; что в его коридорах кипит веселая и блистательная жизнь; намек на любовные романы, но не на те поросшие мхом и уже почившие в лаванде романы, а на свежие и трепещущие сердечными вздохами, отдающие запахом сияющих автомобилей последнего года выпуска и балов, чьи цветы едва тронуло увядание. Также восхищало его и то, что Дэйзи уже любила раньше многие мужчины: это повышало ее ценность в его глазах. Он ощущал их присутствие повсюду в доме, наполнявшее его атмосферу тенями и отзвуками еще трепещущих чувств.

Но он знал, что оказался в доме Дэйзи по чистой, колоссально чистой случайности. Какое бы славное будущее ни ожидало его впереди как Джея Гэтсби, в настоящий момент он был молодым человеком без гроша за душой и без прошлого, и в любой момент его униформа, –

это создающее невидимость прикрытие, – могла слететь с его плеч. Поэтому он спешил воспользоваться сполна этим прикрытием. Он хватал все, что только мог ухватить, жадно и без разбору, и в итоге «ухватил» и Дэйзи одним тихим октябрьским вечером, «ухватил» ее именно потому, что не имел ни малейшего права касаться ее руки.

Он мог испытывать презрение к себе, так как наверняка «взял» ее обманным путем. Нет, он не манил ее своими призрачными миллионами, но он умышленно давал Дэйзи ощущать себя в безопасности рядом с ним; он позволял ей думать, что он во многом человек того же сословия, что и она, и что поэтому он полностью способен заботиться о ней. На самом же деле за этим ничего не стояло: у него не было никакого надежного семейного тыла, и по прихоти безликого государства он мог в любой момент быть брошен в любую точку мира.

Однако он не презирал сам себя за это, и все вышло не так, как он себе представлял. Он, вероятно, хотел просто извлечь из этой удачи столько пользы для себя, сколько возможно, и пойти по жизни дальше, но потом обнаружил, что предался погоне за Граалем. Он знал, что Дэйзи была необыкновенной девушкой, но он тогда еще не понимал, до какой степени необыкновенной может быть «приличная» в его понимании девушка из высшего общества. Она растворилась в своем богатом доме, в своей богатой, полной чаше жизни, не оставив Гэтсби от всего этого ничего. Он чувствовал себя женатым на ней: этим все было сказано.

Когда они снова встретились через два дня, у Гэтсби буквально перехватило дух; он почувствовал себя некоторым образом преданным Дэйзи, которая сама, без него купалась в этом богатстве. Крыльцо ее дома сияло звездным блеском купленной роскоши; плетеное кресло-качалка модно закрипело, когда она повернулась к нему и он поцеловал ее необычные и прелестные губы. Она была простужена, отчего голос ее сделался хрипловатым и еще более чарующим, чем когда-либо раньше, и Гэтсби был ошеломлен, ощутив ту юность и тайну, которые богатство, заключая в свой плен, тем самым сохраняет, свежесть множества одежд, а также свежесть самой Дэйзи, сияющей, как серебро, защищенной от всех бед и гордо возносящейся над отчаянной борьбой за выживание, которую ведут бедные в этом мире.

– Я не могу передать тебе, насколько я был удивлен, когда понял, что влюблен в нее, старик. Я даже надеялся было, что она меня отвергнет, но она этого не сделала, потому что тоже была влюблена в меня. Она думала, что я знаю много, так как знаю жизнь не такой, какой ее знает она... И таким образом, намеченные мной великие дела оказались задвинутыми далеко в сторону, а я погружался все глубже и глубже в любовь с каждой минутой, и при этом вдруг обнаружил, что это меня совершенно не волнует. Какой смысл делать все эти великие дела, если гораздо проще было всего лишь рассказывать ей о том, что я собираюсь делать?

Вечером накануне того дня, когда он отправлялся за границу, он обнял Дэйзи, и они долго сидели так и молчали. Был холодный осенний день; в комнате горел камин, и щеки ее горели румянцем. Она то и дело шевелилась, и он менял немного положение своей руки, и один раз поцеловал ее темные, блестящие волосы. Тот вечер погрузил их на какое-то время в состояние покоя, будто для того, чтобы оставить свой глубокий след в их памяти перед долгой разлукой, которую сулил им день грядущий. Никогда они не были ближе друг к другу за весь месяц своей любви, никогда не чувствовали друг друга глубже, чем в тот момент, когда она проводила своими сомкнутыми губами по его плечу или когда он прикасался к кончикам ее пальцев так нежно, будто она спит.

На войне дела у него шли на удивление хорошо. Он ушел на фронт в чине капитана, а после сражений при Аргонне стал майором и ему дали командовать пулеметной дивизией. После Перемирия он изо всех сил пытался вернуться домой, но вследствие каких-то препятствий или недоразумения попал вместо этого в Оксфорд. К этому времени он уже был встревожен: в письмах Дэйзи уже улавливались нотки волнения и отчаяния. Она не понимала, почему

он не может вернуться. Она ощущала на себе давление внешней жизни и хотела видеть его и ощущать его присутствие рядом с собой, да и вообще укрепить свою уверенность в том, что поступает правильно, ожидая его.

Ведь Дэйзи была молода, и ее искусственный мир был наполнен благоуханием орхидей и приятными, веселыми снобами и оркестрами, задававшими ритм году, вкладывая всю грусть и неудовлетворенность жизнью в новые аккорды. Всю ночь саксофоны безнадежно жаловались на нее, выводя мелодию «Билл Стрит блюза», а сто пар позолоченных и серебряных туфель подметали блестящую пыль. В час чаепития всегда были комнаты, которые сотрясала непрерывно эта легкая, приятная лихорадка, а новые лица кружились то тут, то там лепестками роз, которые поднимает и кружит по полу дуновение печальных саксофонов.

По этой сумеречной вселенной Дэйзи снова начала свое движение вместе с наступлением сезона; она сама не заметила, как снова стала ходить на полдюжину свиданий в день с полдюжиной мужчин и засыпать только под утро с бусами и шифоном вечернего платья, лежащими вперемешку с умирающими орхидеями на полу у ее кровати. И все это время что-то внутри нее кричало, требуя от нее определиться. Ее жизнь должна была принять определенность сейчас же, немедленно, и решение должно было быть принято на любом основании, будь то любовь, деньги, или холодный расчет, – что первым попадет под руку.

Такое основание «попалось под руку» в середине весны с появлением Тома Бьюкенена. В его внешнем виде и положении была какая-то внушительная надежность, и Дэйзи была польщена. Несомненно, не обошлось без определенной внутренней борьбы и определенной победы. Ее письмо дошло до Гэтсби, когда он еще был в Оксфорде.

На Лонг-Айленде уже рассвело, и мы спустились на первый этаж, чтобы раскрыть остальные окна, заполнив дом сереющим и все более насыщающимся золотом зари светом. Внезапно дерево отбросило тень на росу, и призрачные птицы запели в его голубой листве. В воздухе ощущалось медленное, приятное колебание, почти ветерок, обещавшее прохладный, замечательный день.

– Я не думаю, что она когда-нибудь любила его, – сказал Гэтсби, отвернувшись от окна и посмотрев на меня вызывающе. – Не забывай, старик, что она была очень сильно возбуждена вчера вечером. Он рассказывал ей об этих делах так резко, что она испугалась, представил все это так, будто я был каким-то дешевым жуликом. И в результате она едва ли отдавала себе отчет в том, что говорила.

Нахмурившись, он сел.

– Конечно, она могла полюбить его на какую-то минуту, когда они еще только поженились, и все равно любить меня больше даже тогда, понимаешь?

Неожиданно он произнес одну любопытную фразу:

– В любом случае, – сказал он, – это у нее было что-то личное.

Как еще можно было отреагировать на это, кроме как заподозрить некую пронизательность в его понимании этой любовной связи, измерить глубину которой было невозможно?

Он вернулся из Франции, когда Том с Дэйзи еще были в свадебном путешествии, и все же поехал, зная, что напрасно, но будучи не в силах себя перебороть, в Луисвиль на последние гроши из своего армейского жалованья. Он пробыл там неделю, бродя по улицам, по которым они бродили вместе весь тот ноябрьский вечер, и заходя в места в стороне от их пешеходного маршрута, к которым они ездили на ее белом автомобиле. Как дом Дэйзи всегда казался ему таинственнее и веселее других домов, точно так же и сам город, даже несмотря на то, что ее там не было, казался ему исполненным меланхолической красоты.

Он уехал – уехал с ощущением, что если бы поискал лучше, то нашел бы ее; уехал с ощущением, что оставляет ее там. В общем вагоне – он был сейчас без гроша – было душно. Он вышел в открытый тамбур и сел на складной стул; перед глазами промелькнул перрон и начали проплывать внутренние двory незнакомых зданий. Затем пошли весенние поля, и по ним с минуту мчал желтый вагон с теми людьми, которые могли когда-то созерцать бледную магию ее лица на какой-нибудь случайной улице.

Колея совершила поворот, и теперь вагон ехал в сторону от солнца, которое, опустившись ниже, казалось распростертым в благословении над исчезающим городом, от которого оно отнимало свое горячее дыхание. В отчаянии он вытянул руку, как бы для того, чтобы ухватить хотя бы пригоршню этого воздуха, сберечь какой-то фрагмент того места, которое она сделала для него привлекательным. Но потом все это замелькало слишком быстро перед его затуманенными глазами, и он осознал, что потерял этот фрагмент жизни, самый свежий и самый лучший, навсегда.

Было девять часов, когда мы окончили завтрак и вышли на крыльцо. Ночь произвела резкую перемену в погоде, и в воздухе ощущался аромат осени. Садовник, последний из старой прислуги Гэтсби, подошел к ступенькам.

– Я собираюсь сегодня спустить воду из бассейна, мистер Гэтсби. Скоро начнут падать листья, и тогда начнется эта постоянная проблема с трубами.

– Не делай этого сегодня, – ответил Гэтсби. Он повернулся ко мне и, как бы оправдываясь, сказал: – А знаешь, старик, я ведь ни разу так и не поплавал в этом бассейне за все лето.

Я глянул на часы и встал.

– Осталось двенадцать минут до отхода моего поезда.

Мне не хотелось ехать в город. Я так устал, что и пальцем не хотел пошевелить, но дело было даже не в этом: я просто не хотел оставлять Гэтсби одного. Я пропустил тот поезд, потом еще один, прежде чем смог набраться сил и уехать.

– Я позвоню тебе, – сказал я на прощание.

– Позвони, старик.

– Я позвоню около полудня.

Мы медленно спустились по ступенькам.

– Полагаю, Дэйзи тоже позвонит. – Он посмотрел на меня беспокойно, будто надеясь, что я сейчас приведу какое-то подтверждение этому его предположению.

– Я тоже так думаю.

– Что ж, прощай, старик.

Мы пожали друг другу руки и я направился к калитке. Не дойдя немного до калитки, я вдруг вспомнил кое-что и обернулся.

– Все они – нравственно разложившиеся трупы, – закричал я через газон. – Ты один чище всей этой грязной своры, вместе взятой.

Я ни разу не пожалел о том, что сказал тогда это. Это был единственный комплимент, который я когда-либо сделал ему, так как я предосудительно относился к нему от начала до конца. Сперва он вежливо кивнул мне, а потом на лице его изобразилась такая лучезарная и понимающая улыбка, будто мы всегда были в радостном согласии с ним по этому поводу. Его великолепный розовый костюм ярким пятном выделялся на фоне белых ступенек, и я вспомнил тот вечер, когда я впервые подошел к его родовому поместью три месяца назад. Газон и аллея были заполнены лицами тех, кто догадывался о его нечистых путях, а он стоял тогда на этих самых ступеньках, скрывая от них свою чистую мечту, и махал им рукой на прощанье.

Я поблагодарил его за гостеприимство. Мы всегда благодарили его за это, – я и все остальные.

– До свидания, – крикнул я. – Мне понравился завтрак, Гэтсби.

Я в городе. Какое-то время я пытался составить список котировок акций с твердым сроком погашения, но потом уснул в своем кресле-качалке. Перед самым полуднем меня разбудил телефон; выбраться из кресла мне стоило таких усилий, что на лбу у меня проступил пот. Звонила Джордан Бейкер; она часто звонила мне в это время, так как постоянно курсировала между отелями, клубами и частными домами, и найти ее любым другим способом было очень трудно. Обычно ее голос лился из трубки бодро и спокойно, будто в окно влетал кусок дерна, только что вырванный с зеленой площадки ударом ее клюшки по мячу, однако этим утром он казался резким и сухим.

– Я съехала из дома Дэйзи, – сказал я. – Я сейчас в Хемпстеде, и сегодня вечером еду в Саутгемптон.

Наверно, съехать из дома Дэйзи было проявлением такта, однако это меня покорило, а ее следующая фраза и вовсе ожесточила меня.

– Ты был не очень вежлив со мной тогда вечером.

– Какое это могло иметь значение тогда?

Молчание в трубке. Затем:

– Ладно... я хочу видеть тебя.

– Я тоже хочу видеть тебя.

– А что, если я не поеду в Саутгемптон, а вместо этого приеду в город сегодня вечером?

– Нет... только не сегодня вечером.

– Ну, хорошо.

– Сегодня вечером у меня никак не получается. Различные...

В таком духе мы продолжали разговор еще некоторое время, а потом вдруг наш разговор прервался. Я не знаю, кто из нас первым бросил трубку с резким щелчком, но я знаю, что это мне было все равно. Я не смог бы выдержать разговора с ней за чаем в тот день, даже под угрозой того, что мне никогда больше не доведется с ней разговаривать после этого.

Через несколько минут я позвонил в дом Гэтсби, но линия оказалась занятой. Я пытался дозвониться четыре раза; наконец, сердитый голос коммутатора сообщил мне, что линия удерживается в разъединении на далеком расстоянии от Детройта. Вынув расписание поездов, я обвел маленьким кружком поезд в три пятьдесят. Затем я откинулся на спинку кресла и попытался собраться с мыслями. Был еще только полдень.

Когда я проезжал в поезде мимо зольных куч тем утром, я намеренно пересел на другую сторону вагона. Я знал, что там весь день будут толпиться любопытствующие, мальчишки будут искать в пыли темные капли крови, а какой-нибудь словоохотливый мужичок будет рассказывать снова и снова о том, как все произошло, и чем чаще будет рассказывать, тем меньше будет верить сам в реальность этой истории, пока, наконец, не сможет больше о ней говорить, и эта история о трагическом конце Миртл Уилсон канет в лету. Теперь я хочу вернуться немного

назад и рассказать, что произошло в этом гараже после того, как мы уехали оттуда позапрошлой ночью.

С большим трудом им удалось отыскать ее сестру Кэтрин. В ту ночь она, видимо, нарушила свой зарок не пить, потому что когда она приехала, она была накачана алкоголем настолько, что ничего уже не соображала, и ей никак не могли втолковать, что скорая уже повезла во Флашинг труп ее сестры. Когда до нее дошло это, она тотчас упала в обморок, как будто именно этот факт был самым несносным во всем этом деле. Кто-то по доброте душевной или из любопытства взял ее в свою машину и повез вслед за скорой.

Далеко за полночь люди, постоянно меняясь, толпились у гаража, а Джордж Уилсон качался, сидя на диване внутри. Какое-то время дверь в контору оставалась открытой, и всякий, кто заходил в гараж, волей-неволей заглядывал туда. Наконец, кто-то сказал, что это позор, и закрыл дверь. Михаэлис и несколько других мужчин находились рядом с ним: сначала их было четыре или пять, потом осталось двое или трое. Еще через какое-то время Михаэлис сказал последнему вошедшему задержаться на пятнадцать минут, пока он пойдет в свою контору и сварит себе кофе. После этого он просидел там наедине с Уилсоном до рассвета.

Около трех часов ночи бессвязные бормотания Уилсона перешли в другое качество; он немного успокоился и начал говорить о желтом автомобиле. Он заявил, что знает, как вычислить, кому принадлежит этот желтый автомобиль, и потом проговорился о том, что пару месяцев назад его жена вернулась из города с синяками на лице и опухшим носом.

Но когда он понял, что проговорился, он вздрогнул и снова начал причитать «О, Боже мой!» своим страдальческим голосом. Михаэлис сделал неуклюжую попытку отвлечь его.

– Как долго вы прожили в браке, Джордж? Успокойся, посиди минутку тихо и ответь мне на мой вопрос. Как долго вы прожили в браке?

– Двенадцать лет.

– Дети у вас были? Сиди спокойно, Джордж; ответь мне – я задал тебе вопрос. Дети у вас были когда-нибудь?

Большие коричневые жуки настойчиво бились о тусклую лампочку, и каждый раз, когда какой-нибудь автомобиль проезжал по дороге за окном, ему он казался тем самым автомобилем, который несколько часов назад проехал и не остановился. Ему не хотелось заходить в гараж, потому что верстак, на котором лежало тело, был в пятнах крови, поэтому перемещался он только по конторе (и к утру уже изучил каждый предмет в ней), время от времени подсаживаясь к Уилсону и пытаясь его как-то успокоить.

– У тебя есть церковь, в которую ты иногда ходишь, Джордж? Может, ты там уже давно не был? Может, я мог бы позвонить в эту церковь и попросить священника придти сюда, чтобы он поговорил с тобой, а?

– Я не состою ни в какой общине.

– У тебя должна быть какая-то церковь, Джордж, для таких случаев, как этот. Ты не мог ни разу не быть в церкви. Разве ты не венчался в церкви? Послушай, Джордж, ответь мне: ты не венчался в церкви?

– Это было очень давно.

Усилие, которое он сделал, чтобы ответить, нарушило ритм его качаний, и на какое-то мгновение он затих. Потом снова то же наполовину осознанное, наполовину растерянное выражение вернулось в его потухшие глаза.

– Открой вон тот ящик, – сказал он, указывая на письменный стол.

– Какой?

– Вон тот... да.

Михаэлис открыл ящик, ближайший к его руке. Там не было ничего, кроме маленького, дорогого собачьего поводка, сделанного из кожи с серебряной оплеткой. Он выглядел, как новый.

– Это? – спросил он, вынув его.

Уилсон присмотрелся и кивнул.

– Я нашел его вчера вечером. Она пыталась объяснить мне что-то, но я сразу понял, что тут что-то нечисто.

– Ты хочешь сказать, что твоя жена его купила?

– Она держала его в шелковой бумаге на своем бюро.

Михаэлис не увидел в этом ничего странного и привел Уилсону десяток причин, по которым его жена могла купить себе собачий поводок. Но, по-видимому, Уилсон уже слышал некоторые из этих объяснений раньше от Миртл, так как снова начал причитать «О, Боже мой!», только уже шепотом, из-за чего несколько версий его утешителя не были услышаны.

– Тогда выходит, это он убил ее, – сказал Уилсон. Его рот внезапно открылся.

– Кто??

– Я знаю, как это вычислить.

– Ты бредишь, Джордж, – сказал его друг. – У тебя нервное истощение и ты не отдаешь себе отчет в том, что говоришь. Ты лучше возьми себя в руки и досиди тихо до утра.

– Это он убил ее.

– Это был несчастный случай, Джордж.

Уилсон покачал головой. Он прищурил глаза и приоткрыл рот, издав слегка надменное «Хм!».

– Я знаю точно, – сказал он решительно. – Я человек доверчивый и ни о ком не думаю плохо, но когда я знаю что-то, значит, знаю. Ее убил тот человек, который сидел в той машине. Она выбежала, чтобы поговорить с ним, а он не остановился.

Михаэлис тоже видел это, но ему и в голову не пришло, что это может иметь какое-то значение. Он считал, что миссис Уилсон просто убегала от своего мужа, а не пыталась остановить какой-то конкретный автомобиль.

– Зачем ей было это делать?

– Она – глубокий омут, – сказал Уилсон, будто это означало ответ на вопрос. – А-а-а! А-а-а!

Он снова начал качаться из стороны в сторону, а Михаэлис стоял, крутя поводок в руке.

– Может, у тебя есть какой-нибудь друг, которому я мог бы позвонить, Джордж?

Надежда была призрачной: он был почти уверен, что у Уилсона нет друзей. Какие могли быть у него друзья, если его не хватало даже на жену? Он обрадовался, когда заметил чуть позже в комнате перемену, первые признаки пробивающегося через мрак ночи голубого свечения в окне и понял, что скоро рассвет. Около пяти часов за окном было уже достаточно светло, чтобы можно было выключить свет.

Уилсон посмотрел своими стеклянными глазами в окно, на кучи золы, над которыми носились маленькие серые облака, принимая фантастические очертания, в легком ветерке зари.

– Я говорил с ней, – пробормотал он после долгого молчания. – Я сказал ей, что она может обманывать меня, но она не может обмануть Бога. Я подвел ее к окну, – сделав усилие, он встал и подошел к окну, выходящему во двор, упершись лицом в него, – и сказал: «Бог видит, что ты делаешь, все видит, что ты делаешь. Ты можешь обманывать меня, но ты не можешь обмануть Бога!»

Став за спиной у него, Михаэлис вдруг испытал шок, увидев, что он смотрит прямо в глаза Доктора Т. Эклюберга, бледного и огромного, который только что появился из рассеивающегося мрака ночи.

– Бог все видит, – повторил Уилсон.

– Это рекламный плакат, – заверил его Михаэлис. Что-то заставило его отвести взгляд от окна и посмотреть в комнату. Уилсон же продолжал стоять у окна еще долго, приблизив лицо к стеклу и кивая головой в сторону сумерек.

К шести часам утра Михаэлис был уже измотан вконец и звук тормозов автомобиля, остановившегося у гаража, воспринял с благодарностью. Приехал один из участников бдения прошедшей ночи, который обещал вернуться; он приготовил завтрак на троих, который он и еще один человек съели вместе. Уилсон к этому времени вел себя уже спокойнее, и Михаэлис пошел домой спать; проснувшись через четыре часа, он поспешил в гараж, но Уилсона там уже не было.

Позже был установлен маршрут его перемещения – он был на ногах все время: следы его вели в Порт-Рузвелт, а оттуда в Гадс-Хилл, где он купил сендвич, который остался нетронутым, и чашку кофе. Должно быть, из-за усталости он шел очень медленно, так как появился в Гадс-Хилле только к полудню. До этого момента проследить его действия было несложно: есть свидетельство мальчишек, которые видели мужчину, который «вел себя как-то странно», и водителей автомобилей, на которых он странно косился, идя по обочине дороги. Потом на три часа он полностью исчез из виду. Полиция на основании его слов, какие он сказал Михаэлису, что он «может что-то вычислить», выдвинула версию, что он в это время ходил от гаража к гаражу, расспрашивая о желтом автомобиле. С другой стороны, не было ни одного работника гаража, который бы его видел; возможно, у него был более простой и надежный способ выяснить то, что он хотел узнать. К половине третьего ночи он уже был в Уэст-Эгге, где спросил кого-то, как пройти к дому Гэтсби. Следовательно, к тому времени он уже знал имя Гэтсби.

В два часа ночи Гэтсби надел свой купальный костюм и дал дворецкому указание, что, если кто-нибудь позвонит по телефону, чтобы он принес аппарат ему в бассейн. Он задержался у гаража, чтобы надуть свой надувной матрац, которым так восхищались его гости этим летом, и шофер помог ему накачать его насосом. Потом он дал указания, чтобы его открытый автомобиль ни в коем случае не выкатывали из гаража, что было странно, так как переднее правое крыло требовало рихтовки.

Гэтсби закинул матрац на плечо и направился в бассейн. Один раз он остановился, чтобы немного поправить его на плече, и шофер спросил, не нужна ли ему помощь, на что он покачал головой и через мгновение исчез среди желтеющих деревьев.

Телефон молчал, но дворецкий не спал всю ночь, ожидая звонка до четырех утра – много позже того момента, когда кому-нибудь еще можно было поднести его, если бы он зазвонил. Я подозреваю, что и сам Гэтсби не верил в то, что он зазвонит, и ему, наверно, уже было все равно. Если это было так, тогда он, должно быть, понял, что потерял этот свой старый, уютный и теплый мир, заплатил высокую цену за то, что слишком долго жил одной-единственной мечтой. Он, должно быть, взглянул на незнакомое небо сквозь пугающую осеннюю листву и содрогнулся от внезапного осознания того, как же уродлива на самом деле роза и как жестоки солнечные лучи к едва пробившейся из земли траве. Новый мир, хоть и материальный, но не настоящий, в котором несчастные привидения, дыша мечтами, как воздухом, плыли по воле случая вокруг... как вон та пепельная, фантастическая фигура, скользкая сквозь бесформенные деревья по направлению к нему.

Шофер (он оказался одним из протеже Вольфсхайма) слышал выстрелы: позже он смог сказать лишь, что не придавал им большого значения. Я примчался со станции прямо к дому Гэтсби, и только после той спешки и тревоги, с которой я взбежал по ступенькам крыльца, кто-то из них вообще встревожился. Но они уже тогда обо всем знали – я в этом твердо убежден. Не говоря друг другу почти ни слова, мы четверо: шофер, дворецкий, садовник и я, – помчались к бассейну.

На поверхности воды едва улавливалось слабое движение: это поток свежей воды пробивался к стоку на противоположной стороне бассейна. Вместе с мелкой рябью, которую едва ли можно назвать даже чем-то похожим на волны, матрац с грузом перемещался неравномерно вдоль бассейна. Легкого порыва ветра, который едва морщил поверхность воды, хватало, чтобы изменить случайное направление его движения с его случайным грузом. От соприкосновения со скоплением листьев матрац медленно стал разворачиваться, проводя, подобно ножке циркуля, тонкий красный круг по воде.

И только после того, как мы направились с телом Гэтсби к дому, садовник нашел тело Уилсона, лежащее немного поодаль в траве, дополнив картину кровавого жертвоприношения.

ГЛАВА 9

Прошло уже два года, и моя память сохранила остаток того дня, всю ночь и следующий день только в виде бесконечной вереницы полицейских, фотографов и газетчиков, входящих и выходящих из входной двери дома Гэтсби. Веревка была натянута поперек главных ворот, и полицейский приставлен к ней для того, чтобы отгонять любопытных мальчишек, однако они вскоре обнаружили, что можно пройти через мой двор, и небольшая кучка их с открытыми ртами постоянно вертелась возле бассейна. Какой-то человек с самоуверенным видом, вероятно детектив, произнес слово «сумасшедший» после того, как исследовал тело Уилсона в тот вечер, и непреднамеренная солидность его голоса задала тон газетным репортажам на следующее утро.

Большинство этих репортажей оказались просто кошмарными: нелепыми, полными несущественных подробностей, предвзятыми и далекими от истины. Когда из слов Михаэлиса на дознании стало ясно, что Уилсон подозревал свою жену в неверности, я подумал, что вся эта история вскоре будет подана как пасквиль с пикантными подробностями, однако Кэтрин, которая могла бы сообщить какие-то подробности, не сказала на этот счет ни слова. Она также показала на удивление недюжинный характер в этом деле: посмотрев следователю прямо в глаза решительным взглядом из-под наведенных бровей, она поклялась, что ее сестра никогда в жизни не видела Гэтсби, что ее сестра была совершенно счастлива со своим мужем и что ее сестра никогда не крутила ни с кем интрижки. Она убеждала сама себя в этом, и даже заплакала в носовой платок, будто уже само подозрение в чем-то подобном было для нее невыносимым. Поэтому Уилсон был понижен до ранга мужа, «обезумевшего от горя», чтобы сюжет этой истории сохранить в его самом простом виде. И таким он и остался.

Однако вся эта сторона этой истории казалась мне далекой и несущественной. На стороне Гэтсби оказался я, и я один. С того самого момента, как я позвонил в поселок Уэст-Эгг и сообщил об этой катастрофе, все догадки касательно него и все практические вопросы адресовались мне. Поначалу меня это удивляло и приводило в замешательство, но потом, когда я увидел, что проходит час за часом, а он лежит в своем доме, неподвижный, бездыханный и не могущий сам за себя говорить, я понял, что ответственность за него лежит на мне, потому что больше никто не проявлял к нему никакого интереса, я имею в виду, того личного заинтересованного участия, на которое каждый человек имеет все-таки какое-то право после смерти.

Я позвонил Дэйзи через полчаса после того, как мы нашли его, набрал ее номер машинально, на автомате. Однако они с Томом уехали сразу после полудня и взяли с собой вещи.

– И что, не оставили адреса?

– Не оставили.

– Можете сказать, когда они вернуться?

– Не могу.

– Куда они могли поехать, как вы думаете? Как мне найти их?

– Не знаю. Не могу сказать.

Я хотел привести кого-нибудь к нему. Я хотел зайти к нему в комнату, где он лежал, и заверить его: «Я обязательно приведу кого-нибудь к тебе, Гэтсби. Не волнуйся. Просто доверься мне, и я приведу кого-нибудь к тебе...».

Телефона Мейера Вольфсхайма в телефонной книге не оказалось. Дворецкий дал мне адрес его конторы на Бродвее, и я позвонил в справочное бюро, но когда у меня уже был нужный номер, было уже далеко за пять часов вечера, и никто на звонки не отвечал.

– Вы будете звонить еще раз?

– Я звонил им уже три раза.

– Это очень важно.

– Сожалею, но, боюсь, там никого нет.

Я вернулся в гостиную, и на какое-то мгновение подумал, что все они – случайные посетители, все эти чиновники, которые внезапно заполнили комнату. Но, когда они отвернули край простыни и посмотрели на Гэтсби, на его застывшие глаза, его протест продолжил звучать в моих ушах:

– Слушай, старик, ты должен привести кого-нибудь ко мне. Ты должен постараться. Я не могу проходить через это все один.

Кто-то начал задавать мне вопросы, но я убежал от него и, поднявшись на второй этаж, начал поспешно рыться в незапертых ящиках его письменного стола: он никогда мне однозначно не говорил, что его родителей уже нет в живых. Но там не оказалось ничего – лишь фотография Дэна Коди, символ забытого убийства, который смотрел пристально со стены.

На следующее утро я отправил дворецкого в Нью-Йорк с письмом к Вольфсхайму, в котором запрашивал информацию и просил его срочно приехать на ближайшем поезде. Эта просьба показалась мне излишней, когда я ее написал. Я был уверен, что он ужаснется, когда откроет газеты, точно так, как я был уверен в том, что от Дэйзи придет телеграмма еще до полудня, но ни телеграммы, ни мистера Вольфсхайма так и не появилось: не приехал никто, только появилось еще больше полицейских, фотографов и газетчиков. Когда дворецкий принес ответ от Вольфсхайма, у меня уже начало расти ощущение какой-то солидарности с Гэтсби в презрении к ним всем, ощущение того, что мы бросаем им всем вызов.

Дорогой мистер Каррауэй! Для меня это был один из самых страшных ударов в моей жизни, и я даже с трудом могу поверить, что это вообще на самом деле произошло. Такой сумасбродный поступок, который совершил этот человек, должен всех нас заставить серьезно задуматься. Я не могу приехать сейчас, так как я завязан в одном очень важном деле и не могу впутываться в это сейчас. Если будет что-то, что я смогу сделать немного позже, сообщите мне в письме и передайте через Эдгара. Я едва понимаю, где нахожусь, когда слышу о подобном; я совершенно поражен и сражен этим страшным известием.

Искренне ваш,
Мейер Вольфсхайм

И ниже мелким почерком:

Сообщите мне о похоронах и проч. совершенно не знаю ничего о его близких.

Когда телефон зазвонил вечером того дня и телефонистка междугородной связи сказала, что на линии Чикаго, я подумал, что это, наконец, звонит Дэйзи. Однако на другом конце провода послышался мужской голос, очень тихий и отдаленный:

– Это Слейл...

– Слушаю вас. – Фамилия была незнакомой.

– Ну и новость, не так ли? Ты получил мою телеграмму?

– Не было никаких телеграмм.

– Молодой Парк в беде, – быстро затараторил он. – Они повязали его, когда он передавал облигации из-под прилавка. Они получили циркуляр из Нью-Йорка со всеми номерами за пять минут до того. Может, ты что-нибудь знаешь об этом, а? Никогда не знаешь, на что наткнешься в этих провинциальных городах...

– Алло! – прервал я, задыхаясь. – А теперь послушай меня: это не мистер Гэтсби. Мистер Гэтсби мертв.

На другом конце провода воцарилась долгая тишина, потом раздался возглас... потом щелчок – и связь оборвалась.

Кажется, это было на третий день, когда пришла телеграмма за подписью «Генри Гэтц» из какого-то городка в Миннесоте. В ней сообщалось лишь, что отправитель выезжает немедленно и просит задержать похороны до его приезда.

Это был отец Гэтсби, седовласый старик, беспомощный и потрясенный известием, закутанный в длинное дешевое пальто, несмотря на теплый сентябрьский день. Его глаза выдавали в нем постоянное волнение, так что когда я взял сумку и зонтик у него из рук, он принялся тереть свою редкую седую бороду так усиленно, что мне было трудно снять с него пальто. Он был на грани обморока, поэтому я завел его в музыкальную комнату и усадил там, распорядившись принести ему что-то поесть. Но он есть не захотел, а молоко выливалось из стакана, когда он брал его своей трясущейся рукой.

– Я прочитал об этом в чикагской газете, – сказал он. – В чикагской газете обо всем этом было написано. И я сразу начал собираться в путь.

– Я не знал, как сообщить вам.

Его глаза, ничего перед собой не видя, непрерывно бегали по комнате.

– Это был какой-то сумасшедший, – сказал он. – Это точно был сумасшедший.

– Хотите кофе? – я предложил ему.

– Я ничего не хочу. Мне всего достаточно, мистер...

– Каррауэй.

– Мне всего достаточно. Где они положили Джимми?

Я ввел его в гостиную, где лежал его сын, и оставил там. Несколько мальчиков поднялись по лестнице и заглядывали в зал; когда я сказал им, кто приехал, они нехотя удалились.

Через некоторое время мистер Гэтц открыл дверь и вышел; его рот был полуоткрыт, на лице был небольшой румянец, из глаз текли редкие слезы. Он достиг уже того возраста, когда смерть утрачивает свою устрашающую неожиданность, и когда он оглянулся вокруг себя впервые за все это время и увидел высоту потолков и все великолепие холла и огромных комнат, открывающихся из него, к его горю стала примешиваться некая благоговейная гордость. Я помог ему подняться в спальню наверху; пока он снимал пиджак и жилетку, я сообщил ему, что все приготовления насчет похорон были отложены до его приезда.

– Я не знал, какими будут ваши пожелания, мистер Гэтсби...

– Гэтц – моя фамилия.

– ...мистер Гэтц. Я подумал, что, быть может, вы захотите увезти тело на Запад.

Он покачал головой.

– Джимми всегда предпочитал Восток. Он достиг своего высокого положения на Востоке.

А вы были другом моего мальчика, мистер...?

– Мы были близкими друзьями.

– У него впереди было большое будущее, как вы знаете. Он был еще очень молод, но вот здесь у него было много ума.

Он многозначительно коснулся своей головы, и я кивнул головой в знак согласия.

– Если бы он был жив, он стал бы великим человеком. Таким, как Джеймс Джером Хилл.

Он бы помог построить нашу страну.

– Это правда, – сказал я, чувствуя неловкость.

Он начал ощупывать вышитое покрывало, пытаясь найти его край и снять с кровати, а потом повалился на кровать и мгновенно заснул.

В тот вечер позвонил еще один явно испуганный некто, и потребовал у меня, чтобы я представился прежде, чем это сделает он.

– Это мистер Каррауэй, – сказал я.

– О! – с облегчением выдохнул он. – Это Клипспрингер.

Я тоже испытал облегчение, так как это означало, что у могилы Гэтсби будет присутствовать еще один друг. Я не хотел давать объявление в газеты и привлекать толпу зевак на его похороны, поэтому я пытался собрать горстку людей своими силами. Найти их было трудно.

– Похороны завтра, – сказал я. – В три часа здесь, у его дома. Я хочу, чтобы вы передали это всем, кто заинтересуется.

– Я передам, передам, – выпалил он торопливо. – Правда, я вряд ли кого-либо увижу, но если увижу, то передам.

Его тон показался мне подозрительным.

– И, конечно же, мы ожидаем увидеть завтра вас здесь.

– Что ж, я, конечно же, постараюсь. Звоню я, собственно, вот по какому поводу...

– Минуточку! – прервал его я. – Вы не ответили: вы придете?

– Понимаете, дело в том... по правде говоря, я живу постояльцем у одних людей здесь в Гринвиче, и они рассчитывают на меня завтра. У них завтра будет что-то типа пикника. Я, конечно, приложу максимум усилий, чтобы сбежать оттуда.

У меня невольно вырвалось «Что???», и он, должно быть, услышал, так как продолжал уже нервно:

– Я звоню главным образом по поводу туфель, которые я оставил в том доме. Я хотел бы спросить, не будет ли вам сложно распорядиться, чтобы дворецкий прислал их мне. Дело в том, то это теннисные туфли, и я без них, как без рук. Мой адрес: для передачи в руки В. Ф...

Я не услышал окончания диктуемого имени, так как повесил трубку.

После этого мне довелось испытать некоторый стыд за Гэтсби: один джентльмен, которому я позвонил, дал мне понять, что Гэтсби получил то, что заслужил. Правда, в этом виноват был я сам, так как это был один из тех, кто злее всех смеялся над Гэтсби, расхрабрившись от его же крепких напитков, и мне просто не следовало ему звонить.

Утром в день похорон я отправился в Нью-Йорк, чтобы лично встретиться с Мейером Вольфсхаймом, так как никакого иного способа достучаться до него у меня, похоже, не осталось. На двери, которую я открыл по совету мальчика-лифтера, висела табличка «Холдинговая компания Свастика», и сперва мне показалось, что внутри никого нет. Но после того, как я громко крикнул «здравствуйте» несколько раз в пустоту, за перегородкой послышалась сдавленная борьба, и на пороге внутренней двери появилась миловидная молодая еврейка, которая вонзилась в меня своими черными, враждебными глазками.

– Здесь никого нет, – сказала она. – Мистер Вольфсхайм уехал в Чикаго.

Первая часть этой фразы была явной неправдой, поскольку кто-то внутри, за дверью в этот момент начал нестройно насвистывать «Розарий» Поля Робсона.

– Пожалуйста, передайте ему, что мистер Каррауэй хочет видеть его.

– Но ведь я не могу побежать за ним в Чикаго и доставить его вам, не так ли?

В этот момент чей-то голос, который я безошибочно определил как голос Вольфсхайма, крикнул: «Стелла!» из-за двери.

– Оставьте записку с вашим именем на столе, – быстро сказала она. – Я передам ее ему, когда он вернется.

– Но я ведь знаю, что он здесь.

Она сделала шаг в мою сторону и от негодования стала руками гладить себя по бедрам.

– Вы, молодые люди, думаете, что можете бесцеремонно вторгаться сюда, когда вам вздумается, – начала ругаться она. – Нам это уже начинает надоедать. Если я говорю, что он в Чикаго, значит, он в Чикаго.

Я назвал имя Гэтсби.

– О! – Она вновь осмотрела меня с ног до головы. – Так вы... как ваше имя?

Она исчезла за дверь. Через мгновение Мейер Вольфсхайм стоял с торжественным видом на пороге, протягивая ко мне обе руки. Он ввел меня за руку в свою контору, заметив почтительным голосом, что это печальное время для всех нас, и предложил мне сигару.

– Моя память возвращает меня к тому времени, когда я впервые встретил его, – сказал он. – Молодой майор, только что из армии, весь в орденах, которые он получил на войне. Он был настолько беден тогда, что вынужден был ходить везде в своем мундире, так как не мог позволить себе купить обычную одежду. Первый раз я увидел его, когда он пришел в штаб-квартиру Уайнбрэннера на Сорок третьей улице и попросил дать ему какую-нибудь работу. Он не ел ничего уже несколько дней. «Пошли со мной, пообедаем», – сказал я. Он съел более чем на четыре доллара за полчаса.

– Это вы помогли ему начать бизнес? – поинтересовался я.

– Помог начать?! Да я сделал его!

– О!

– Я сделал его буквально из ничего, вытащил из подворотни. Я сразу увидел, что это воспитанный молодой человек приятной наружности, а когда он сказал мне, что учился в Отгсфорде, я понял, что смогу найти ему хорошее применение. Я помог ему вступить в Американский Легион, и он там был на высоком счету. Почти сразу после того он выполнил кое-какую работу для одного моего клиента из Олбани. Мы были с ним в одной упряжке во всем, – он поднял вверх два узловатых пальца, – всегда вместе.

Мне стало интересно, имело ли это партнерство отношение к скандалу с Мировой лигой в 1919 году.

– Теперь его уже нет в живых, – сказал я через некоторое время. – Вы были его ближайшим другом, поэтому я уверен, что вы захотите прийти на его похороны сегодня вечером.

– Хотелось бы прийти.

– Ну, так приходите тогда.

Волосы в его ноздрях слегка шевельнулись, и глаза наполнились слезами, когда он отрицательно покачал головой.

– Нет, прийти я не могу: я не могу впутываться в это, – сказал он.

– Здесь не во что впутываться. Все ведь уже кончено.

– Когда убивают человека, я стараюсь никогда и никаким боком не впутываться в это. Я держусь в стороне. Когда я был молод, все было иначе: если умирал какой-то мой друг, – неважно, при каких обстоятельствах, – я был с ним до конца. Вы, может быть, подумаете, что я слишком сентиментален, но это так: я был с ним до самого его горького конца.

Я понял, что по какой-то своей причине он был твердо настроен не приходиться, поэтому я встал.

– Вы заканчивали колледж? – неожиданно спросил он.

Я, было, подумал, что он собирается предложить мне какой-нибудь «гонтагт», но он только покачал головой и пожал мне руку.

– Давайте учиться проявлять наше дружеское отношение к человеку, когда он жив, а не когда мертв, – предложил он. – После того, как он умер, мое правило – все оставить в покое.

Когда я вышел из его конторы, небо затянуло темными тучами, и мне пришлось возвращаться в Уэст-Эгг под моросящим дождем. Переодевшись, я открыл соседнюю дверь и увидел, что мистер Гэтц возбужденно ходит взад-вперед по холлу. Его гордость за собственного сына и за его богатство постоянно росла в нем, и теперь он уже что-то хотел мне показать.

– Джимми прислал мне вот эту фотографию. – Дрожащими руками он вынул из кармана свой бумажник. – Вот, взгляните!

Это была фотография дома, потрескавшаяся на углах и засаленная, явно побывавшая во многих руках. Он начал показывать мне каждую деталь на ней, с нетерпением ожидая от меня реакции. – Посмотрите вот на это! – говорил он и затем всматривался в мои глаза, ища в них

восхищение. Он показывал мне эту фотографию так часто, что, я думаю, она была теперь для него большей реальностью, чем сам изображенный на ней дом.

– Джимми прислал мне ее. Это очень красивая фотография. Дом на ней очень хорошо смотрится.

– Да, очень хорошо. Вы виделись с ним в последнее время?

– Однажды он вырвался два года назад и приехал ко мне; тогда и купил мне этот дом, в котором я живу сейчас. Конечно, мы не общались с ним, когда он только сбежал из дома, но сейчас я вижу, что у него была на то причина. Он знал, что у него впереди большое будущее. А с тех пор, как он добился успеха в жизни, он был очень щедр со мной.

По всей видимости, ему не хотелось прятать обратно эту фотографию; он продолжал держать ее перед моими глазами, колеблясь, еще с минуту. Затем вернул бумажник в карман и достал оттуда потрепанную старую книгу под названием «Прыг-скок Кассиди».

– Вот, посмотрите: это книга, которую он читал в детстве. Она говорит сама за себя.

Он открыл ее на последней странице обложки и повернул ко мне, чтобы мне было видно. На последнем чистом листе книги было написано печатными буквами слово «Расписание» и стояла дата: 12 сентября 1906 г. А под этим словом:

Подъем... 6:00 утра
Упражнения с гирями и лазание по стене... 6:15-6:30
Изучение электричества и проч... 7:15-8:15
Работа... 8:30–16:30
Бейсбол и др. спортивные занятия... 16:30–17:00
Упражнения в красноречии, самообладание и как его достичь 17:00–
18:00
Изучить необходимые изобретения... 7.00-9.00

ОБЩИЕ ВОЛЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

Не терять больше времени у Шафтеров или (фамилия, неразборчиво)

Больше не курить и не жевать жвачку

Принимать ванну через день

Читать по одной книге или журналу в неделю по улучшению манер

Экономить 5 долларов (зачеркнуто) 3 доллара в неделю

Лучше относиться к родителям

– Я наткнулся на эту книгу совершенно случайно, – сказал старик. – Она говорит сама за себя, правда ведь?

– Джимми просто обязан был пробиться в жизни. Он всегда ставил перед собой какие-то задачи, как вот эти, например. А вы заметили, что он говорит здесь об улучшении своих манер? Он всегда обращал на это внимание. Однажды он мне сказал, что я ем, как свинья, за что я тогда ему всыпал.

Ему явно не хотелось закрывать книгу: он читал вслух каждый пункт расписания, после чего поднимал глаза на меня, жадно ловя мою реакцию, будто ждал, что я попрошу его дать мне переписать это расписание для моего личного пользования.

Около трех часов из Флашинга прибыл лютеранский священник, и я невольно стал выглядывать в окно, ожидая прибытия других машин. То же стал делать и отец Гэтсби. Время шло; после того, как в холл вошла прислуга и замерла в ожидании начала церемонии, священник начал беспокойно моргать глазами и неуверенно и с тревогой говорить о дожде. Он несколько раз уже посмотрел на свои часы, поэтому я отвел его в сторону и попросил подождать еще полчаса. Ожидание это, однако, оказалось бессмысленным. Никто так и не пришел.

Около пяти часов вечера наша процессия из трех автомобилей подъехала к кладбищу и остановилась у ворот под густым морозящим дождем: сперва самодвижущийся мокрый катафалк ужасного черного цвета, затем мы с мистером Гэтцем и священником в лимузине, а немного позже подъехали в фургоне Гэтсби четверо или пятеро слуг вместе с почтальоном из Уэст-Эгга, промокшие до нитки. Когда мы входили уже через ворота кладбища, я услышал, как за воротами притормозил какой-то автомобиль, и кто-то зашлепал по промокшей земле, спеша за нами. Я оглянулся. Это был тот самый человек в очках типа «велосипед», которого я увидел в библиотеке Гэтсби на одной вечеринке три месяца назад, и который восхищался тогда его книгами.

С тех пор я ни разу его не видел. Я не знаю, как он узнал о похоронах, и даже не знаю, как его зовут. Дождь заливал толстые стекла его очков, и он снял их и протер, чтобы видеть, как скручивают защитный брезент, который был натянут над могилой Гэтсби.

Я тогда попытался сосредоточить мои мысли на Гэтсби, но он уже был очень далек от меня, и единственное, что я вспомнил о нем, причем без негодования, – что Дэйзи не прислала ни записки, ни даже цветка. Я услышал, как кто-то пробормотал «Блаженны мертвые, которых омывает дождь», на что этот человек в очках типа «велосипед» произнес «Аминь!» бодрым голосом.

Быстрым шагом мы пробирались под дождем к машинам. У ворот «очки-велосипед» заговорили со мной.

– Я не смог придти в дом, – сообщил он.

– И никто не смог.

– Вот ведь как бывает! – вдруг воскликнул он. – Боже мой! Они ведь ходили в этот дом сотнями!

Он снял очки и снова протер их, изнутри и снаружи.

– Бедный сукин сын! – сказал он.

Одним из моих самых ярких воспоминаний является то, как я возвращался на Запад из приготовительной школы, а позже – из колледжа на Рождественские каникулы. Те из нас, кто ехал дальше Чикаго, собирались на старой полутемной Узловой станции в шесть часов темного декабрьского вечера ради того только, чтобы впопыхах попрощаться с несколькими своими чикагскими друзьями, которые уже пребывали в приподнятом настроении от предвкушения своих собственных каникулярных радостей. Помню меховые пальто девушек, возвращающихся с вечеринки у мисс такой-то или такой-то, пар, идущий из щебечущих на морозном воздухе губ, наши руки, машущие над головой при виде старых знакомых, и сверку приглачительных писем: «Вы приглашены к Ордуэям? Херси? Шульцам?», а также длинные зеленые приглачительные билеты, крепко удерживаемые нашими одетыми в перчатки руками. И, наконец, темные, желтые вагоны железнодорожных компаний Чикаго, Милуоки и Сент-Пола, ждущие на рельсах за ограждением, веселые, как само Рождество.

Когда мы отъехали от станции, погрузившись в темноту зимней ночи, и снежные просторы настоящего снега, нашего снега стали открываться перед нами и мелькать за окнами, и тусклые огни станций Висконсина проплывали мимо нас, воздух вдруг наполнился каким-то острым, невероятным ощущением неразрывной связи с ними. Мы вдыхали его в себя полной грудью, возвращаясь с обеда по холодным тамбурам вагонов, и это странное ощущение нашего невыразимого единства с этой местностью сохранялось у нас еще какой-то час прежде, чем мы растворились в ней до неразличимости снова.

Это он и есть, мой Средний Запад: не пшеничные поля, и не прерии, и не захолустные шведские городки, а волнующие возвращения домой в поездах моей юности, уличные фонари и колокольчики на саях в вечернюю стужу, а также тени в виде рождественских венков из остролиста от светящихся окон на снегу. Я – частичка его; я немного нетороплив: это от его долгих зим; немного самодоволен: это от того, что я рос в доме Каррауэй в городе, в котором дома до сих пор еще, спустя десятилетия, называются по фамилии их владельцев. Теперь я уже вижу, что история эта, по сути, история Западная: Том и Гэтсби, Дэйзи, Джордан и я, – все мы с Запада, и, возможно, в нас было что-то общее, какой-то общий недостаток, не позволивший нам полностью приспособиться к жизни на Востоке.

Даже на самом пике моего восхищения Востоком; даже тогда, когда я наиболее остро ощущал его превосходство над скучными, тянущимися бесконечной вереницей за пределами Огайо деревнями, разросшимися до размера городков, с их неувядающим интересом к личной жизни отдельных жителей, шадящим разве что детей и совсем уже древних стариков, – даже и тогда он всегда был для меня имеющим какую-то искаженность. Уэст-Эгг особенно до сих пор присутствует в моих наиболее фантастических снах. Он представляется мне в виде ночного пейзажа из Эль-Греко: сотня домов, обычных и в то же время сюрреалистических, падающих к земле под мрачным, тяжелым, нависающим небом и тусклой луной. На переднем плане четыре человека во фраках с важным видом шагают по тротуару с носилками в руках, на которых лежит пьяная женщина в белом вечернем платье. На свисающей с носилок холодной руке ее сверкают холодным блеском бриллианты. С тем же важным видом они поворачивают с носилками в ворота какого-то дома: дом оказывается не тот. Но никто не знает, как зовут эту женщину, и никого это не волнует.

После смерти Гэтсби Восток стал представляться мне именно в таком виде – искаженном до невозможности восстановить нормальное изображение. Поэтому, когда в воздухе появился сизый дым хрупкой увядшей листвы, а ветер своими ледяными порывами стал превращать влажное белье, висящее на веревке, в дерево, я решил возвратиться домой.

Оставалось одно дело, которое мне нужно было сделать прежде, чем уехать, – очень неприятное дело, которое, наверное, лучше было бы вообще оставить в покое. Но я хотел оставить порядок после себя, а не просто довериться этому услужливому и равнодушному морю,

что оно смывает своими волнами мои следы. Я встретился с Джордан Бейкер и долго рассказывал ей о том, что было между нами, об обстоятельствах, повлиявших на наши отношения, а также о том, что происходило после того со мной; она лежала совершенно неподвижно в большом кресле и слушала.

Она была в одежде для гольфа, и я помню, тогда я подумал, что если бы ее сфотографировать, получилась бы хорошая фотография для журнала: подбородок немного беспечно приподнят, волосы цвета осенних листьев, лицо того же коричневого оттенка, что и беспальцевая перчатка, лежащая у нее на колене. Когда я закончил свою речь, она сообщила мне без каких-либо вступлений, что она помолвлена с другим. Мне это показалось сомнительным, несмотря на то, что вокруг нее вертелось несколько женихов, за которых она могла выйти замуж по одному кивку головы, но я сделал вид, что удивлен. С минуту я колебался, не совершаю ли я ошибку, потом еще раз быстро все взвесил и встал, чтобы попрощаться.

– А ведь ты меня бросил, – вдруг сказала Джордан. – Ты бросил меня по телефону. Сейчас, конечно, мне уже наплевать на тебя и на все, что с тобой связано, но тогда это было для меня что-то новое, и какое-то время я не могла оправиться от шока.

Мы пожали друг другу руки.

– Ах, да: а помнишь, – прибавила она, – тот разговор между нами о вождении автомобилей?

– Н-не совсем.

– Ты сказал тогда, что плохому водителю ничего не угрожает только до того мгновения, пока ей не встретится другой плохой водитель. Похоже, я встретила второго плохого водителя, не так ли? Я хочу сказать, что с моей стороны было беспечно так ошибиться в моих догадках о тебе. Я думала, что ты все-таки честный, прямой человек. Я думала, что это предмет твоей тайной гордости.

– Мне тридцать лет, – сказал я. – Уже пять лет, как я вышел из того возраста, когда я мог врать самому себе и называть это честностью.

Она ничего не ответила. Злой, наполовину еще влюбленный в нее и полный горечи сожаления, я повернулся и вышел.

Однажды вечером в конце октября я увидел Тома Бьюкенена. Он шел впереди меня по Пятой Авеню своей настороженной, агрессивной походкой со слегка разведенными в стороны руками, будто готовыми к отражению нападения; его голова резко поворачивалась в разные стороны, следуя за его беспокойными, вечно бегающими глазами. В тот момент, когда я замедлил шаг, чтобы не перегонять его, он остановился и начал всматриваться в окна ювелирного магазина. Вдруг он увидел меня и отступил назад, протягивая мне руку.

– В чем дело, Ник? Ты что, не хочешь пожать мне руку?

– Не хочу. Ты знаешь, что я о тебе думаю.

– Ты с ума сошел, Ник! – сказал он. – Слетел с катушек. Какая муха тебя укусила?

– Том, – сказал я, – что ты сказал тогда вечером Уилсону?

Он уставился на меня, не говоря ни слова, и я понял, что правильно догадался о том, что происходило в те часы, когда Уилсон полностью исчез из виду. Я развернулся и начал было уходить, но он сделал шаг в мою сторону и схватил меня за руку.

– Я сказал ему правду, – сказал он. – Он подошел к двери, когда мы уже готовы были уезжать, а когда я послал сказать ему, что нас нет дома, он попытался силой прорваться к нам наверх. Он был в таком безумном состоянии, что мог бы запросто убить меня, если бы я не сказал ему, кому принадлежит автомобиль. Его рука лежала на револьвере в кармане все время, пока он находился в доме... – Вдруг его тон стал вызывающим. – Ну и что, что я сказал ему? Этот тип сам нарвался. Он бросил пыль в твои глаза точно так же, как и в глаза Дэйзи,

но на самом деле это был жестокий человек. Он переехал Миртл, как какую-то собаку, и даже не остановил свой автомобиль.

Мне нечего было сказать ему, кроме того единственного непроизносимого факта, что это была неправда.

– И если ты думаешь, что я не испил свою чашу страданий, то послушай: когда я пришел в ту квартиру, чтобы избавиться от нее, и увидел ту чертову коробку с собачьими галетами, стоящую там, на буфете, я сел и заплакал, как ребенок. Клянусь богом, это было ужасно...

Я не мог ни простить его, ни сострадать ему, но из его слов я понял, что то, что он сделал, было в его глазах абсолютно оправданным. Вся их жизнь была такой – крайне беспечной и беспорядочной. Они были неосторожными, беспечными людьми, Том и Дэйзи: они разбивали вдребезги предметы и лишали жизни живых существ, а потом возвращались в свою нору из

мешков денег или своей космической беспечности, или чего там еще, что объединяло и удерживало их вместе, предоставляя другим расхлебывать ту кашу, которую они заварили...

Я пожал ему руку; было глупо не сделать этого, так как в какое-то мгновение я понял, что разговариваю с ребенком. После этого он вошел в свой ювелирный магазин покупать жемчужное ожерелье – или, быть может, всего лишь пару запонок, – избавленный навеки от моей провинциальной ранимости.

Дом Гэтсби был по-прежнему пуст, когда я уезжал: трава на его газоне стала такой же высокой, как и на моем. Один из водителей такси на поселке, проезжая мимо ворот Гэтсби, каждый раз останавливался на минутку и показывал пальцем внутрь ворот; скорее всего, именно он довез Дэйзи и Гэтсби до Ист-Эгга в ту злосчастную ночь, и, скорее всего, у него была своя версия всей этой истории. У меня не было никакого желания услышать ее, и я обходил его стороной всегда, когда сходил с поезда.

Субботние вечера я проводил исключительно в Нью-Йорке, потому что память о тех блестящих, ослепительных вечеринках у Гэтсби была во мне настолько жива, что до сих пор мне все еще казалось, что я слышу приглушенные звуки музыки и смеха, непрерывно доносящиеся из его сада, и шум автомобилей, подъезжающих и отъезжающих от его дома. Однажды вечером я таки услышал шум реального, а не воображаемого автомобиля и увидел, как огни его фар замерли у его крыльца. Но я не пытался выяснять подробности. Скорее всего, это был кто-то из его гостей, который жил все это время где-то на краю земли и не знал, что пир уже окончен.

В ночь накануне отъезда, когда мой чемодан был уже собран, а автомобиль продан бакалейщику, я заглянул на соседний газон, чтобы еще раз окинуть взглядом этот огромный до нелепости дом, не принесший удачи. На белых ступеньках крыльца в лунном свете ясно виделось неприличное слово, нацарапанное куском кирпича каким-то мальчишкой; я стер его, проведя жесткой подошвой моего ботинка по камню. Потом я медленно спустился к пляжу и растянулся на песке.

Большая часть больших прибрежных заведений к этому времени уже была закрыта, и берег был погружен во тьму, которую едва прорывали движущиеся огни какого-то парома на Проливе. А когда луна поднялась выше, все эти несущественные детали в виде зданий стали постепенно растворяться, пока перед моими глазами не проявился девственный ландшафт того древнего цветущего острова, который однажды предстал во всем своем цветении пред очами датских моряков, – пышущее свежестью, зеленое лоно нового мира. Его исчезнувшие ныне деревья, – деревья, которые уступили место дому Гэтсби, – когда-то тихим шелестом своей листвы потворствовали осуществлению последней и величайшей мечты человека; на какие-то мгновения он, должно быть, невольно затаил дыхание от восторга и очарования, оказавшись вдруг погруженным в реальность этого континента, в некое эстетическое созерцание, которое для него было и непонятным, и нежеланным, в последний раз в истории столкнувшись лицом к лицу с чем-то соизмеримым со всей его способностью удивляться.

Сидя на берегу и размышляя так об этом древнем, неизвестном мире, я подумал вдруг об удивлении Гэтсби, когда он впервые увидел и выбрал для себя в качестве цели тот зеленый огонек в конце причала Дэйзи. Он очень долго шел к этому голубому газону,⁵ и его мечта, должно быть, казалась ему настолько близкой, что он вряд ли думал, что может упустить ее. Он не знал, что уже упустил ее, что она осталась где-то позади него в той необъятной тьме за пределами города, в которой темные поля республики простирались под ночным небом.

Гэтсби верил в зеленый цвет, в то раскрепощенное будущее, которое год за годом ускользает от нас, пятясь перед нами. Оно ускользнуло от нас тогда, но это ничего не значит: завтра

⁵ Имеется в виду Дэйзи, которая родом из штата Кентукки, славящегося холмистыми равнинами, поросшими голубой травой под названием мятлик луговой – *прим. перев.*

мы будем бежать быстрее, будем простира́ть наши руки дальше... И тогда, в одно прекрасное утро...

И мы бьемся дальше, держа наши лодки против течения, которое непрерывно относит нас назад, в прошлое.

НОЧЬ НЕЖНА

*Джеральду и Саре посвящается.
Пусть вся Ваша жизнь будет праздником!**

* Роман посвящён друзьям Фицджеральда Джеральду и Саре Мэрфи, с которыми он немало общался, живя на мысе Антиб (юг Франции) в 1925 году.

*А мы опять вдвоём! И ночь нежна...
Но всюду мрак! И лишь из поднебесья
Сквозь вековые кроны лунный свет
Струится в заросли, где тихо шепчет ветер
И нам одним известная тропинка
Вся сплошь покрыта изумрудным мхом.*

Ода к Соловью¹

Часть 1

Глава 1

В одном из живописных уголков французской Ривьеры, на полпути между Марселем и итальянской границей, возвышается розоватое здание – «Hôtel des Etrangers»². Владельцем его является некий месть Госс. Раскалённый от жары фасад этого заведения затеняют, склоняя свои ветви, пальмы, а прямо перед ним простирается небольшой залитый солнцем пляж. Надо сказать, что модный курорт для именитой и фешенебельной публики здесь появился совсем недавно. Всего лишь десяток лет тому назад сезон здесь кончался в апреле, когда завсегда-таи-англичане откочёвывали на север, – и пляж пустовал! Теперь в этих местах теснятся множество одноэтажных домиков, однако в те времена, когда началась эта история, там было лишь не более десятка старых вилл, и среди вековых сосен, что тянутся на целых пять миль от отеля до самых Канн³, то тут, то там виднелись их похожие на увядшие водяные лилии купола.

Отель и жёлтая полоска пляжа составляли одно целое. На рассвете вода у берега становилась совершенно прозрачной, и в ней можно было увидеть дрожащие очертания далёких Канн, розовато-кремовые руины древних замков и фиолетовые вершины Альп⁴, за которыми начиналась Италия. Однако вскоре течение начинало раскачивать растущие близ отмели водоросли, на воде появлялась рябь, и все отражения разом расплывались, превращаясь в тысячи разноцветных пятен. Ближе к восьми часам из отеля выходил мужчина в синем купальном халате. Он направлялся к морю и сначала минут десять привыкал к не прогретой ещё воде, опуская в неё то руку, то ногу, а затем, наконец, громко пыхтя и покрываясь, решался окунуться. После его ухода на пляже ещё целый час не было ни души. Один за другим проплывали на горизонте тяжёлые торговые корабли; на заднем дворе отеля толпились и болтали официанты; роса на деревьях мало-помалу обсыхала. Ещё час – и оттуда, где вдоль невысоких Маурских гор⁵, отделявших побережье от Прованса⁶, петляло шоссе, начинали доноситься автомобильные гудки.

На расстоянии примерно одной мили от моря, там, где сосны сменяются пыльными тополями, есть маленькая железнодорожная станция. Именно оттуда июньским утром 1925 года в отель Госса прибыли в открытом автомобиле две женщины – мать и дочь. Лицо матери всё ещё хранило следы былой красоты, которая, однако, в самом ближайшем будущем обречена была исчезнуть под сеть морщин. Впрочем, глаза её излучали спокойствие и доброжелательность – возможно, что благодаря этому она и выглядела моложе своих лет. Однако всё это было ничто по сравнению с юной красотой её дочери! Вот кто поистине обладал способностью приковывать взгляд! Пожалуй, самое прекрасное, что в ней было – это румянец. Не только щёки, но и ладони у неё были нежно-розовыми, подобно тому, как это бывает у детей после вечернего купания в остывшей морской воде. У неё был красивый покатый лоб, который венчала пышная шапка густых золотисто-пепельных волос – они множеством локонов, волн и затейливых завитков ниспадали ей на плечи и спину. Глаза у неё были большие, ясные и выразительные. Они сияли восхитительным влажным блеском. Своим румянцем она вовсе не была обязана косметике; просто это её молодое здоровое сердце так гнало по всему её юному телу кровь, что местами она виднелась под самой кожей! Ей было почти восемнадцать, и её ещё не преступившая последней черты детства красота напоминала вот-вот готовую распусться розу.

– Что-то мне подсказывает, что в этих краях нас с тобой ждут одни неприятности, – заметила её мать, когда далеко внизу тонкой блестящей линией показалось море.

– Я вообще думаю, что пора домой, – ответила девушка.

И хотя голоса их звучали беззаботно, по их лицам было сразу видно, что путешествие их, будучи лишённым цели, наводит на них смертную тоску. Более того, далеко не всякая цель их бы удовлетворила! Похоже было, что и мать, и дочь одинаково снедаемы жаждой развлечений, но виной тому была вовсе не пресыщённость. Напротив, они чем-то напоминали школьников, которые, успешно завершив учебный год, считают себя вправе развлекаться на полную катушку!

– Давай побудем три дня, а затем вернёмся домой. Я сегодня же закажу билеты!

К администратору отеля девушка обратилась на безупречном, но всё же несколько вымученном французском. Полученный ими номер располагался на первом этаже. Подойдя к ослепительно сверкающей на солнце стеклянной двери, она вышла на каменную веранду, которая тянулась по всему периметру отеля. Походка её была грациозна, как у балерины. Она несла себя так изящно, как будто тело её было невесомо! Там, под отвесными лучами, её тень вдруг сделалась совсем крошечной, и она отступила назад – в глаза ей бил слепящий свет! За пятьдесят ярдов отсюда тысячью красок сверкало под беспощадным солнцем Средиземное море; на подъездной аллее, около балюстрады⁷, плавился от жары старенький бьюик⁸.

Окрестности оглашаемого множеством звуков пляжа были погружены в безмолвие. Чуть поодаль от моря сидели со своим вязаньем три старухи-англичанки, под монотонный аккомпанемент давным-давно выученных наизусть дежурных фраз вплетая в свои чулки-носки сначала медлительную степенность тех лет, когда им ещё только предстояло родиться, а вслед за ней стиль сороковых, шестидесятых и, наконец, восьмидесятых. Поближе к морю под полосатыми зонтиками расположились человек десять отдыхающих. Здесь же были их дети – одни из них резвились, ловя на мелководье непуганую рыбу, а другие загорали, и кожа их, щедро смазанная кокосовым маслом, блестела на солнце.

Как только Розмари вышла на пляж, мимо неё вдруг пронёсся какой-то подросток и с радостным криком бросился в воду. Чувствуя на себе не один любопытный взгляд, она сбросила свой купальный халат и последовала примеру этого мальчугана. Однако, проплыв всего лишь несколько ярдов, она поняла, что попала на мелководье, и потому ей пришлось нащупать ступнями дно и, с немалым трудом по очереди вытаскивая из воды свои стройные ноги, добираться вброд туда, где можно было спокойно поплавать. Когда вода стала доходить ей до груди, она обернулась. На берегу сидел лысый мужчина в трико. Выпятив волосатую грудь и втянув толстый живот, он самым бесцеремонным образом её разглядывал. Однако, встретившись с ней взглядом, он тотчас смутился и, мгновенно выронив свой монокль, который тут же исчез в покрывавших его грудь волосах, налил себе из стоявшей на песке бутылки стаканчик спиртного.

Отвернувшись от него, она поплыла к плоту. Вода подхватила её, принеся долгожданную прохладу. Она просачивалась в волосы и ласкала самые потаённые уголки её тела. Розмари нежилась в ней и барахталась, снова и снова кружа на одном месте. Доплыв до плота, она наконец выдохлась, однако, поймав на себе презрительный взгляд какой-то уже изрядно загоревшей, с ослепительно белыми зубами, дамы, и вспомнив, что её собственное тело пока ещё бело как снег, повернулась на спину, и течение понесло её обратно к берегу. Когда она вышла из воды, к ней тотчас же подошёл тот самый волосатый мужчина со стаканом.

– Позвольте предупредить вас, мисс, что за плотом могут быть акулы!

Какой он национальности, Розмари определить не могла, однако по-английски он говорил с протяжным оксфордским акцентом.

– Не далее как вчера поблизости Гольф-Жуана⁹ они слопали двух моряков! – добавил он.

– Боже, какой кошмар! – воскликнула Розмари.

– Вокруг флотилии в воде масса всяких объедков, вот они там и ищут, чем поживиться...

Затем, сделав постное лицо и тем самым дав понять, что заговорил он с нею исключительно из благих побуждений, мужчина отвернулся и засеменял прочь. Немного отойдя, он присел на песок и снова налил себе стаканчик.

Немного смутившись и одновременно гордясь тем, что во время этого короткого разговора она на миг оказалась в центре внимания окружающих, Розмари принялась присматривать себе местечко, где можно отдохнуть. Каждая семья располагалась под отдельным зонтом и прилегающую к нему территорию считала, по-видимому, своей собственностью. К тому же, многие здесь ходили «в гости» и перекрикивались. Словом, похоже было, что все отдыхающие уже давным-давно перезнакомились, и лезть в чужой монастырь со своим уставом было бы верхом невоспитанности. Однако чуть поодаль от моря, где пляж был усыпан галькой и засохшими водорослями, сидела компания новичков. Их кожа, как и у Розмари, была ещё совершенно лишена загара, а вместо огромных пляжных зонтов у них были обыкновенные ручные. Взглянув на них, девушка тотчас решила, что они, как и она сама, приехали сюда совсем недавно. Расстелив неподалёку от них свой пеньюар, она прилегла на песок.

Поначалу до неё доносился лишь сплошной гул, в котором она не могла различить ни слова. Время от времени по звуку шагов и мельканию теней она угадывала, что кто-то проходит мимо. В какой-то момент к ней подошёл чей-то любопытный пёс, и она почувствовала на своей шее его горячее дыхание. От жгучего солнца кожа её уже слегка покраснела, но она всё лежала и лежала, прислушиваясь к шёпоту затихающих волн. Вскоре, однако, она стала различать отдельные голоса, и ей довелось услышать, что некий человек, презрительно именуемый «этот пройдоха Норт», не далее как вчера вечером похитил, намереваясь распилить его надвое, в одном из каннских кафе официанта. Повелада сию историю убелённая сединами дама в вечернем платье. Надо полагать, она просто не успела переодеться после вчерашнего вечера, ибо голову её всё ещё украшала диадема, а с плеча свисала увядшая орхидея. Почувствовав смутную неприязнь и к ней, и к её спутникам, Розмари отвернулась.

С противоположной стороны ближе всего к ней оказалась лежавшая под навесом из зонтов молодая женщина. Положив на песок раскрытую книгу, она что-то тщательно выписывала из неё на листочек бумаги. Бретельки её купальника были спущены, и обнажённая спина блестела на солнце. Нитка кремового жемчуга красиво оттеняла ровный медно-коричневый загар. В её на редкость миловидном лице угадывалась одновременно и властность и потребность в сострадании. Бросив на Розмари рассеянный взгляд, она тотчас же вновь углубилась в своё занятие. Рядом с нею был красивый, облачённый в бело-красное полосатое трико и жокейскую шапочку мужчина. Здесь же располагались и все остальные: та самая загорелая дама с ослепительной улыбкой, которую Розмари уже видела на плоту (в отличие от женщины с книгой, она поприветствовала Розмари радушным кивком) и чем-то похожий на льва мужчина с благообразным продолговатым лицом и густой гривой пшеничных волос, в синем трико и без головного убора, о чём-то глубокомысленно беседовавший с юным латиноамериканцем в чёрном трико (при этом оба они теребили в руках кусочки высохших на песке водорослей). И хотя на всех тех американцев, с которыми Розмари до сих пор приходилось иметь дело, они похожи не были, она всё же решила, что большинство из них наверняка её соотечественники.

Понаблюдав за ними, она поняла, что все они являются зрителями некоего импровизированного спектакля, единственным актёром и заодно и режиссёром которого является мужчина в жокейской шапочке. Держа в руках грабли, он с суровым видом передвигался по пляжу и делал вид, что сгребаёт гальку. Произносимые им при этом фразы были, надо полагать, квинт-эссенцией юмористического жанра, а его мрачное лицо при этом лишь усиливало комический эффект. Вся компания следила за ним затаив дыхание, а каждое его слово вызывало взрыв хохота. Даже те, кто, подобно Розмари, находились слишком далеко, чтобы что-либо разобрать, вытягивали шеи и напряжённо прислушивались. Оглядевшись вокруг, она поняла, что на целом пляже к «представлению» равнодушен лишь один человек, а именно женщина с кни-

гой! Видимо, из той самой скромности, что свойственна обладателям сокровищ, она с каждым новым взрывом веселья лишь ниже склонялась над своим листком.

Вдруг прямо над Розмари вырос, будто с неба упав, её новый знакомый с моноклем и стаканом:

– Должен признать, вы здорово плаваете!

– Ах, ну что вы!

– Да ладно, не скромничайте! Моя фамилия Кэмптон. Представьте, здесь среди нас совершенно случайно оказалась одна дама, которая знает, кто вы. Она говорит, что на прошлой неделе видела вас в Сорренто¹⁰ и теперь сгорает от желания с вами познакомиться.

Скрывая досаду, Розмари оглянулась и увидела, что вся компания новичков смотрит на неё выжидающим взглядом. Поднявшись, она нехотя пошла за Кэмптоном.

– Знакомьтесь, это миссис Абрамс. Это мистер и миссис Маккиско. А это мистер Дамфри...

– Ну, а вас мы прекрасно знаем, – заговорила дама в вечернем платье. – Вы – Розмари Хойт! В Сорренто я увидела вас в отеле и подумала, что обозналась, но портье сказал, что нет! Мы все вас обожаем и хотим спросить, почему вы не в Америке и не снимаетесь в каком-нибудь новом сногшибательном фильме.

Сразу несколько человек жестом пригласили её сесть рядом. Узнавшая её дама вовсе не была, несмотря на свою фамилию, еврейкой. Просто она была одной из тех уникальных старушек, которые благодаря своему железному здоровью и последовательно проводимой в жизнь политике эгоизма безнадёжно задерживаются на этом свете, совершенно автоматически становясь «достоянием» всё новых и новых поколений.

– Мы хотели предупредить вас о том, что в первый день очень легко получить солнечный ожёг, – не умолкала она. – Вы ведь понимаете, как важно *вам* беречь свою кожу! Но на этом идиотском пляже все такие чопорные, что мы просто не знали, как к вам подойти...

Глава 2

– А вы случайно не участвуете в заговоре? – спросила миссис Маккиско. Она была молода и смазлива, но глаза у неё были явно лживые, а наглостью она обладала просто феноменальной. – Знаете, на лбу ведь не написано... Вот, например, недавно выяснилось, что некто мой муж играет в нём одну из ведущих ролей... Да что я говорю! Он там фактически правая рука этого... главного, с позволения сказать, «героя»!

– В заговоре? – изумлённо переспросила Розмари. – В каком заговоре?

– Милая моя, да разве мы знаем?! – со свойственным тучным женщинам судорожным смешком воскликнула миссис Абрамс. – Мы что, в нём участвуем?! Да боже упаси! Мы – галёрка!

– А я думаю, что тётенька Абрамс уже сама по себе стоит десятка заговоров, – вставил мистер Дамфри, женоподобный юноша с взъерошенной соломенной шевелюрой.

– Но-но, Ройял, думай, что говоришь! – тотчас же приструнил его Кэмптон, погрозив ему моноклем.

Розмари обвела всю эту публику унылым взглядом. Более всего на свете ей хотелось, чтобы сейчас рядом с нею оказалась её мать. Все эти люди вызывали у неё отвращение. Ах, как здорово было бы взять и каким-нибудь чудом перенестись на противоположный конец пляжа, где располагалась совсем другая, приятная и интересная компания! Её мать обладала пусть и скромным, но совершенно безошибочным чутьём, всякий раз, как бы дурно ни были воспитаны те, с кем ей порой приходилось иметь дело, позволявшим ей с честью выходить из любого щекотливого положения. Однако с тех пор, как Розмари стала знаменитостью, минуло всего лишь полгода, и нередко смесь усвоенных ею во время учёбы в Париже истинно французских

манер и той возведённой в ранг хорошего вкуса развязности, с которой она впервые столкнулась, вернувшись в Америку, сбивала её с толку. Должно быть, именно поэтому она иногда и попадала в такие глупые ситуации, как сегодня!

Мистер Маккиско, сухопарый мужчина лет тридцати, рыжеволосый и веснушчатый, болтовни о «заговоре», по-видимому, не приветствовал. Всё это время он молчал, отвернувшись к морю, однако теперь, бросив быстрый взгляд на свою жену, обернулся к Розмари и угрюмо спросил:

– А вы давно приехали?

– Только сегодня.

– Ясно.

И полагая, видимо, что с помощью одного-единственного вопроса ему удалось кардинальным образом изменить общее направление разговора, он выжидающе посмотрел на всех остальных.

– Ах, Розмари, оставайтесь на всё лето! – делая вид, что ничего не поняла, воскликнула миссис Маккиско. – Разве вам не интересно узнать, чем закончится заговор?

– Вайолет! – вконец потеряв терпение, взорвался её муж. – Тебе что, больше трепаться не о чем?!

Миссис Маккиско склонилась к миссис Абрамс и прошептала так, чтобы всем было слышно:

– Это всё нервы!

– Ничего подобного! – грубо заявил мистер Маккиско. – Нервы у меня в порядке!

Однако ему было явно не по себе. По лицу его расплзлась тусклая краска, придававшая ему глуповатое выражение. Видимо, смутно чувствуя, что является здесь посмешищем, он вдруг встал и направился к морю. Жена его тотчас поспешила за ним, и Розмари, обрадовавшись возможности избавиться, наконец, от этой назойливой компании, последовала их примеру.

Мистер Маккиско сделал глубокий вдох и бросился в воду. Отчаянно колотя с трудом слушавшимися его руками по средиземноморскому мелководью, он минуты три изображал что-то вроде кроля¹¹. Наконец, выбившись из сил, он встал на ноги и оглянулся. Надо было видеть, с каким изумлением он обнаружил, что до берега всё ещё рукой подать!

– Должен признаться вам, мисс, что я никак не могу научиться правильно дышать. Чёрт его знает, в чём здесь секрет!

И он вопросительно посмотрел на Розмари.

– Мне кажется, что вам следует попытаться делать выдох под водой, – принялась объяснять она. – А на четвёртый счёт вы поднимаете голову и делаете вдох.

– Сложная штука это дыхание... А что если нам с вами поплыть вон к тому плоту?

На плоту лежал, растянувшись во весь рост, тот самый похожий на льва мужчина, которого Розмари уже видела на берегу. Плот мерно раскачивался в такт движению воды. Когда доплывшая до него миссис Маккиско ухватилась за его край, он неожиданно накренился и сильно толкнул её в плечо, но в этот момент лежавший на плоту мужчина вскочил и вытащил её из воды.

– Я испугался, что вы можете получить травму, – тихо и застенчиво сказал он.

Розмари в жизни не встречала человека с более печальным лицом! У него были высокие индейские скулы, удлинённая верхняя губа и огромные, глубоко посаженные глаза удивительного тёмно-золотистого цвета! Обращаясь к миссис Маккиско, он старательно избегал её взгляда, как будто боясь оскорбить её своей назойливостью. Через минуту он был уже в воде, и его длинное неподвижное тело несло к берегу.

Розмари и миссис Маккиско наблюдали за ним, сидя на плоту. Когда инерция совершенного им первоначального толчка исчерпалась, он сложился вдвое и, мелькнув тощими ляжками на поверхности, вдруг полностью, не оставив после себя даже пузырька пены, исчез под водой.

– Этот господин плавает как рыба, – заметила Розмари.

– Зато поёт как жаба, – с неожиданной озлобленностью отозвалась миссис Маккиско.

Она обернулась к своему мужу, который после двух неудачных попыток всё же умудрился взобраться на плот и обрести равновесие, но тут же, стыдясь собственной неуклюжести и пытаясь показаться грациозным, пошатнулся и чуть было не свалился обратно в воду.

– Я как раз рассказывала мисс Хойт, что Эйб Норт хоть и плавает как рыба, но зато поёт как жаба! – объяснила она ему.

– Да уж, – примирительным тоном проворчал мистер Маккиско. Похоже, в семье их царил настоящий патриархат!

– Обожаю Антейля¹², – не без вызова начала его жена, вновь обернувшись к Розмари. – Антейля и Джойса¹³. Должно быть, вы там у себя в Голливуде о таких и не слышали, но смею вам сообщить, что первый человек, опубликовавший в Америке серию критических статей об «Улиссе»¹⁴ – это мой муж!

– Сигареты кончились! – невозмутимым тоном заявил Маккиско. – А она всё о своём Антейле да Джойсе!

– Джойс пишет намёками... Правда, Элберт?

И вдруг она умолкла. Та самая женщина, которую Розмари видела с книгой, теперь плавала вместе со своими двумя детьми в море, и Эйб Норт, поднырнув под её мальчугана, вдруг вырос из воды, точно вулканический остров, с ребёнком на плечах. Малыш вопил от страха и восторга, а на серьёзном лице женщины читалось умиротворение.

– Это его жена? – спросила Розмари.

– Ах, нет, это миссис Дайвер. Они не из отеля. – Вновь отвернувшись к морю, она буквально пожирала купальщицу взглядом. Однако уже через мгновение её злобные глазёнки смотрели на Розмари.

– А вы и прежде бывали за границей?

– О да! Собственно, я училась в Париже.

– Ах, вот как! В таком случае вам, наверное, известно, что если хочешь отдохнуть здесь по-человечески, то надо заводить знакомства с настоящими французами! Ну скажите, что может Франция дать всем этим людям? – она кивнула в сторону берега. – Ведь у них свой собственный замкнутый мирок! Вот мы, когда сюда собирались, первым делом обзавелись рекомендательными письмами ко всем лучшим писателям и художникам, которые живут в Париже. Представляете, как нам там было здорово?!

– Отлично представляю.

– А знаете, мой муж сейчас как раз завершает работу над своим первым романом...

– В самом деле? – совершенно машинально спросила Розмари. В данный момент она вообще ни о чём особо не думала, разве что только о том, удалось ли её матери в эдакую жару уснуть.

– Принцип тот же, что в «Улиссе», вот только вместо одних суток у моего мужа – целое столетие, – воодушевлённо продолжала миссис Маккиско. – А главный герой – старомодный французский аристократ, который не вписывается в эпоху прогресса...

– Вайолет, ты прекратишь или нет? – строго остановил её мистер Маккиско. – Какой дурак станет покупать мои книги, если ты заранее растрезвонишь, что в них написано?

Добравшись до берега, Розмари набросила на свои уже изрядно покрасневшие плечи пеньюар и снова легла на солнце. Мужчина в жокейской шапочке теперь переходил от зонтика к зонту, держа в руках поднос, на котором стояла бутылка и целая дюжина стаканов. Вскоре

выпивка так сблизилась всех его друзей, что более десятка зонтов сбились вместе, образовав один огромный навес, под которым теснилась вся компания. Как она поняла, кто-то из них нынче вечером собирался уезжать, и в связи с этим решено было устроить прощальную вечеринку. Даже носившиеся по пляжу дети интуитивно чувствовали, что источник веселья находится где-то здесь, и старались держаться к нему поближе. Что же касается самой Розмари, то она ни на минуту не сомневалась, что этим источником является не кто иной как человек в жокейской шапочке.

И море, и небо словно застыли под палящим полуденным солнцем; даже белые очертания находящихся за пять миль отсюда Канн представлялись не более чем иллюзией свежести и прохлады. Вот на горизонте показался малиновый парус, и вслед за лодкой из открытого моря в бухту ворвался пенистый тёмно-синий поток. Казалось, всё живое на целом побережье вымерло, и только здесь, при жидком свете проникающих в просветы между зонтами лучей, сверкают краски, стоит нескончаемый гул людских голосов и кипит жизнь.

Вскоре неподалёку от Розмари остановился Кэмптон, и она поспешно закрыла глаза, притворяясь, что спит. Затем, однако, она решилась их слегка приоткрыть и увидела перед собой размытые очертания двух толстых, похожих на столбы ног. Ноги эти взметнули на пляже облако жёлтой пыли, которое тотчас же унеслось ввысь. Когда сутулая фигура Кэмптона исчезла, наконец, из виду, Розмари уснула по-настоящему.

Проснувшись, она обнаружила, что с неё градом течёт пот, а на пляже, кроме неё самой, остался один-единственный человек – мужчина в жокейской шапочке! Он как раз складывал последний зонт. Заметив, что она открыла глаза, он подошёл к ней и сказал:

– Признаться, мисс, я как раз собирался домой и хотел вас разбудить. С солнечным ожогом шутки плохи.

– Благодарю вас.

Розмари взглянула на свои побагровевшие ноги.

– Силы небесные!

Надеясь, что ему захочется поговорить, она весело рассмеялась, но Дик Дайвер уже тащил складную кабинку и зонт к стоявшему поблизости автомобилю. Тогда, чтобы освежиться, Розмари решила немного поплавать. Пока она плескалась в воде, он вернулся и, подбрав лежавшие на песке грабли, совок и сито, спрятал их в расщелину между камней. Затем он огляделся вокруг, проверяя, не забыл ли он чего-нибудь на пляже.

– Простите, а вы не скажете, который час? – спросила она.

– Примерно половина второго, мисс.

И оба одновременно посмотрели на горизонт.

– Час, как я думаю, отменный, – сказал Дик Дайвер. – Можно сказать, лучший из всех возможных!

Он посмотрел на неё, и целое мгновение для Розмари не существовало ничего, кроме его удивительных, наполненных солнечной синевой глаз! Затем, взвалив себе на плечи последнюю сумку с вещами, он зашагал к автомобилю. Выйдя из воды, Розмари отряхнула со своего пеньюара песок, оделась и задумчиво побрела в сторону отеля.

Глава 3

К обеду Розмари с матерью явились лишь в третьем часу. В ресторанном зале было совершенно пусто, и лишь на вытертых до зеркального блеска столах металась причудливые тени – это ветер раскачивал растущие за окном сосны. Двое итальянцев-официантов, оживлённо болтая, заканчивали убирать посуду. Однако, увидев посетительниц, они разом умолкли и на скорую руку сервировали для них облегчённый вариант предусмотренного табльдотом¹⁵ ланча.

– А я на пляже влюбилась, – вдруг заявила Розмари.

– В кого же?

– Ну, сначала – в целую кучу очень милых и симпатичных людей... А затем в одного мужчину.

– И ты с ним говорила?

– Увы, почти нет... Но он очень красив. Рыжие волосы...

Изрядно проголодавшаяся Розмари, не раздумывая, приступила к ланчу.

– Однако он женат, – добавила она с полным ртом. – Обычное дело...

Её мать была её лучшей подругой и в последние годы фактически посвятила свою жизнь тому, чтобы всячески способствовать профессиональному становлению своей дочери. В актёрской среде это не такая уж редкость, однако удивительным было то, что, в отличие от многих других матерей юных дарований, миссис Элси Спирз не искала в этом вознаграждения за собственную не состоявшуюся карьеру. Ей грех было жаловаться на судьбу. За плечами у неё было два вполне благополучных брака, и оба раза, овдовев, она становилась лишь крепче духом. Первый её супруг был кавалерийским офицером, а второй – военным врачом, и надо сказать, что оба они позаботились о том, чтобы в будущем её дочь ни в чём не нуждалась. Воспитав Розмари в строгости, мать тем самым сформировала её характер, однако, целиком и полностью посвятив себя дочери, она взрастила в её душе идеализм. До сих пор идеалом для Розмари была она сама, и на мир её дочь смотрела её глазами. Впрочем, при всём своём простодушии она была надёжно защищена от типичных ошибок юности, и лучше всяких предостережений матери её оберегала собственная интуиция. В свои без малого восемнадцать лет она уже обладала вполне зрелым неприятием всего дешёвого, фальшивого и пошлого. Однако когда к Розмари неожиданно пришла известность, миссис Спирз решила, что её дочери пора обрести некоторую внутреннюю независимость, и поэтому она бы скорее обрадовалась, нежели огорчилась, если бы этот пламенный, самозабвенный и в то же время на редкость взыскательный идеализм обрёл более подходящий объект для поклонения.

– Так значит, тебе здесь нравится? – спросила она.

– Я думаю, что было бы неплохо познакомиться с этими людьми... Ну, с теми, которые мне понравились, конечно. Потому что на пляже были ещё и другие, но они просто ужас! Они меня узнали. Увы, мама, как бы далеко мы с вами ни уехали, в любом уголке мира найдутся люди, смотревшие «Папину дочку»!

Подождав, пока уляжется этот порыв детского самолюбования, Миссис Спирз как бы вскользь спросила:

– Кстати, когда же ты намерена повидаться с Эрлом Брэди?

– Думаю, мы можем съездить к нему даже сегодня. Если, конечно, вы не устали, мама.

– А что если ты отправишься к нему одна, без меня?

– Тогда лучше подождать до завтра.

– А я считаю, что ты и сама отлично справишься. Здесь недалеко. Или ты не говоришь по-французски?

– Ах, мама, честно говоря, мне сегодня совсем не хочется никуда ехать...

– Ладно. Можно поехать и в любой другой день. Но имей в виду: пока мы здесь, ты просто обязана с ним встретиться!

– Хорошо, мама.

После ланча их обеих вдруг одолела та странная хандра, которая нередко донимает американцев за границей, особенно в провинции. Это было отвратительное состояние, когда ничего не хочется делать; когда тишина действует угнетающе, и нет собеседника, который озвучил бы тебе твои собственные мысли! Им казалось, что жизнь здесь остановилась, и их вдруг охватила ностальгия по суете и блеску больших городов.

– Не знаю, как вы, мама, а я думаю, что дольше трёх дней здесь оставаться не стоит, – сказала Розмари, когда они вернулись в номер.

За окном шелестели листья. Сквозь жалюзи в комнату проникали порывы ветра. Жара, наконец, мало-помалу стала спадать.

– А как же твой курортный роман?

– Ах, мама, неужели вы не понимаете, что мне не нужен никто, кроме вас?!

В вестибюле Розмари случайно столкнулась с месье Госсом-старшим и, воспользовавшись случаем, узнала у него расписание местных поездов. Скучавший у конторки консьерж¹⁶ в светло-коричневой форме принялся было раздевать её взглядом, но тут же опомнился и скромно опустил глаза. Автобус, которым она добиралась на станцию, оказался почти пустым. Её попутчиками были лишь двое официантов, которые при её появлении почтительно замолчали и потом за всю дорогу так и не проронили ни слова. Ей хотелось сказать им: «Не стесняйтесь! Бросьте все эти глупые игры, ведь вы нисколько мне не мешаете!»

В купе первого класса¹⁷ было душно. Повсюду мелькали красочные рекламы железнодорожных компаний: где-то рядом с Арлем¹⁸ – Пон-дю-Гар¹⁹, а ещё – амфитеатр в Оранже²⁰, зимний спорт в Шамони²¹... Каким же заманчивым всё это казалось по сравнению с бесконечно тянущимся за окном бесцветным морем! В отличие от американских поездов, которые были, казалось, пришельцами из иных миров, где и понятия о скорости совершенно иные, и потому презирали всё, что движется менее стремительно, чем они сами, в том числе собственных пассажиров, здешние поезда были неотъемлемой частью той земли, по которой они двигались. Своим дыханием они сдували пыль с пальмовых листьев, а оставшаяся от сгоревшего в их огненных недрах топлива зола шла на удобрение окрестных садов. Вдоль железной дороги росли цветы, и Розмари казалось, что можно, не выходя из поезда, встать и, протянув руку в окно купе, сорвать букет!

Вскоре поезд прибыл в Канны. Выйдя на станцию, она увидела длинный ряд экипажей. Сонные извозчики скучали в ожидании пассажиров. Вдоль набережной выстроились бесчисленные модные лавки, казино и огромные отели. Их сверкавшие холодным металлическим блеском фасады равнодушно взирали на летнее море. Трудно было поверить, что здесь вообще когда-то был «сезон», и чувствительной к веяниям моды Розмари вдруг стало неловко, как будто она запятнала себя причастностью к этому безнадежно отсталому миру; что скажут люди, узнав, что в это затишье между весельем прошлой зимы и следующей она всё ещё здесь, в то время как где-то далеко, на севере, кипит настоящая жизнь?!

Когда Розмари с флакончиком кокосового масла в руках выходила из аптеки, дорогу ей перешла женщина, которую она сразу же узнала: это была миссис Дайвер. Держа в руках целую охапку диванных подушек, она направлялась к припаркованному неподалёку автомобилю. Вот к ней подбежала, радостно залаяв, чёрная такса, и уснувший было шофёр, вздрогнув, проснулся. Она села в машину. Красивое лицо её было непроницаемо, а дерзкий, но в то же время настороженный взгляд был устремлён в никуда. На ней было короткое ярко-красное платье, обнажавшее загорелые ноги. Волосы у неё были густые и тёмные, с золотистым оттенком, делавшим их похожими на шерсть собаки чау²².

До обратного поезда оставалось ещё полчаса, и чтобы скоротать время, Розмари решила зайти в располагавшееся неподалёку, на набережной Круазет²³, Café des Alliés²⁴. Там, под зелёной сенью деревьев, можно было отдохнуть за столиком и послушать оркестр, услаждавший слух воображаемой публики продолжавшим пользоваться популярностью «Карнавалом на Лазурном Берегу»²⁵ и прошлогодними американскими мотивчиками. Она купила для матери Le Temps²⁶ и The Saturday Evening Post²⁷, и теперь, медленно потягивая свой лимонад, читала в американском журнале воспоминания какой-то русской княгини. Объявленные нынче странными условности девяностых годов вдруг показались ей роднее и ближе, чем злободневные заголовки на первой полосе французской газеты. Её вновь охватило то же чувство,

что и в отеле. Привыкнув делить на белое и чёрное весь происходящий на этом континенте ежедневный абсурд, она была просто не в силах отыскать здесь для себя что-то стоящее, а потому пришла к выводу, что жизнь во Франции попросту скучна – и пуста! Заунывные мелодии оркестра лишь обостряли это чувство. Они напомнили ей ту музыку, под которую выступают в водевиле акробаты. Оказавшись, наконец, в отеле, она вздохнула с облегчением.

На следующий день её обожжённые солнцем плечи болели так, что о плавании не могло быть и речи. Поэтому они с матерью, изрядно сперва поторговавшись с шофёром, ибо за годы учёбы в Париже Розмари успела узнать цену деньгам, наняли автомобиль и отправились на экскурсию по являющейся дельтой столь многих рек Ривьере²⁸. Их шофёр, настоящий русский боярин времён Ивана Грозного, оказался прирождённым экскурсоводом. Словно разом сдёрнув унылую пелену повседневности, он заставил все эти дышащие славой былых веков названия – Канны, Ницца²⁹, Монте-Карло³⁰ – предстать перед Розмари во всём своём блеске, и вот уже перед её мысленным взором величественной походкой шествовали окружённые многочисленной свитой французские короли, во время оно приезжавшие сюда и пировать и умирать, раджи³¹ в причудливых одеждах осыпали заморскими сокровищами английских балерин, а русские князья, потеряв счёт дням и ночам, бражничали по три недели кряду, и столы в ресторанах ломились от чёрной икры... Над побережьем и в самом деле поныне витал русский дух³² – проезжая, они видели русские бакалейные лавки и книжные магазины, когда-то процветавшие, а теперь заколоченные. Десять лет тому назад, в апреле, в связи с окончанием сезона закрыли православную церковь³³, а в погребках оставалось ждать столь любимое русскими сладкое шампанское. «Через год мы вернёмся», – обещали тогда они, однако судьба распорядилась иначе. Никому из них так и не суждено было побывать здесь снова.³⁴

В отель возвращались уже под вечер, и Розмари любовалась морем. В часы заката оно сверкало тысячью самых неожиданных красок и вдруг напомнило ей те агаты³⁵ и сердолики³⁶, которыми мать иногда позволяла ей играть в детстве. Оно было то беловато-зелёным, как млечный сок растений, то голубым, как приготовленная для стирки вода, то тёмным, как вино. Из крохотных деревенских забегаловок доносились незатейливые звуки пианолы³⁷. Там, под сенью виноградных лоз, простые люди, радуясь и веселясь, вкушали простую пищу. А когда автомобиль свернул с Корниш д'Ор³⁸ и направился, минуя окутанные сумерками деревья, к отелю Госса, Розмари увидела, что над руинами древних акведуков уже плывёт луна...

Где-то далеко в горах был деревенский праздник, и Розмари, стоя в призрачном лунном свете у затянутого москитной сеткой окна и прислушиваясь к доносящимся издалека звукам музыки, изумилась: надо же, и здесь, оказывается, бывает веселье! Ей вспомнились те милые люди на пляже, и она подумала, что завтра утром, скорее всего, увидит их снова. Ах, как же ей хотелось познакомиться с ними поближе! Розмари втайне мечтала, чтобы они приняли её в свою компанию, однако это было навряд ли возможно: стоит им вместе со своими детьми и собаками выйти на пляж, расставить зонты, расстелить циновки – и всё, вход воспрещён! Но, как бы то ни было, до отплытия парохода оставалось ещё два дня, и она твёрдо решила, что в любом случае не допустит, чтобы те, другие, назойливые и бесцеремонные, снова испортили ей отдых!

Глава 4

На следующий день ей повезло. Рано утром, когда на пляже не было ещё ни мистера и миссис Маккиско, ни их дурно воспитанных друзей, а сама Розмари только-только расстелила свой пеньюар и легла загорать, к ней подошли, оставив свою компанию, двое мужчин – тот

самый, в жокейской шапочке, и прославивший любителем распиливать официантов высокий блондин.

– Доброе утро! – приветствовал её Дик Дайвер и сразу же спросил: – Послушайте, мисс, я понимаю, что в солнечном ожоге мало приятного, но почему вы вчера даже не появились на пляже? Мы за вас беспокоились!

Она встала и тихим счастливым смехом дала понять, что безумно им рада.

– Знаете, мы подумали, – продолжал он тем временем, – почему бы вам сегодня к нам не присоединиться? Да-да, я вполне серьёзно! В нашем обществе вы сможете отведать лучшие из здешних вин и яств, мы считаем за честь вас угостить, так что не стесняйтесь!..

Он был добр и обаятелен. Его голос подсказывал ей, что сегодня она может рассчитывать на его заботу и покровительство, а пройдёт совсем немного времени – и он распахнёт перед нею целые миры новых восхитительных возможностей! Перезнакомив её сразу со всеми своими друзьями и при этом умудрившись ни разу не назвать её имя, он тем самым с лёгкостью дал ей понять, что эти люди, и безо всяких знакомств прекрасно зная, кто она, тем не менее считают верхом невоспитанности бесцеремонно вторгаться в её жизнь! С тех пор как на Розмари обрушился успех, подобной деликатности она могла ожидать лишь от тех, кто на собственной шкуре испытал, *что* значит быть звездой.

Николь Дайвер, сверкая жемчугом и загорелой спиной, листала поваренную книгу. Ей нужен был цыплёнок по-мэрилендски³⁹. Розмари решила, что ей лет двадцать пять. Лицо её на первый взгляд казалось не более чем стандартно красивым. Неординарность проступала на нём исподволь. Оно было как будто изначально задумано с размахом, достойным эпохи героев: крупные, волевые черты, смелые, решительные линии в сочетании с живостью красок – словом, всё то, что мы привыкли отождествлять с силой характера и неукротимостью темперамента, было воплощено в нём с поистине роденовской⁴⁰ выразительностью. Однако затем – увы! – словно какой-то горе-ваятель взялся доделывать незаконченный шедевр и в силу своей ограниченности придал ему черты обыкновенной смазливости! Ещё чуть-чуть такой «отделки» – и от великого замысла не осталось бы и следа! Единственное, чего бездарному скульптору не удалось испортить – это губы. Придав им тот капризный изгиб, который мы часто видим на обложках журналов, он всё же не смог скрыть ту стремительность, которая должна была стать свойственной всем чертам этого лица согласно первоначальному замыслу.

– Скажите, вы здесь надолго? – спросила Николь. Голос у неё был низкий, с хрипотцой.

Розмари вдруг подумала, что можно было бы остаться ещё на недельку.

– Не очень, – не совсем уверенно ответила она. – Мы ведь уже долго за границей. В марте мы приплыли на Сицилию⁴¹ и вот теперь мало-помалу продвигаемся на север. Видите ли, в январе на съёмках я схватила воспаление лёгких, и сейчас у меня восстановительный период...

– Боже правый! Как это случилось?

– Мне пришлось плавать в ледяной воде. – Розмари не очень-то хотелось посвящать этих пусть и очень милых, но всё же малознакомых людей в подробности своей жизни. – Собственно, у меня был грипп, но я подумала, что это всего лишь лёгкая простуда, и решила продолжать сниматься. А у нас как раз была сцена, в которой я бросаюсь с моста в канал. Снимать её решено было в Венеции⁴², во всё это, как вы понимаете, были вложены сумасшедшие деньги, а потому нырять мне пришлось целый день. Вечером мама срочно пригласила врача, но что он мог сделать? Пришлось болеть...

И прежде, чем кто-либо из них успел ответить, она решительно сменила тему.

– А вам здесь, надеюсь, нравится?

– Иначе и быть не может, – неторопливо произнёс Эйб Норт и, с достоинством повернув голову, одарил чету Дайверов исполненным благоговения взглядом. – Должен сказать вам, мисс, что если бы не они, здесь вообще не было бы курорта!

– Ах, что вы говорите?!

– Дело в том, что раньше в летнее время отель был всегда закрыт, – объяснила Николь. – Однако в прошлом году мы уговорили месье Госса подойти к делу иначе. Оставив на лето всего трёх человек из obsługi – повара, официанта и курьера, он смог убедиться, что вложенные им деньги себя оправдали, и в нынешнем сезоне, как видите, дела идут даже лучше, чем в предыдущем.

– Но ведь вы, кажется, живёте не в отеле?

– У нас здесь вилла в Тармсе.

– Позвольте объяснить вам, мисс, в чём заключалась суть нашей идеи, – переставив зонтик так, чтобы на обгоревшие плечи Розмари не светило солнце, подхватил начатый Николь рассказ Дик. – Согласитесь, что все северные курорты наподобие Довиля⁴³ давно облюбовали русские и англичане – им холод, как известно, нипочём! Мы же, американцы, совсем другие: едва ли не каждый второй из нас родился в тропиках. Стало быть, и отдыхать нам лучше не на севере, а здесь.

Тем временем юный латиноамериканец принялся листать *The New York Herald*⁴⁴.

– А ну-ка угадайте, откуда родом вся эта публика! – вдруг воскликнул он и прочёл с едва заметным французским акцентом: – «В отель «Palace»⁴⁵ города Веве⁴⁶ на прошлой неделе прибыли: мистер Пандели Власко, мадам Боннеас (я ничего не вру!), Коринна Медонка, мадам Паше, Серафим Тулио, Мария Амалия Рото Маис, Моисей Тойбель, мадам Парагорис, апостол Александр, Иоланда Иосфуглу и Женестьева де Момус!» Вот кто заслуживает внимания – Женестьева де Момус! Не знаю как вы, господа, а я завтра же с утра нарочно отправляюсь в Веве, чтобы с ней познакомиться!

И латиноамериканец в мгновение ока вскочил со стула. На несколько лет моложе Дайвера и Норта, он был высок ростом и поджар, но тем не менее плечист и силён. Если бы не безразличное выражение лица, его можно было бы считать эталоном мужской красоты.

Но увы, даже блеск его карих глаз не мог сгладить неприятного впечатления. Однако запоминались почему-то именно они, эти глаза, а не скорбные складки у рта и не та безысходная боль, что до времени избородила морщинами его совсем ещё юный лоб.

– На прошлой неделе нам попались интересные имена в американских новостях, – сказала Николь. – Миссис Эвелин Устрица и... Дик, ты не помнишь?

– Мистер С.Мертвец, – тоже поднимаясь со своего места, ответил Дайвер. Взявшись за грабли, он принялся сосредоточенно выгребать из песка мелкие камешки.

– Ах, да, С.Мертвец. Просто мурашки по коже!

В обществе Николь Розмари чувствовала себя спокойно и непринуждённо – пожалуй, с ней ей было даже лучше, чем с матерью. Эйб Норт и француз Барбан принялись обсуждать последние марокканские новости⁴⁷, а Николь, переписав рецепт, взялась за шитьё. Розмари с интересом огляделась вокруг. У Дайверов была масса интересных и необычных вещей: четыре огромных зонтика, из которых можно было сделать навес, кабинка для переодевания, надувной резиновый конь и куча всего остального! Многие из этого Розмари вообще видела впервые в жизни. С окончанием войны⁴⁸ люди вновь мало-помалу стали вспоминать, что на свете существует комфорт и роскошь. Следует заметить, что о многом из того, что было у Дайверов, подавляющему большинству простых смертных в то время приходилось только мечтать. Разумеется, Розмари не составило труда догадаться, что она имеет дело с людьми, обладающими баснословным богатством, однако, хотя мать и предостерегала её не раз, говоря, что подобные люди чаще всего оказываются не более чем праздными прожигателями жизни, она была уверена, что те, с кем свела её сегодня судьба, представляют собой приятное исключение. Даже в нынешней их неподвижности она усматривала наличие некоей пока ещё не совсем ясной ей цели. Всё происходящее представлялось ей как невероятно сложный творческий процесс, и ей

надо было ещё духовно дорасти, чтобы понять его смысл. Её незрелый ум был далёк от того, чтобы анализировать складывающиеся между ними отношения; по правде сказать, её занимало лишь то, как они относятся к ней самой, и хотя интуиция говорила ей, что движущие этими людьми чувства и сложны и противоречивы, блистательный парадный фасад их жизни казался ей куда более значительным, чем то, что за этим фасадом скрывалось. Одним словом, немного понаблюдав за своими новыми знакомыми, Розмари пришла к однозначному выводу, что в их компании можно отлично провести время.

Затем она принялась по очереди думать о каждом из троих мужчин. Каждый из них был по-своему совершенством; каждый обладал прирождённой воспитанностью – не той, что умеет появляться и исчезать в зависимости от обстоятельств, а той, которая сопровождает человека всю жизнь и проявляется в каждом его поступке! Как же далеко до них было всем тем нагловатым юношам, которых ей приходилось встречать среди актёрской братии! Впрочем, и режиссёры, которых до сегодняшнего дня она почитала за цвет общества, были не намного лучше. Куда им было с их панибратской бесцеремонностью до той поистине удивительной предупредительности и деликатности, которую она открыла для себя в обществе *этих*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.